

Три викинга: меж двух времён.

Володимир Свенельд

I.

...9 Мая 198.. года, СССР, день праздника победы над Германией.

... Раннее утро. Ярко-оранжевый шар Солнца неспешно выплыл из-за горизонта. Его лучи осветили тёмное пятно виднеющегося вдалеке города, лениво заскользили по примыкающему к нему колхозному полю, уже позеленевшему из-за взошедших всходов, разрезающему поле надвое пустынному шоссе, ведущему в город, и под конец упёрлись в ровный ряд домиков дачного посёлка.

Оттуда на шоссе выехала старая, серая "Победа". В машине ехали двое: ветеран-танкист Пётр Николаевич Аскольдов, крепкий невысокий старик, на кителе которого висели два боевых ордена и три медали, а также худощавый подросток лет так двенадцати-тринадцати — его внук Артур.

Последний смотрел в полуоткрытое окно — набегающий поток свежего весеннего воздуха приятно освежал, мимо проносились посаженные вдоль дороги деревья, все покрытые молодой листвой, некоторые из них уже зацвели, вдалеке на поле работал трактор, гул его мотора был едва слышен.

— Деда, а деда, а где ты воевал ?

— Да много где, — старик усмехнулся, — вначале, в 1939 году был на Халхин-Голе. Это на Дальнем Востоке. Там тогда с япошками была заваруха. Я был молодым, командиром танком. В следующем году — Финская Кампания. Чудом жив остался. Эх, сколько наших там погибло! Войну с немцами встретил младшим лейтенантом на румынской границе. После — Воронеж, Сталинград. На Курской Дуге снова ранило, опять еле выжил. Закончил войну в Праге гвардии майором.

— Деда, а что на войне самое плохое? Ветеран, тяжело вздохнул, вспомнил военные годы, и задумался, соображая, что можно можно, а чего нельзя сказать своему хоть и настырному, но очень любимому потомку.

Но на сей раз, фронтовик решил быть предельно откровенным — мальчик уже вырос и нуждается в мужском воспитании:

— Хуже всего — это предательство, когда свои же стреляют в спину... И трусость. Один раз испугался — не беда! Ну, с кем не бывает. Война-то вещь страшная. Но если не привык, если не преодолел свой испуг, то ты уже не человек, а так ... Помнишь, что сказал Спартак? Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! ...И ещё — неизвестность. Это когда, например, в окружение попадаешь, везде враги и непонятно куда идти, и где к своим пробиваться.... А также враньё. Нам говорили: На фронте без перемен, на фронте без перемен, — но мы уже знали, что наше дело плохо, раз нам бояться сказать правду.

— Деда, а кто виноват, что вы отступали и в окружения попадали? Маршалы и

генералы? Или Сталин?

Петру Николаевичу снова вспомнил войну, трагический 1941-й год с его постоянными отступлениями и поражениями Красной Армии, реки слёз и моря крови, выплаканные и пролитые советскими людьми, речи Сталина и Молотова, страшный военный парад 7-го Ноября на Красной Площади, когда смертники, промаршировав мимо стоящего на ленинском мавзолее товарища Сталина сразу отправлялись на фронт — из них лишь единицы выжили, и, наконец, битву под Москвой — первую весомую победу Красной Армии.

Поэтому он и не стал отвечать:

— Вот мы уже и приехали, — автомобиль въехал в город.

Внезапно на перекрёстке им наперерез выскочила белая "Волга". И хотя Аскольдов и ударил мгновенно по тормозам и до упора вывернул руль, однако "Победу" "занесло", и она зацепила крыло советского лимузина.

Фронтовик пулей выскочил из машины:

— Куда прёшь?! У тебя, что глаз нет — чего на "красный свет" едешь?!

— Не гуди, дед! — водитель "Волги", одетый в дорогой костюм, высокий мужчина лет так тридцати с небольшим с уже явно обозначившейся лысиной, вообще, с типичной внешностью коммунистического чиновника, тоже вышел из машины и не торопясь стал осматривать причинённые повреждения.

— Слышь, старик, — чиновник закончил осмотр, — плати пол-тыщи и я претензий не имею.

— Это я платить должен? — возмутился Аскольдов-старший, — Это я что ли на "красный" ехал?

— А у тебя свидетели есть? — водитель "Волги" неопределённо махнул рукой, указывая на безлюдные улицы. — Ладно, тогда ждём милицию.

И он извлёк из кармана серебряный портсигар, открыл его и достал дорогую кубинскую сигару — подарок Фиделя Кастро советским товарищам, — некоторое время мял её, крутил пальцами — видимо какая-то тревожная мысль не шла у него головы, потом резким движением сунул её в рот, и, не прикуривая, направился к ближайшему уличному телефонному автомату.

Город просыпался — на улицах появились первые прохожие, и вскоре возле места происшествия собралась толпа зевак.

Наконец заявила и дорожная инспекция:

— Инспектор Денисенко. Ваши документы! — скороговоркой пробурчал краснощёкий широкоскулый украинец высокого роста и неспортивного телосложения. Судя по мутноватому блеску его небольших серых глаз, он уже выпил свои сто или может более грамм, отчего работать в праздник ему, как и всем нормальным советским людям, естественно, не хотелось.

Инспектор едва глянул в права и паспорт Аскольдова, зато документы водителя "Волги" вызвали у него немалый интерес — Денисенко столь скрупулезно их рассматривал, словно пытался их выучить наизусть. Конечно, только глянув на номера,

он уже знал кто перед ним — в Советском Союзе автомобильные номера у коммунистической номенклатура были другие, чем у простых граждан, — и теперь, шевеля пьяными извилинами, обдумывал, какую ему занять позицию в этом конфликте, чтобы не прогадать. И решение было принято быстро.

— Возьмите, — физиономия стража порядка расплылась в подхалимской улыбке, — так что тут у вас произошло?

— Он поехал на "красный", — дедушка Артура решил взять инициативу в свои руки.

— А что вы скажете, товарищ Миргородский?

— Этот гражданин ошибается, поскольку нарушил правила сам.

— Вот видите гражданин Аскольдов — у него другое мнение, а не доверять товарищу Миргородскому у нас нет оснований.

— Ну да, этот товарищ, наверно, большой член партии, однако не только у него есть заслуги ...перед Родиной.

— Не только вы один воевали, — чиновник возмутился и кивнул на китель Аскольдова, — мой отец тоже воевал... в войсках НКВД. Поэтому мы знаем, как "воевали" вы, быдло...

— Да, что вы такое говорите, товарищ Миргородский?! — даже для инспектора, который, казалось бы, все видел в жизни, это было уж слишком.

Но того остановить уже было невозможно:

— Как вы, быдло, в начале войны от немцев драпали и миллионами в плен сдавались. И лишь когда у вас остался выбор между ссылкой в Сибирь, на Колыму, немецким концлагерем или расстрелом на месте, вы наконец-то свою горячо любимую Родину защищать соизволили.

Воцарилось молчание — такого никто не ожидал.

— Так что не бряцай медалями, дед, — Миргородский продолжил, — и запомни — суд, и милиция всегда будут на моей стороне. Захочу я тысячу рублей — и суд присудит тысячу, а захочу две тысячи и ты две "штуки" заплатишь — никуда не денешься. А будешь жаловаться, добиваться справедливости, так знай — в психбольнице свободные места всегда найдутся. Но ты этого делать не будешь, правда? Вы, ведь поколение, войной и Сталиным хорошо напуганное...

— А я думаю, что эта царапина на две тысячи не потянет, — ветеран уже пришёл в себя от подобного хамства и двинулся к своей машине, — но ничего это мы сейчас исправим... Артурчик выйди и иди туда — к людям.

— Зачем деда, а?

— Выйди, тебе говорят! Артур послушался, нехотя вылез из машины и поплёлся к толпе. Его дед был добрым и уступчивым, но только до того момента, пока выходил из себя — тогда его упрямство не имело границ, и спорить с ним было бесполезно.

Пётр Николаевич сел за руль — "Победа" сорвалась с места.

— Стой! — утренний воздух прорезала трель милицейского свистка.

Но ветеран и не пытался бежать. Его автомобиль дал задний ход, отскочил назад, и с разгона таранил машину коммуниста. Но этого Аскольдову показалось мало.

"Победа" снова отъехала назад, но на много дальше чем в первый раз, и ударила снова.

Наступила мёртвая тишина. Внезапно оцепенение прошло и толпа бросилась к месту трагедии. "Волга" была разбита вдребезги, "Победа" же пострадала значительно меньше, однако её рулевая колонка въехала ветерану в грудь.

— Скорее вызывайте "Скорую помощь"! — выкрикнул кто-то.

Пётр Николаевич открыл глаза.

— Да как вы могли такое сделать? — с ужасом спросил сразу протрезвевший Денисенко.

— Как? Да так, как я таранил немецкие танки под Курском! — ветеран закрыл глаза. Он был мёртв.

— Деда, дедушка не пугай меня, открой глаза, — всхлипывал Артур, — деда, не умирай.

— Ну и натворили вы, товарищ Миргородский! — в душе инспектора кипела яростная схватка между совестью и страхом перед нагоняем, который он обязательно получит от своего начальства.

— Вы мне не товарищ, — отрезал коммунист.

Артур повернул заплаканное лицо к убийце деда: — Запомни, гад! Когда я вырасту, то тебе отомщу обязательно!

— Ты ещё вырасти щенок! — Миргородский зловеще засмеялся. — Скоро ваши времена закончатся, и наступит время наше, и мы ещё покрасим крыши вашей кровью...

...4 октября 1993 года, Москва. Танки расстреливают Белый Дом. По тёмному подземному переходу московского метро с автоматами бегут двое защитников российского парламента, прорвавшихся сквозь отцепление правительственных войск.

Один из них остановился:

— Ну, всё, Медведь, я пошел на Курский вокзал. На, — Артур Аскольдов бросил спутнику автомат. — Думаю тебе он ещё пригодиться, а мне его через границу всё равно не провести.

— Удачи, Артур! Если что надо — звони. Ведь я тебе по гроб обязан.

II.

... Наши дни, США, Нью-Йорк.

В это ранее воскресное утро в кровати после бурной ночи двое приходили в себя. Изнурительная постельная битва, ко взаимному удовлетворению, закончилась боевой ничьёй, но удивительно — ни ему ни ей спать не хотелось.

— Ну ты и жеребец, Джек, — я от тебя этого не ожидала! — восхищённо сказала хозяйка квартиры, тридцатилетняя банковская служащая Джина Смит своему приятелю. Любовниками они уже были три года, и уже давно подумывали о браке. Вообще на Джека, ей было грех жаловаться: он — настоящий мужчина во всех отношениях, сильный и мужественный, цену себе знает, но не заносится до небес, если иногда и позволяет собой манипулировать, то до определённого предела, конечно. Однако на сей раз он превзошёл самого себя.

— А это что плохо, Джина?

— Наоборот, отлично! — она мечтательно посмотрела в потолок. Мисс Смит была на седьмом небе.

— Сама понимаешь, у меня был вчера очень трудный день, вот пришлось усиленно заняться "выравниванием гормонального баланса..". — усмехнулся Джек Эрикссон.

Он работал в ФБР, что от своей будущей жены, разумеется, не скрывал, но для посторонних он был лишь скромным работником департамента юстиции.

— Почаще бы у тебя были такие "трудные" дни! — в её глазах было ещё что-то. — А если серьёзно, то что произошло?

— Это всё из-за денег русской мафии. Прокуратура жмёт, чтобы мы быстрее провели расследование, ведь это дело политическое. Приходится работать сверхурочно, но результаты, увы, не впечатляют. Например, вчера целых четыре часа допрашивали хорошо знакомых тебе, Аллу Беккер и её мужа, но всё впустую.

— А что такое? — заинтересовалась Джина.

— Они всё отрицали. И раз у нас пока против них прямых улик нет, то любой суд посчитает их действия халатностью. Но..но когда мы их "прижмём", то будет процесс десятилетия...

— Ладно, хватит о работе, а то ты не остановишься, — оборвала его подруга.

— Хорошо, давай тогда лучше допьём бутылку, — возле кровати на ночном столике в компании двух фужеров стояла наполовину пустая бутылка виски.

— Подожди, я сейчас принесу льда, — будущая мисс Эрикссон не одеваясь, вскочила с кровати, взяла фужеры, и грациозной походкой двинулась на кухню.

Джек невольно ей залюбовался, ведь Джина красавица — безупречная фигура, длинные, каштановые волосы, миловидное личико с симпатичным носиком и большими, слегка раскосыми глазами, а ножки, её ножки были откровенно прелесть, красивые, стройные, настоящие американские ноги. За свои тридцать с небольшим лет у него было немало красивых женщин, но такую, как Джину он встречал впервые. И дело было даже не в том, что её острый, проницательный ум прекрасно уживался с обилием форм — такое, согласитесь, встречается довольно редко, — нет, от мисс Смит исходило ощущение какой-то силы, которая, вызывая необъяснимое чувство, влекла к ней, со всей остротой будила в Эрикссоне желание, так притупившееся с возрастом.

Длинноволосая богиня отсутствовала не долго — фужеры с кубиками льда были водворены на прежнее место, и в них залито виски.

— Твой фужер.

— Благодарю, — Джек взял руки бокал. — Ну, что, за нас?

Она улыбнулась, и еле слышно проговорила:

— За нас.

Они выпили, и тут Эрикссону в голову пришла новая идея:

— Сейчас, кажется, начался утренний выпуск новостей; давай посмотрим что произошло нового, — он поднялся с постели и взял со столика пульт дистанционного управления телевизора.

— Ты без работы не можешь.

-...Вчера в связи с делом об незаконных финансовых операциях прокуратура допрашивала Льва и Аллу Беккеров...А вот только что пришло сообщение от нашего нью-йоркского корреспондента: около часа назад Лев Беккер был сбит машиной, которая скрылась...

— Черт!!!

На экране появилось изображение места происшествия.

-...Полиция считает, что русская мафия начала убирать свидетелей своей преступной деятельности в США. Тело погибшего отвезено в городской морг, местонахождение же Аллы Беккер неизвестно и её разыскивает полиция. А теперь о спорте...

— Чёрт! — повторил Джек и выключив телевизор, стал быстро одеваться. — Извини, но мне нужно бежать. — Мысленно он уже был на месте происшествия.

Но не успел сотрудник ФБР завязать галстук, как зазвонил его сотовый телефон:

— Да, видел из новостей. Буду на месте минут через десять.

— Это вызывает шеф, — пояснил он. — Мой Старик в ярости, так и ищет на ком отыграться — ну сегодня и денёк. Я пошёл, — Эрикссон на прощание поцеловал невесту, — а ты всё-таки попытайся заснуть.

Однако выспаться подруге не пришлось — несколько часов спустя после его ухода, в квартире Джини раздался новый телефонный звонок.

— Алло, это ты, Джек?

— Нет, — в трубке послышался женский голос. — Это Алла. Здравствуй, Джина!

— Привет, Алла!

— Ты сейчас одна?

— Сейчас да.

— Тогда к тебе можно приехать? У меня к тебе есть дело.

— Конечно, приезжай. Жду, — мисс Смит зевнула и сразу стала набирать номер "мобильника" Эрикссона.

— Алло, Джек! Ты где?

— На мосту Вашингтона.

— И что ты забыл в Джерси?

— Дела, — попав на работу Эрикссон сразу становился скрытным. — А что случилось?

— Скоро у меня будет Алла Беккер, так что заедь ко мне, как освободишься. Послушаю, что она мне скажет.

— Сейчас же выезжаю, но ты сиди дома — поняла? Дело-то ведь опасное...

— Конечно поняла — за кого ты меня принимаешь. Некоторое время Джек молчал, переваривая услышанное, затем произнёс:

— Знаешь, мне это всё совсем не нравится. Я вышлю к тебе Майкла — он сейчас где-то в твоём районе.

— Кого? Не того ли грязного, низенького итальяшку с повадками сутенера? Пусть

держится от меня подальше!

— Ничего страшного не произойдёт, если он подежурит у твоего подъезда. Пока, любимая!

Спустя пять минут раздался дверной звонок и перед Джиной предстала заплаканная Алла, невысокая полноватая брюнетка лет сорока. В руках она держала большую чёрную сумку. Работали они в одной банке, хорошо знали друг друга, но близкими подругами никогда не были.

Хотя госпоже Беккер нельзя было отказать в уме и деловой хватке, из-за чего её ценило начальство, Джину отталкивало развязные, довольно вульгарные манеры этой бывшей иммигрантки из СССР, её неискоренимое желание быть центром всеобщего внимания и источником по меньшей мере половины слухов и сплетен, циркулировавших в банке. Особенно доставалось Аллиным подчинённым, к разряду которых мисс Смит, к её великому счастью не относилась.

"Она пришла из-за Джека, который, якобы работает в департаменте юстиции", — догадалась Джина.

— Я только, что из морга, — вместо приветствия захлюпала носом вдова. — Они убили Льва! И всё из-за этих денег, будь они прокляты! И меня они убьют! Можно войти?

— Проходи. А почему ты не обратишься в полицию?

— Нет! За то что мы со Львом натворили, меня посадят в тюрьму, причём надолго — ведь дело идёт о миллиардах — и ни какие адвокаты и чистосердечные признания мне не помогут... Во общем так — я уезжаю из страны — уже купила билет на самолёт, но за Лёву я этим ублюдкам отомщу, — хлюпанье на мгновение стихло. — Всем им отомщу — и кремлёвским бандитам и дяде Мише Миргородскому.

Вдова храбрилась, но расширенные глаза явно выдавали её испуг. Она нервно открыла сумку, перерыла её содержимое и достала небольшую пластиковую коробку:

— Вот компакт-диск — на нём всё: и схемы их махинаций, и фамилии других посредников, и тайные номера банковских счетов, в том числе и зарубежных — в России и в оффшорных зонах. Эту информацию мой Лёва по крупицам собирал, думал нас обезопасить, если что, да вот не получилось... Так вот передай этот диск своему Джеку, и пусть он отдаст своему начальству.

— Хорошо.

Мисс Смит ещё долго пришлось выслушать долгие причитания вдовы, о том каким хорошим человеком был её Лев, и как Алла с ним познакомилась, как хорошо они жили, и какие строили планы на будущее.

"Вот бы её задержать до прихода Джека", — с трудом сдерживая своё нетерпение подумала Джина,

— Мне нужно идти, — Беккер заторопилась на самолёт. — Может когда-либо ещё увидимся.

Джина открыла дверь, чтобы выпустить гостью — Алла перешагнула порог, и внезапно вскрикнула. Раздался негромкий хлопок и она повалилась на пол. Три

мужчины отталкивающей внешности с пистолетами стояли у двери, — последнее, что увидела Джина Смит в своей жизни.

Перепрыгивая через трупы, убийцы ворвались в прихожую и стали заглядывать во все помещения квартиры, но больше никого не было.

— Шеф, их было только двое, мужчины нет — обратился один из них к своему главарю, узколицему субъекту очень высокого роста, со злобным выражением лица.

— Сам вижу, это и к лучшему.

Они затащили за собой бездыханное тело Аллы, и закрыли дверь.

— Обыщите их, — скомандовал высокий своим подчинённым, а сам стал внимательно осматривать комнаты.

В одной из них он обнаружил компьютер, возле него лежало несколько компакт-дисков. Считанные минуты занял их просмотр у Виктора Иванова, в прошлом работника КГБ, а ныне главы службы безопасности олигарха Миргородского, и обнаружив диск с компроматом на своего босса, он удовлетворённо хмыкнул — что искал, то и нашёл.

Не без усилий поборол Виктор искушение сразу позвонить хозяину и сообщить о находке — нет компромат он прибережёт, до лучших времён, а там видно будет.

Да вот что с этим делать? Взять с собой? Так в аэропорту при досмотре этот диск могут обнаружить. Переслать информацию через Интернет в свой электронный почтовый ящик? Но это займёт некоторое время, поскольку информации много, тем более американцы из АНБ могут её перехватить. Переписать содержимое диска по секретной линии на свой московский сервер? А где гарантия, что кто-то из его подчинённых не донесёт на него боссу, и тогда Миргородский точно оторвёт ему, Виктору, голову. И тогда только остается обратиться к Александру Ивановичу — старому верному другу и бывшему коллеге по КГБ, а ныне сотруднику представительства России при ООН, — он выручал Иванова не раз и поэтому уж точно что-то придумает.

— Смотрите, шеф, — в комнату заглянул один из его сообщников, — вот загранпаспорт с французской визой и авиабилет компании "Эр-Франс" до Парижа.

— Ага, что ещё нашли?

— Всё, больше ничего интересного нет.

— Так, а багажная квитанция?

— Нету.

— Значит вдовушка путешествует налегке. Идёмте вниз — нужно устранить свидетелей.

Когда Эрикссон, подъезжая к дому Джинны увидел, что все окрестности отцеплены полицией, то ему стало не по себе.

— Что случилось? — с замиранием в сердце спросил Джек у стоящего в неподалёку полицейского.

— А вы кто?

— Джек Эрикссон — ФБР, — и показал своё удостоверение.

— Тут произошла бойня — на третьем этаже двойное убийство: убили эту, как её..ну ее мужа сегодня задавили...Беккер, и также местную жительницу. А на первом ещё три трупа — старика-лифтера, управдома и вахтера — отставного полицейского. Я его хорошо знал — он когда-то работал в нашем управлении. Видимо кто-то убирал свидетелей. Остальные подробности можете узнать у нашего лейтенанта...

Джек стал бледен, как смерть, комок подкатил к горлу, и всё поплыло перед глазами...

— Эй, с вами всё хорошо?

— Да, — с усилием произнёс Эрикссон. — Я их всех знал. "Чёрт, а где же Майкл? " — одновременно вспомнил он.

Ему позвонили.

— Эрикссон слушает. Джек, быстро езжай на Брайтон, — с не терпящим возражения тоном произнёс шеф Эрикссона Мэтт Берман, по прозвищу Старик. — Майкла Корбуччи убили!

— Хорошо, еду, — Джек вышел из машины, и громко хлопнул дверью.

Теперь хоть стало ясно, что произошло с Майкла. Судя по всему Корбуччи увидел каких-то подозрительных типов, стал за ними следить и угодил в западню. Теперь он подождёт, и что бы там не приказывал Старик — мертвецу всё равно уже не поможет.

Эрикссон твёрдыми шагами направился к дому своей уже бывшей невесты.

III.

Поздним вечером, в своём московском офисе, что на Охотном Ряду, Михаил Миргородский и его консультант по оккультным вопросам Дарья Соломонова ждали Виктора, который вот-вот должен был приехать. Сидели молча, Миргородский восседал за массивным круглым столом, и курил одну за одной дорогие сигары, каждый думал своё.

Конечно, высокий, около четырёх метров высотой лепной потолок, его поддерживающие мраморные копии греческих колонн в по-спартански строгом дорическом стиле, искусно расставленная старинная мебель западноевропейских мастеров, средневековые арабские сабли, кинжалы, классические картины русских художников на стенах и доспехи немецкого рыцаря XIV века у дверей, были ли бы более уместными в апартаментах последнего отпрыска какого-нибудь увядшего дворянского рода, а не в офисе современного российского нувориша, но как уже давно замечено, историю, словно подвыпившую девку, постоянно тянет ходить кругами, и ничего здесь не сделаешь.

Принадлежащее ныне Миргородскому помещение, как и весь дом, в начале XX века имел другого владельца — крупного купца Полежаева. Он, вместе с семьёй, занимал одну половину первого этажа этого, вполне добротного дома екатерининской постройки, соседом купца долгие годы был генерал от кавалерии Бирилевский, проживавший с женой и двумя дочерьми.

После Октябрьский переворота купец Полежаев вместе с домочадцами благополучно бежал во Францию, генералу от кавалерии повезло куда меньше: он

завершил свой жизненный путь в застенках московской Чрезвычайной Комиссии, а шикарные квартиры были превращены в огромную многокомнатную коммуналку — в них поселились изгои царского режима.

Просуществовав ровно три четверти века, советский режим ушёл в небытие, и после переселения жителей коммуналок в хоть и в малогабаритные, но зато изолированные квартиры на окраине города, дом Полежаева достался новому "купцу" — всеильному олигарху Миргородскому, который и вернул строению первоначальный вид.

Наконец на пороге появился Иванов:

— Здравствуйте, Михаил Моисеевич! — с порога по-молодецки гаркнул начальник службы безопасности.

— Здоров, Виктор! Заходи, садись.

Иванов сделал шаг и остановился как вкопанный: рядом с магнатом сидела гадалка. Это для него было очень неприятно, и поскольку всегда все его важные встречи с олигархом проходили один на один, то нынешнее нововведение Виктора явно не радовало. Его маленькие, близко посаженные поросычьи глазки злого и жестокого человека лихорадочно заматались — относительно исключительных экстрасенсорных способностей Дарьи Соломоновой он никогда не питал иллюзий.

С огромным трудом начальник службы безопасности пересилил себя: его лицо расплылось в некой улыбочкоподобной гримасе, и он лицемерным голосом произнёс:

— Добрый вечер, Дарья Максимовна!

— Ну если добрый, то хорошо! — холодно ответила колдунья, и как-то брезгливо поморщилась, что Иванов не мог не заметить.

— Ха-ха?! — Виктор весь напрягся, ожидая какой-то каверзы. Знает он эти гипнотизёрские штучки, сейчас главное — это не смотреть Соломоновой в глаза.

— Ну, рассказывай, как доехал, — решив, что обмен любезностями несколько затягивается, миллиардер сразу перешёл к делу, — как наш американский бизнес, и вообще, как там эта страна миллионеров и небоскрёбов?

— Долетел нормально...Сразу из аэропорта приехал. Ну, а наши дела в Америке — всё в порядке. Ваше задание выполнено!

Миргородский нахмурился и покачал головой.

— Ага.. А зачем нужна была эта куча трупов? Я же приказал устранить только Аллу, а ты что натворил?

— Она отправилась к своей американской коллеге по банку. Наш информатор сообщила, что эта американка не первый год "крутит роман" с одним работником местной прокуратуры. Поэтому баб пришлось быстро "мочить", ещё троих "шлёпнули", чтобы не было свидетелей, а потом за нами увязался агент полиции, так мы и его..

— Это был сотрудник ФБР, дурак ! Радуйся, что унёс ноги.

Чувство смутного страха объяло Виктора, но Миргородский, уставив глаза в одну точку, молчал. Он обдумывал сложившуюся ситуацию.

"Не смотри ведьме в глаза, не смотри ведьме в глаза," — как заклинание повторял

Виктор.

— Так, а что в действительности произошло с этими Беккерами, — нарушила тишину гадалка.

— С Лёвой, я думаю, произошла случайность...несчастный случай, — тут Иванов пожал плечами. — Но Алла запаниковала, и решив, что это наших рук дело, надумала нас продать — идиотка, она даже не догадалась, если бы мы вздумали убрать свидетелей, то устранили бы её одновременно с мужем. Потом ей вздумалось бежать из страны — в её сумочке мы нашли загранпаспорт и авиабилет до Парижа.

— А как вы выследили Аллу? — Миргородский включился в перекрёстный допрос.

— Мы пытались с ней связаться, но тщетно, — я понял, что раз она прячется и от нас и от полиции, то значит готова вас предать. Поэтому я поставил одного человека у их квартиры, а другого — в морге. И действительно, она не отказала себе в удовольствии взглянуть на своего покойного мужа.

— Понятно.

— Я думаю, что для нас всё хорошо кончилось, — Иванов продолжил рассказ, — и все наши тайны эти Беккеры унесли в могилу.

— Ты уверен? — олигарх отвлёкся от своих мыслей, и испытывающим взглядом сверлил подчинённого.

— Абсолютно!

— Ты уверен? — упрямо повторил Миргородский.

И тут Виктор решил перейти в атаку.

— Послушайте, босс, если с этим делом не дай бог возникнут какие-то новые проблемы, например, ещё что-то станет известно, то можете меня пристрелить..собственноручно! Такая гарантия Вас устроит?

— Ладно, Виктор, не горячись, — примирительно произнёс магнат. — Ты, я думаю, хорошо поработал. Кстати тебе денег хватило?

— Всё нормально — сдачи не будет, — и тут же подумал: "Один — ноль в мою пользу!"

— Вот и чудесно. Отдыхай. Завтра жду тебя к полудню — нам есть что обсудить. Не опаздывай. До свидания!

— До завтра! — дверь за начальником службы безопасности закрылась.

— Да, Дарья Максимовна, в очередной раз убеждаюсь, что ваши прогнозы, как всегда верны. Наши американские дела действительно идут не так, как хотелось бы. Ну а что Вы сейчас думаете по этому поводу?

— Вы же сами всё видели.

— Что он смутился, как только увидел Вас? Что-то темнит наш друг Виктор.

— Без сомнения что-то утаивает, и, думаю, не только часть денег, что вы выделили на эту, так сказать акцию. Ладно — это дело уже прошлое, займёмся прогнозами на будущее.

— Что сейчас Таро или Книга Перемен?

— Нет, вначале обычные карты, может ничего серьёзного и нет.

Гадалка вытащила колоду обычных игральных карт, перемешала их, дала сдвинуть Миргородскому, перемешала снова и стала раскладывать на столе.

— Н...да.

— Что?

— Ужасно, — пробормотала провидица.

На столе в ряд лежали четыре "пики": король, девятка, ва— лет и шестёрка.

— Редкая комбинация. Итак, имеете: врага, потерю друга или коллегу, пустые хлопоты и несчастливую дорогу. Кстати, но мне почему-то кажется, что вы потеряете не одного, а двух человек.

— Ничего себе, — олигарху это явно не понравилось, а затем, словно надеясь отвести от себя беду спросил:

— Может попробуете ещё раз?

— Не рекомендуется, но я вам уступлю — самой любопытно.

Дарья Соломонова повторила карточную манипуляцию и на зе— лёное сукно легли четыре семёрки.

— Ну, что, Вас ожидает смерть, — как приговор прокурорским голосом отчеканила колдунья.

Потрясённый олигарх молчал.

— Впрочем, — тут она несколько смягчилась, — повторное гадание можно и не принимать во внимание.

— Может всё это ошибка? — миллиардер уже взял себя в руки.

— Всё? Нет уж! Хотя, конечно, обычные карты показывают лишь результат, а чтобы понять смысл происходящего придётся и на Таро погадать, и Книгой Перемен заняться, да и гороскоп ваш пересмотреть, что-то он мне в последнее время не нравится.

— Всё! — несколько часов спустя устало промолвила гадалка, и затем с интонацией учительницы, разъясняющей предмет на редкость нерадивому ученику продолжила:

— Итак, Михаил Моисеевич Миргородский, Вы вступаете в тёмную полосу своей жизни. Согласно вашему гороскопу этот негативный период должен был бы наступить значительно позже, но я думаю, что ваша матушка, царство её небесное, перепутала если не день, то час вашего рождения, уж точно.

Поэтому в данной ситуации у Вас есть два выхода. Первый: где-то потихоньку отсидеться, хоть на Кипре или во Франции, которая так Вам нравится, а где-то годика через два в политику и бизнес можно и вернуться.

— Но ведь скоро выборы в Думу! — возразил он.

— Я так и знала, что вы на это не согласитесь. Тогда у Вас есть второй вариант — напрячь все свои силы, максимально использовать все способности и умения, которые у вас есть, и преодолеть возникающие проблемы, которых у вас будет, поверьте мне, очень и очень много. Ведь учтите — Фортуна от Вас явно отвернётся. Кстати, Виктору доверять можете, по крайней мере пока.

— Вы правы, я не могу сейчас всё так и бросить.

— Ну, тогда я Вам, увы, не помощница.

— Вы меня оставляете, Дарья Максимовна? — этот вечер преподносил олигарху одну неприятность за другой.

— Поймите меня правильно, Миша! Мои оккультные возможности в данной ситуации довольно ограничены, и когда наступит кризис, я вам попросту не смогу помочь. Вам нужен другой, очень сильный оккультный специалист.

— А где мне его найти?

— Давайте подумаем. В Москве и Петербурге все при деле, а в провинции я мало кого знаю, тем более, что там много шарлатанов.. Ага, вспомнила! Вы помните мою старую подругу из Центрально-украинского института йоги Маргариту Курскую?

— Помню, ну и что? — недоумённо произнёс Миргородский.

— Так вот её двоюродный брат подаёт необычайно большие надежды. Он уже много знает и много умеет.

— И как зовут этого одарённого юношу?

— Он уже не юноша — ему пошёл четвёртый десяток, а зовут его Алексей Сутушкин.

— Тогда можете звонить своей подруге.

— А сколько я могу обещать ему в месяц?

— Для начала тысяч пять долларов в месяц, а потом посмотрим.

— Хорошо. Ну, тогда, спокойной ночи, Михаил Моисеевич!

Олигарх усмехнулся:

— Скорее доброго утра, Дарья Максимовна! — и он сделал жест руками. — Уже среда.

IV.

Олигарх Миргородский пребывал в дурном расположении духа. Беседа с провидицей никак не шла из головы, впрочем он и сам подсознательно чувствовал, что что-то должно произойти, причём для него явно нехорошее. Подобное чувство у него было перед августовским кризисом 1998 года, но тогда для него всё благополучно обошлось.

"Так, надо гнать от себя эту депрессию, себя держать в руках, а то и неврастеником можно стать, — успокаивал он самого себя. — Ведь если подумать логически, то что мне грозит? Благосклонность Кремля я не утратил, и на ближайших выборах моей партии помогут, цены на нефть недавно упали, но ситуация вполне приемлемая, и моя нефтяная компания ещё приносит какой-то доход, назревающий скандал, в Америке пусть и со скрипом, но удалось замять. Происки конкурентов? Так один звонок в Кремль и возмутитель спокойствия вскоре отправиться на "отдых", на Кипр или в Израиль. И тем не менее Соломонова права — мне следует отдохнуть. А когда? Как уйдёшь в "спячку" — так твоё место сразу займут, займут твоё тёпленькое местечко под солнцем, а потом попробуй свои позиции вернуть."

По внутренней связи позвонила Алиса, секретарша.

— Михаил Моисеевич, вам звонит какой-то Сутушкин с Украины. Говорит, что от

Дарья Максимовны. Соединить?

— Да, конечно.

В трубке слышался шум и треск — неизменные атрибуты ещё советской междугородней телефонной системы, — и затем писклявый голосок произнёс:

— Алло, это Михаил Моисеевич?

— Да.

— Здравствуйте, это говорит Алексей Натанович Сутужкин.

— Слушаю Вас, — непонятно почему, но с первых мгновений Миргородский стал испытывать антипатию к собеседнику.

— Дарья Соломонова передала мне ваше предложение, и я после долгих раздумий решил его принять.

— Правда? Я польщён, это — большая для меня честь...— раздражение только усиливалось, и экстрасенс это почувствовал:

— Я, к сожалению должен уладить свои дела, на что уйдёт несколько дней, может недель, а пока я хочу вас спросить Михаил Моисеевич: Вы жить хотите, или всерьёз подумываете окончить свой жизненный путь?

— Я ещё много чего в жизни не сделал, — олигарх был шокирован подобной наглостью.

— Так я уверен, что на вас будет совершено одно, а скорее всего два покушения, возможно одним и тем же человеком, причём в ближайшие дни, — категорично произнёс колдун. — И раз вы всё-таки намеренны сохранить вашу драгоценную жизнь, то нужно предпринять целый ряд мер.

— Я усилю охрану.

— Этого мало. Уменьшите до минимума перемещения по городу. Кстати, вы бронешилет носите?

— Нет, носят мои охранники.

— Если жить захотите, то сами носить будете. А во-вторых когда вы ездите по городу, ваш лимузин сопровождает охрана?

— Да, есть две машины сопровождения.

— Настоятельно советую пересесть в одну из них, а в вашем "Мерседесе" путь покатается двойник — человек в вашей одежде, с вашей комплекцией. Полного сходства, я думаю не потребуется.

— Понятно, а в-третьих?

— Вы дёшево оцениваете свою жизнь. Вам нужно всерьёз подумать об увеличении моего жалования.

— А вы уверены, что всё что вы предсказали, сбудется?

— Если в течение десяти дней не сбудется, значит я — шарлатан. Но вы не беспокойтесь, вам от судьбы не уйти, — напоследок "утешил" его Сутужкин. — Но если вы в точности последуете моим инструкциям, то всё для вас кончится благополучно. А пока, до свидания!

"Редкий хам, — подумал миллиардер, — до чего я докатился — какой-то сопляк

читает мне нравоучения. Эх, видел бы меня сейчас отец!"

Его взор затуманился и воспоминания как-то нахлынули сами собой.

Не продолжать дело предков, а идти по жизни своим, собственным путём было семейной традицией у Миргородских. Перед первой мировой войной, сын мелкого торговца Моисей Миргородский поступил в Одессе в частное коммерческое училище. Но получить образование он не успел — началась война, затем революция, и несостоявшийся коммерсант, подобно миллионам ему подобных, принял в ней активное участие — Моисей Иссакович стал сотрудником Чрезвычайной Комиссии. Петроград, Киев, Одесса, Харьков, Екатеринбург, Владивосток — куда только не посылала Коммунистическая партия этого "рыцаря" революции, везде он участвовал в казнях и пытках виновных и невиновных. Позднее ему сильно повезло: он не только уцелел во время репрессий 1937-1938 годов, но и сделал карьеру начальника одного из сталинских концлагерей.

В октябре 1941 года, когда после катастрофы под Ельней советский режим оказался на краю гибели, Моисей стал командиром одного из заградительных отрядов, расстреливавших отступавших советских солдат. Но не эти отряды отстояли Москву, а тульские рабочие в серых робах, выпущенные из тюрем уголовники, которым обещали полное и досрочное прощение всех их преступлений, московские ополченцы, простые солдаты сибирских и дальневосточных дивизий.

Миргородского вернули на прежнюю должность, где он и пробыл до смерти Сталина. А со смертью "Вождя всех народов" концлагерь Миргородского был расформирован, а сам Моисей Иссакович спустя три года был убит прямо на улице среди бела дня: его случайно встретил бывший заключённый, который и отомстил своему мучителю. Убийца скрылся, да так что его ни милиция, ни всемогущее КГБ не нашли, — так Миша стал сиротой.

Когда он подрос, то решил не идти по стопам отца, и поступил на математический факультет московского университета. Постоянному победителю школьных олимпиад по математике учёба давалась легко, вскоре, однако, он понял, что карьера математика не для него. Он становится активным комсомольцем, потом членом Коммунистической партии — отличнику учёбы отказать не могли, а после окончания университета с "красным" дипломом не без помощи высокопоставленных родственников отца усаивается на скромную должность инструктора в районный комитет партии одного из провинциальных городов России. Но на этой, так и последующих должностях он не задерживался, и быстро делал карьеру, не только благодаря протекции родственников, но и собственным способностям. А в стране с приходом Брежнева к власти начался, окрещённый в последствии, "застойный период" — рост уголовной преступности, коррупции среди чиновников, спекуляции, пьянства среди населения. В своём районном комитете партии, Миргородский, наверно, первым понял смысл происходящих перемен, и начал ускоренно обогащаться. Он брался за любое дело: от спекуляции дефицитными товарами, до посредничества между нарождающимся теневым капиталом и чиновничьей номенклатурой.

Свой первый миллион Михаил Моисеевич сколотил в год московской олимпиады, и вскоре переехал в областной центр для работы в областном комитете КПСС. Однако для теневого бизнеса настали трудные времена — Брежнев умер, и к власти пришёл Андропов. Миргородский, обладающий чутьём крысы, снова сориентировался первым — быстро вышел из "дела", что и спасло ему в последствии жизнь: его московский партнёр был вскоре расстрелян за махинации в особо крупных размерах. КГБ начало подбираться и к "дяде Мише", — так, несмотря на возраст, окрестили Миргородского коллеги — но долгое время следователи ничего не могли найти — уж очень ловко тот спрятал все "концы в воду". Но Михаил Моисеевич понимал, что это лишь временная отсрочка, ибо рано или поздно всё станет известно, и уже подумывал о бегстве, но тут бывший всесильный шеф КГБ умер и кампания по борьбе с преступностью в стране заглохла сама собой. Миргородский снова вышел "из тени" — его бизнес стал ещё больше. Встреча с отважным пенсионером, имела для будущего олигарха только то последствие, что он переехал в Москву — нужные люди не дали его в обиду, к тому же Миргородский, видел, что грядут перемены, поэтому желательно быть поближе к основному месту событий.

И действительно, с приходом к власти Горбачёва жизнь в стране изменилась: закипели страсти, началась инфляция, и деловые люди сколачивали уже не миллионы, а миллиарды рублей. В 1987 году Миргородский организует сеть кооперативов — нужно было легализовать свой капитал. Два года спустя он решает порвать со старой номенклатурой и становится "демократом". В отличие от большинства этих пустых болтунов, он занят делом — расширяет спектр своей деятельности — ввозит в страну от компьютеров до наркотиков, а обратном направлении уходит не менее широкий ассортимент — от нефти и цветных металлов до проституток.

Приватизацию по Чубаису он встречает с восторгом — буквально за гроши Миргородский становится владельцем довольно крупной нефтяной компании, а также получает значительные пакеты акций других высоко прибыльных предприятий.

Близкое знакомство с "демократами" открыло перед ним двери Кремля, которому в 1993 году он оказывает важную услугу: во время противостояния с Белым Домом, Миргородский разъезжал по воинским частям Москвы и Подмосковья и вручал всем высшим офицерам крупные суммы долларов из своих собственных средств, дабы те не вздумали поддержать Руцкого и Хасбуллатова.

И Кремль это не забывает: "дяде Мише" дают возможность компенсировать свои расходы из кредитов ВМФ, да так, что Миргородский к середине 90-х становится миллиардером. Позднее его влияние на власть снижается — Михаила Моисеевича оттесняют другие олигархи, но уже в 1998 году наступает его "звёздный час" — ещё в начале года он вычислил, что рынок государственных казначейских обязательств скоро обвалиться, что неизбежно вызовет падение курса рубля и цены на акции российских компаний. Поэтому он быстро продал все свои пакеты акций, кроме нефтяной компании, перевёл рублёвые активы в валюту, вообще свернул свою деятельность, и стал терпеливо ждать развязки.

Ему пришлось пережить несколько неприятных месяцев, зато в августе его прогноз полностью подтвердился и во время известного кризиса он нисколько не пострадал, а наоборот, скупив временно упавшие в цене акции, неплохо нажился.

Миргородский мило улыбнулся, вспоминая об этом, и в Этот же момент настенные часы пробили двенадцать — наступил полдень.

"Виктор, как всегда опаздывает, — раздражённо подумал олигарх, — нужно решить столько важных дел, а его нет. Когда небудь моё терпение лопнет и тогда точно уволю мерзавца!"

V.

Самолёт из Нью-Йорка совершил посадку в "Шереметьево-2". В аэропорту Джека Эрикссона встречал его старый друг Кристофер Сильвер — официальный представитель нескольких американских компаний.

Джек и Крис знали друг друга ещё с операции "Буря в пустыни" — они служили в одном вертолётном полку.

Внешне оба были очень похожи — примерно одного возраста, высокие блондины с голубыми глазами и правильными европейскими чертами лица, они одинаково любили высоких красивых женщин, путешествия и спортивные автомобили, иногда не прочь были выпить и сыграть в карты, но на этом их сходство и заканчивалось.

Расчётливый, спокойный Джек был полной противоположностью вспыльчивому, а иногда и неуравновешенному авантюристу Крису, что, как не странно, только укрепляло их дружбу — противоположности ведь притягиваются.

Почти всю военную кампанию они были в одном экипаже, пока в последние дни войны иракская ракета не попала в их "Апач". Друзья не пострадали, чего было нельзя сказать об их "боевом орле" — для вертолёта полёты закончились навсегда.

После Залива дороги друзей разошлись — Эрикссон перешёл в ФБР, а Сильвер занялся бизнесом в пост советских странах — его бизнес-карьера началась в Польше, в которой он пробыл около года, затем из Варшавы он перебрался в Москву, где и пребывал до сих пор.

— Привет, Джек! — огромная ладонь Сильвера опустилась на плечо друга.

— Здравствуй, Крис! Как поживаешь?

— Всё хорошо. Сколько лет мы не виделись?

— Кажется, три?

— Нет, пять! Да, время летит. И как там у нас в Нью-Йорке?

Эрикссон на мгновение задумался.

— Всё нормально. Хотя у меня такое предчувствие, что клинтоновская эпоха процветания и неоправданного расточительства подходит к концу.

Сильвер ухмыльнулся.

— Понятно, — и Кристофер покачал головой. — Пошли, у меня тут на стоянке оставлена машина.

"Мустанг" Сильвера покинул стоянку аэропорта и на полной скорости устремился в город.

— Сожалею, Джек! То что произошло с твоей Джиной — ужасно! И ты прав — это нельзя так оставлять.

В памяти Джека снова и снова возникал страшный образ его мёртвой невесты, лежащей на полу своей квартиры; он нахмурился, тяжело вздохнул, и чтобы отвлечься от этих, угнетающих его, воспоминаний, решил расспросить друга поподробнее о жизни в России.

— Только не надо соболезнований. Ты сделал, что я просил?

— Да, хотя вначале твоя задача казалось невыполнимой.

— Благодарю. А как твои дела, Крис?

— Всё хорошо, бизнес здесь делать можно, особенно сейчас. Раньше всё было намного сложнее и куда опаснее.

— Ну ты кажется попал куда хотел, — поддел приятеля Джек, но Крис был настроен серьёзно.

— Если быть откровенным, то в Штатах я столько бы никогда не заработал. Но видел бы ты Москву в начале 90-х. Везде грязь, вонь, разруха, — Сильвер закурил "Мальборо", несколько раз затянулся и потушил сигарету — так он пытался бросить курить. — Местное метро вообще ад — кругом попрошайки, бандиты и проститутки, а в подземных переходах русские, казалось, только тем и занимались, что торговали, дрались, блевали и мочились.

— Ты едешь в здешнем метро? — с деланным изумлением спросил Эрикссон.

— По возможности стараюсь не ездить. Но один раз у меня сломалась машина, и именно в метро мне тогда в первый раз едва голову не оторвали — помог один местный украинец, сейчас он у меня шофёром работает.

— А когда тебе отрывали голову во второй раз?

— В 94-м. Тогда "наехала" местная мафия, и сказали, чтобы катился в свою Америку — видимо кому-то очень приглянулся мой офис. Я в посольство — а там руки разводят, мол ничем помочь не можем, не пошлешь же морских пехотинцев воевать с русскими гангстерами. Но меня выручил мой шофёр — он вызвал земляка с Украины и они за месяц всё уладили. И ты не поверешь, что они сделали.

— Перестреляли всю мафию? — с насмешкой произнёс Джек.

— Двое против нескольких сот бандитов? Нет подвиги суперменов здесь не проходят. Этот мистер Артур — земляк моего шофёра — сейчас он мой охранник — решил действовать по методу "выжженной земли".

— То есть? — Джек удивлённо поднял брови. О "выжженной земле" он читал в одной книге о второй мировой войне, но непонятно, как можно было применить эту тактику в условиях большого города.

— Мне они посоветовали на месяц исчезнуть — ты помнишь я тогда приезжал в Нью-Йорк, — а сами устроили небольшой фейерверк — за один день взорвали пару бензоколонок, подожгли несколько гостиниц, кафе и ресторанов, а затем надолго исчезли. После этого бандиты решили, что за мной стоит другая группировка, и больше меня не трогали. Да, кстати, ты, кажется, выучил русский?

— Пришлось по долгу службы, — с жутким акцентом ответил Джек на местном языке, и продолжил по-английски, — уж часто с "шутниками" с Брайтон-Бич приходилось сталкиваться. А ты, я вижу, стал московским крёстным отцом.

— Ха-ха! — Крису шутка явно понравилась. — Знаешь, иногда действительно приходится применять гангстерские методы — здешние чиновники очень "голодные". Хотя, конечно, в большинстве случаев достаточно собрать компромат. Между прочим, а ты из "калашника" стрелять случайно не разучился?

— Думаю, что нет, хотя после Залива практиковаться не приходилось.

— Возможно, придётся потренироваться.

"Мустанг" влился в поток машин, движущихся по Садовому кольцу, и до офиса Сильвера, размещённого на верхнем этаже гостиницы "Столица" остались считанные минуты езды.

Вскоре они уже сидели в рабочем кабинете Криса и пили бренди со льдом — в этом году начало июня было на редкость жарким. Сильвер курил — он никак не мог избавиться от этой вредной привычки; Джек, чтобы не клевать носом — смена временных поясов явно клонила на сон — внимательно осмотрел всё вокруг.

Кабинет был просторен и шикарно обставлен — все по классу "люкс" — от мебели до покрытия пола. У стены стоял громадный "домашний кинотеатр" фирмы "Сони" — по всему видно было, что Крис в Москве действительно не бедствовал.

А из окна открывался отличный вид — видневшаяся внизу Москва-река в этом месте имела живописный изгиб и её спокойная гладь серебряным блеском отливалась на солнце; машины снующие по мосту и двум набережным с большой высоты казались жуками, торопливо бегущими по своим делам по лесным тропинкам; вдали угадывались очертания Кремля, а на горизонте — тонкий как игла, острый шпиль Останкинской телебашни.

— Я вижу, ты тут неплохо устроился.

— Да, конечно. Однако здесь по скромному строгий деловой стиль не в моде, — Крис сразу понял намёк друга. — Если сразу не покажешь, что у тебя есть деньги, то с тобой никто не будет иметь дело.

А в соседней комнате Артур Аскольдов заканчивал чтение "Книги рун" Ральфа Блума.

Книга вызвала у него противоречивые чувства — как автор изменил традиционную трактовку этих древних северных знаков, сломав при этом священный порядок следования Рун, для него казалось неприемлемым — если так плевать на старые традиции, то это вряд ли приведёт к чему-то хорошему. Гвидо фон Лист тоже занимался ревизией рунных традиций — и всё закончилось Гитлером, фашизмом, и Второй мировой войной. Но с другой стороны автор книги может и прав — от старого рунного искусства норвежских викингов и исландских поселенцев остались только жалкие крохи, и основанный на индивидуальном видении каждой руны метод Блума может и позволит хотя бы приоткрыть завесу над старыми тайнами.

Только почему автор книги называет руны викингов целительными и

милосердными? Ведь руны могут быть и мощным оружием. Так, один исландский рунный шаман, чтобы погубить христианского миссионера Таргбранда, вызвал землетрясение. Креститель Исландии чудом остался жив, зато его конь провалился в образовавшуюся расщелину.

Ещё один непонятный момент — круглая руна, веденная Блюмом. Этот круг вообще не лезет не в какие ворота — ведь остальные, традиционные руны старшего Футарка состоят исключительно из вертикальных и наклонных линий.

И почему, наконец, этот Ральф добавил только одну руну, а не три? С самого начала изучения этих древних знаков у Аскольдова возникло твёрдое убеждение, что рун не могло быть 24. Ведь "Эдды" буквально вдалбливают, что главное число единства — девять, и остальные священные числа могут лишь быть кратны ему. У Одина было девять сынов, и 63 имени, девять дней этот главный бог скандинавского языческого пантеона висел вниз головой под Мировым Деревом — ясенем Игдрассилем, — после чего он увидел девять палочек, из которых сотворил руны, и составил восемнадцать заклинаний. Поэтому рун в старшем Футарке по логике традиций должно было быть не 24, а 27, в младшем руническом ряде 18, а не 16.

И подтверждением этой гипотезы, хоть и косвенным, Артур считал тот факт, что почти все дошедшие до нашего времени камни с рунными надписями повреждены — слишком уж с них что-то усердно сцарапывали...

Аскольдов отложил книгу, и тут ему внезапно вспомнился дедушка; Артур загрустил — почему-то потянуло домой....

Трагическая гибель деда надолго потрясла впечатлительного подростка, но время лечит и жизнь постепенно вернулось в привычное русло. Уже к старшим классам школы Артур вполне сформировался как хоть и очень упрямая, но зато разносторонне развитая личность. Среди других занятий мальчишеских увлечений он отдавал предпочтение чтению книг (от деда осталась большая библиотека), шахматам, занятию единоборствам — сначала самбо, затем, так как каратэ в СССР было запрещено, дзюдо. Из школьных предметов Аскольдов — младший обожал химию — его "химическая карьера" началась ещё в детстве с изготовления самодельных ракет, и устраивания импровизированных фейерверков, из-за чего ему часто попадало от взрослых, и лишь позднее это мальчишеское увлечение переросло в серьёзное изучение этой науки.

Казалось, что всё в жизни идёт своим чередом — школа, политехнический институт, но началось лихолетье — горбачёвская Перестройка, и всё в обществе перевернулось верх дном.

Отслужив в армии, Артур закончил институт, но по специальности он успел проработать лишь около трёх лет — СССР распался, а независимой Украине такое большое количество специалистов с дипломами было явно не к чему — и молодого инженера-химика уволили. Выручило занятие по единоборствам — "чёрный пояс" уже по каратэ стиля "сёто-кан" в обстановке начавшаяся "криминальной" революции оказался очень и очень востребованным, и он устроился охранником в одну довольно сомнительную фирму. Платили очень хорошо, что и избавляло от необходимости

задавать лишние вопросы.

Когда правоохранительные органы фирму закрыли, бывший инженер и охранник временно оказался не у дел, и тогда один знакомый предложил проехаться в Москву — "защищать демократию" — как раз был конец сентября 1993 года — начало противостояния между Кремлём и Верховным Советом.

С первыми выстрелами товарищ куда-то исчез, и как увидел Артур грызню и склоки царившие среди окопавшихся в мятежном парламенте главных оппозиционеров, то сразу понял, что ельцинский режим несомненно победит. И дело было не столько в полном отсутствии у осаждённых тяжёлого вооружения, а в том, что храбрость и самопожертвование большинства простых защитников Белого Дома, трусость и чрезмерную амбициозность значительной части их "вождей", увы, не компенсировали. Проигрывать Аскольдов никогда не любил, поэтому сумел с земляком покинуть обречённое здание.

Сразу после приезда из Москвы, судьба, казалось, ему улыбнулась — он нашёл новую, высокооплачиваемую работу, и вскоре женился, но Оксана оказалось особой пустой и эгоистичной, к тому же не отличавшейся нравственной разборчивостью и когда Артур опять оказался "на мели", то супруги расстались. Но тогда его нашел земляк — в Москве нужно было сделать одну высокооплачиваемую, но очень опасную работу...

У Аскольдова поначалу опустились руки, когда он узнал, что нужно сделать — задание казалось абсолютно невыполнимым. Но здраво поразмыслив, Артур пришёл к выводу, что маленький шанс всё-таки есть, и мистеру Сильверу паковать чемоданы ещё рано. "Наехавшая" на американца банда уголовников контролировала прилегающий к "Столице" район, но у них часто были стычки с выходцами с Кавказа, хозяйничающими на соседних улицах. Поэтому Аскольдов и решился на опасную игру.

В одну ночь сгорели два кафе, контролируемых горцами, на следующее утро был обстрелян кавказский ресторан, а уже вечером пришёл черёд собственности уголовников — три их бензоколонки были взорваны. Естественно началась криминальная война, бандиты утратили свой район, и об существовании американца никто больше не вспоминал.

Внезапно Артура буквально выдернули из воспоминаний — босс срочно вызывал к себе.

В кабинете помимо хозяина, находился ещё один человек, которого Аскольдов до этого никогда не видел. С первого взгляда Артуру стало ясно, что перед ним иностранец.

— Познакомься, Артур — это мой старый друг, — представил приятеля Крис.

— Джек, — незнакомец доброжелательно улыбнулся и протянул руку.

— Артур, — Аскольдов пожал её и выражение озабоченности на его лице на мгновение уступило место широкой, явно неискренней улыбке, после чего его физиономия стала ещё более мрачной.

— У тебя всё готово на завтра? — сразу перешёл к делу Сильвер.

— Да, мистер Сильвер, — Артур плюхнулся в стоящее у дверей чёрное кожаное кресло. — Но мне это дело очень не нравится.

— Почему, мистер Артур?

— Предчувствие, впрочем не только. Непонятно почему вдруг место форума из "Президент — отеля" перенесли в дворец культуры "Лого-авто" — это ведь окраина города. Странно это как-то.

— Что ещё подозрительного вы обнаружили?

— Больше ничего.

— Ну, это пустяки.

Последующие события показали всю легкомысленность этого утверждения.

VI.

На следующий день американцы отправились на открывающийся бизнес-форум с длинным названием "Частные иностранные инвестиции в центральные регионы России". Крис вёл машину — старую коричневую "Ладу", ещё советского производства, — и между лихими обгонами давал последние наставления своему приятелю:

— Запомни: главное понапрасну не рисковать, геройство сейчас никому не нужно, а действовать наверняка. По-моему мистер Артур разработал гениальный план, поэтому если не получается пункт "А", то сразу переходи к пункту "В". И учти — наши тюрьмы, конечно не курорт, но в здешних — иностранцы, как правило, долго не живут, а мы всё равно сразу не сможем тебя вытащить.

Они подъехали к зданию бывшего дворца культуры одного из крупнейших оборонных предприятий города, не так давно отнятого мэрией, которая, в свою очередь, за символическую плату продала это сооружение всесильному олигарху. А тот превратил дворец в постоянное место приёма иностранных гостей.

— Ну, иди, — Сильвер хлопнул друга по плечу, — если что, то я буду недалеко.

Джек вышел из машины. Теперь сотрудник ФБР Джек Эрикссон исчез, и на его месте возник бизнесмен из Нью-Йорка Джим Симпсон, брюнет лет тридцати пяти (Джеку даже пришлось перекрасить волосы), имеющий небольшой компьютерный бизнес, и желающий установить контакты со своими российскими коллегам — такова "легенда" придуманная Крисом.

Форум начался с выступления российских чиновников, местных из мэрии, и их коллег из российского правительства. Круглолицые и толстобрюхие субъекты с трибуны зазывали иностранцев вкладывать свои денежки в этот самый большой обломок советской империи. Мол, с коррупцией ведётся непримиримая борьба, прочая преступность уже обуздана, а налоги вообще смехотворны — какие-то 13%. Так что вот-вот Россия должна превратиться в новое Эльдorado. И кто слишком долго будет раздумывать, тот впоследствии будет сильно жалеть.

"А почему у них налог в 13%, а не 12 или 14? — возник у Джека естественный вопрос. — Этой страной, сатанисты что ли правят?"

Наконец устроители форума поняли, что долгие речи могут утомить иностранных гостей и был сделан перерыв. В кулуарах присутствующие разбились на группы,

завязывались новые знакомства, велись консультации, и этот человеческий гомон постоянно прерывался звонками сотовых телефонов.

Не без труда Эрикссон разглядел в толпе столь хорошо знакомую лысину Миргородского, — тот стоял окруженный плотным кольцом людей из гостей и своей охраны.

"Не добраться, — подумал Джек. — Нужно подождать, может шанс всё-таки будет".

И он присоединился к аналогичной группе, слушающей разглагольствования местного чиновника, не спуская, впрочем, глаз с окружения олигарха. Спустя непродолжительное время люди стали покидать миллиардера, и вскоре открылась отличная позиция для стрельбы.

Американец вынул из кармана блокнот, открыл его, вложил в него авторучку и развернул в сторону российского миллиардера. Для мести всё было готово, а со стороны казалось что Джим Симпсон читает свои записи. Теперь осталось точно навести на цель авторучку — фактически пневматический пистолет изготовленный в своё время на Тульском оружейном заводе для КГБ — и нажать на её головку — вылетевшая из ручки отравленная игла за две-три секунды в состоянии умертвить даже слона.

Джек вспотел — много раз в его воображении возникала эта картина, а когда пришло время действовать, то не знал, что делать. Сначала он решил выстрелить в голую шею олигарха, но в последний момент передумал — мишень невелика и можно промахнуться, к тому же иглу могли быстро заметить, вот почему он навёл своё оружие на спину Миргородского.

"Это тебе за Джину!" — Эрикссон нажал на головку авторучки. Раздался очень едва слышный хлопок, которые в общем шуме практически никто не услышал. Однако олигарх, вместо того чтобы распластаться на покрытом коврами паркетном полу, стал озиаться по сторонам, и чтобы не привлечь к себе его внимание американец отвернулся к своим собеседникам.

"Чёрт, у него же бронежилет! — понял лже — Симпсон. — Всё-таки нужно было стрелять в шею. Итак, поскольку ручку перезарядить нельзя, пункт "А" окончательно провалился, и мне нужно как-то поскорее отсюда уйти."

— Сто-ой! — мимо Джека пробежали охранники миллиардера. Один из ничего не подозревавших гостей быстрым шагом направлялся в зал заседания и бежавшие вот-вот должны были его настигнуть.

Эрикссон понял что у него есть несколько секунд, чтобы беспрепятственно уйти. Он подошел к группе Миргородского, уже окружённого плотным кольцом телохранителей и нахально посмотрел в лицо олигарха. Тот что-то выговаривал высокому мужчине со злым лицом, спокойно так, словно ничего серьёзного не произошло, но в глазах миллиардера американец прочитал страх.

Собеседника олигарха Эрикссон где-то видел, но где, вспоминать уже было некогда. Джек, пока всё внимание было приковано к иностранцу и окружившим его охранникам, медленным шагом направился к выходу из здания. Стоявший у входа

вахтёр, смерил его подозрительным взглядом, но ничего не сказал.

Эрикссон вышел на улицу, и увидев в машине приятеля, отрицательно покачал головой, — нужно было переходить к пункту "Б".

После этого Джеку пришлось подняться на чердак стоящей напротив дворца культуры стандартной девятиэтажки советского образца, найти в тайнике "калашников", и дожидаться конца форума. На чердаке было темно и грязно, но позиция для стрельбы открывалась отличная — до "Мерседеса — 600" Миргородского было каких-то сорок-пятьдесят метров — дистанция пустяковая даже если стрелять без оптического прицела. Единственное что плохо — уходить придётся на ту же улицу, где и здание форума, однако Сильвер уверял, что из-за глушителя выстрелы всё равно никто не услышит, так что несколько минут чтобы исчезнуть всегда будут.

Жаркое летнее Солнце закрыли тёмные тучи, и вскоре мало-помалу закапал дождик, из-за чего видимость резко ухудшилась.

"Если начнётся ливень, то возмездие придётся отложить, — с тревогой подумал Джек. — Что-то на сегодня много случайностей."

Но его опасения не оправдались — дождь закончился одновременно с форумом — его участники уже стали расходиться, часть из них направилась к своим машинам. Американец принялся лихорадочно высматривать в толпе свою мишень и едва её не упустил, — он заметил спину олигарха, когда тот в сопровождении четырёх охранников, был уже в нескольких шагах от своего лимузина. Эрикссон тщательно прицелился в голову своей жертвы, и когда миллиардер собирался сесть в свою машину, нажал курок.

И в тот — же момент мужчина внезапно остановившись, повернул голову, намериваясь по-видимому что-то сказать своим спутникам. Автоматная очередь зашвырнула его во внутрь салона "Мерседеса", внизу раздались крики, из дворца культуры стали выбегать охранники.

Джек швырнул на пол автомат, и в порыве едва не бросился бежать со всех ног, однако остановился, осмотрелся. Он уже пять лет не курит, значит окурков и спичек быть не может, отпечатков пальцев также не будет — перчатки он уничтожит позднее. Всё, теперь можно вниз.

Однако на девятом этаже случился неприятный конфуз: он, нажал на кнопку вызова лифта, но лифт не ехал. Теряя драгоценные секунды, Джек стал, как сумасшедший лупить по кнопке, но ничего не происходило. Внезапно за спиной послышался шум открывающейся двери. Джек мгновенно развернулся, и увидел невысокую, высушенную годами старуху. Старое, очень поношенном платье серого цвета висело на ней, как на тремпеле.

— Не стучи, милый, — кнопка у нас уже два дня не работает, — часто моргая слезящимися глазами сказала она, — спустись этажом ниже и езжай, милок, езжай.

Проклиная русскую расхлябанность, прыжками через две ступени Эрикссон мигом очутился на восьмом этаже, и правда — старуха не обманула — вызванный лифт быстро домчал мчал его на первый этаж. Он выбежал, но не на улицу, а во двор, и

оттуда попал в соседний подъезд.

Когда Джек из него вышел, вокруг места происшествия уже собралась толпа, несколько человек разбежалось в разных направлениях. Американец, чтобы не вызывать их подозрение, не спеша двинулся к машине с поджидавшим его Крисом. Ему осталось пройти буквально несколько шагов до спасения, когда за спиной раздался крик:

— Вон, вот этот выходил! Я его запомнил!

Джек обернулся, и увидев вахтёра дворца культуры с несколькими людьми, и не раздумывая бросился бежать.

— Стой! Держи его! Стреляй по ногам — нужно взять живьём! — и загремели выстрелы. Его пронзила страшная боль в правой ноге.

Он упал, и тут боль его немного отпустила, что и позволило рывком подняться, однако больше бежать Джек не мог. Крис не оставил друга в беде — очереди его "Ингрема" заставил преследователей вжаться в асфальт. Джек, шатаясь, добрался до "Лады", и машина сразу рванула с места. Ей в след раздалось несколько недружных выстрелов — заднее стекло разлетелось вдребезги, и ещё одна пуля угодила в Эрикссона.

— Что произошло? — спросил Сильвер, когда они уже оторвались от погони.

— Дело сделано, — захрипел Эрикссон — каждое слово требовало от него невероятных усилий воли, — на форуме ничего не получилось — на нём был бронежилет, и только с чердака мне удалось его подстрелить.

— Понятно. А как ты?

— Ещё терпимо, но нужен врач, — свой собственный голос Джек уже слышал как в тумане.

— Ничего, мы сейчас избавимся от машины, а потом я тебя отвезу к одному моему знакомому, который и мёртвого вылечит.

Началось головокружение — Джека затошнило, боли в груди не давали дышать, сердце как сумасшедшее, било по рёбрам, нога стала неметь.

Эрикссон ощупал рану на ноге — штанина была мокрая от крови.

"Чёрт, я так могу истечь кровью!" — подумал он, и в этот — же момент сознание соизволило покинуть его.

— Пульс нитевидный — мы его теряем! — кто-то прокричал рядом. — Разряд! Разряд! — и адская боль пронзила Джека.

Следом наступило чувство лёгкости, какой-то невесомости. Он парил под потолком в большой белой комнате, а внизу, возле лежащего на операционном столе человека, копошились люди в белых халатах. Потом неведомая сила стала тянуть его вверх, вначале слабо, затем всё сильнее и сильнее, и вот он уже куда-то мчался по тёмному, бесконечному туннелю...

VII.

...Исландия, 1010 год.

— Эрик, вставай! — ещё было темно, когда Хёрд, рыбак с Острова Лососей, стал

будить своего девятилетнего сына. — Ты помнишь, мы сегодня идём рыбачить.

— Да, папа, — отозвался девятилетний мальчик и закашлял — воздух в их жилище был очень спёртым — едкий запах дыма, пропитавший всё вокруг, усиливался вонью от сырой и копчённой рыбы.

Он протёр глаза и но вставать не спешил. Ох, как не хочется так рано вставать Эрику, как он не любит рыбалку. Ему больше по душе игры; чаще всего он играл с тремя сыновьями их соседа Торгрима — Арни, Бьёрном и Торкельем.

"Когда я вырасту, — мечтал мальчик, — не буду как отец рыбачить, а стану викингом и пойду в поход. А может отправлюсь сказочный в Миклагард..."

В землянке без окон царил полумрак — огонь в очаге давно погас, а слабый свет звёзд едва-едва проникал сквозь открытую заслонку дымовой отдушины в потолок.

Наконец Хёрд зажёл толстую свечу из китового жира, и увидел, что сын продолжает лежать на земляной лежанке.

— Да вставай — же, вот-вот Солнце взойдёт, а мы ещё не готовы, — отец не выдержал и отвесил своему отпрыску увесистый подзатыльник. Тот, чуть не плача, мигом вскочил с постели.

Наскоро умывшись водой из стоящей в углу деревянной бочки и перекусив копчённой рыбой, рыбаки уже собирались покинуть своё жалкое жилище, примостившуюся у подножья скалы, когда на их половину землянки с деревянной бадьёй в руках, полной рыбьих голов и помоев, зашла Исгёрд — жена Хёрда и мать Эрика. Её постоянно мучила бессонница, поэтому по ночам она часто занималась домашними делами. Люди её не любили, считая ведьмой, хотя и её муж не пользовался уважением — Хёрд слыл человеком вздорным, к тому же неудачником.

— Вы куда? На море штормит, точно буря будет!

— Молчи женщина! Занимайся своей стряпнёй, и стиркой, и не лезь в мужское дело. Плох тот викинг, что боится волн!

— Хо-хо, викинг нашёлся!

— Ещё раз говорю: молчи, а то от меня получишь! — и отец с сыном вышли из хижины и отправились к морю. Уходящая ночь дыхнула на них своей приятной прохладой, свет звёзд постепенно меркнул и на востоке уже алела заря — жуткие кроваво-красные облака явно предвещали непогоду.

Эрик, сгибаясь под тяжестью вёсел, старался не отставать от отца, а Хёрд, гружённый рыбацкими снастями, шёл быстро, что-то мурлыча себе под нос.

И вот, наконец, показалось море — Исгёрд была права: штормило. Но, поскольку волны, словно неведомые зверюшки бегающие по тёмно-зелёному полю были не столь уж и большими, то это не остановило Хёрда:

— Ничего, мы не будем далеко отплывать от берега, поэтому вернуться всегда успеем.

Лодка была спущена на воду и рыбаки заработали вёслами, с каждым взмахом медленно отдаляясь от берега.

Сегодня отцу с сыном везло — лодка быстро заполнялась рыбой. На мгновение

появилось Солнце, и сразу спряталось в тёмных тучах, ветер с севера усиливался — утлое судёнышко раскачивалось всё сильнее и сильнее.

— Отец, а нам не пора возвращаться?

— Успеем — нельзя упускать такую удачу, — в Хёрде разыграла жадность. — Давно не было такой рыбалки — клянусь, Ньёрдом и Фреером!

И лишь когда всё дно было услао рыбой, рыбаки стали возвращаться.

— Гребём не к дому, где лодку только разобьём, а в Тресковую Бухту, — крикнул отец сыну, — только там можно пристать к берегу в такую непогоду.

Они уже почти достигли цели, когда началась настоящая буря. Одна огромная волна, будто сказочный змей из преданий о подвигах бога Тора, как игрушку, подняла судно, и из о всей силы швырнула вниз. Лодка сразу полностью оказалась заполненная водой и быстро подкативший новый водяной вал перевернул её.

Эрик сразу оказался под водой. Вода хлынула ему в горло, и стала душить. Он инстинктивно замолотил немеющими руками и ногами. Намокшая одежда тянула вниз, началось удушье, он замолотил ещё сильнее, и оказался на поверхности. Это позволило вдохнуть воздух, и он начал сбрасывать одежду.

Остальное мальчик уже не помнил — он пришёл в себя уже на берегу. Буря стихла, недалеко от него лежала перевернутая верх дном лодка, а Хёрда нигде не было видно.

— Отец! — и слёзы полились у него по щекам.

VIII.

Очнувшись, Эрикссон понял, что лежит на кровати. Перед собой он увидел светло-серые стены, белый потолок, одинокое окно, хоть и без занавесок, но с цветочными горшками на подоконнике. Почему-то во всех них были кактусы — зелёные и коричневые, маленькие и большие. В углу, на длинных деревянных ножках примостился древний телевизор.

Он скосил глаза — рядом с кроватью стоял ровесник телевизора — энцелограф, от которого к больному тянулись провода датчиков.

Дверь открылась, и две фигуры в белых халатах подошли к Джеку. Эрикссон узнал приятеля и его охранника.

— Где я?

— В частной клинике доктора Петрова в Мытищах — это за пределами Москвы, — пояснил Крис. — Твою физиономию местные новости показывают по несколько раз в день, но Василий Васильевич наш человек, так что ты здесь будешь в безопасности. Пока в безопасности. Кстати, вот тебе два талисмана, — и приятель протянул больному две пули, — одну вытянули из бедра, а другую из лёгкого.

— Спасибо за "подарки".

— Да, едва не забыл, — осторожно произнёс Сильвер, — есть плохая новость.

— Слушаю.

— Миргородский жив — тебе подсунили тебе двойника.

Джек, после того, что с ним произошло, воспринял эту информацию спокойно:

— Понятно.

— Но он тоже жив — одна пуля попал ему в челюсть, а остальные отразил бронежилет. Так что пусть тебя не сильно мучают угрызения совести.

— Ну, я убиваться точно не буду, а господин Миргородский, наверно неплохо заплатит своему спасителю, — ответил Джек и тут же обратился к стоящему в стороне Артуру. — А ваш план, к сожалению, не сработал.

— Извините, но претензии не ко мне! Это дело мне сразу не понравилось, а вы на мои подозрения сразу отменили, как что-то не существенное. Также мистер Сильвер, даже не сказал мне на кого будет охота.

— Ну и что? — по-русски сказал Крис.

— Как что? — обозлился Аскольдов и тоже "перескочил" с английского. — Да на кого вы "наезжать" вздумали, два дилетанта долбанных! Детективов начитались и боевиков насмотрелись, а теперь думаете, что здесь вам Москва-река будет по колено? Да Дядя Миша ворочает миллиардами долларов, у него здесь всё куплено...

— Но! — попытался возразить Сильвер.

— Никаких "но"! — грубо оборвал босса Артур. — В этой стране всё за него — от администрации президента до простого постового милиционера на ближайшем перекрёстке. И вы что вдвоём целое государство победить надумали? Тоже мне Рэмбо нашлись. — презрительно добавил он, и Джек понял, что герой актёра Сталлоне в России явно не в почёте.

— Мы поговорим об этом позднее, — вся фигура Криса излучала такую угрозу, что, казалось, стоит Аскольдову сказать ещё хоть одно слово, и начнётся драка.

Артур тоже это почувствовал и развернувшись, пристальным, немигающим взглядом посмотрел хозяину в глаза. Конечно внешне, худощавый охранник со своими ста семьдесятю пятью сантиметрами роста явно проигрывал плотному, почти двухметровому Сильверу, однако "чёрный" пояс и ежедневные изнурительные тренировки Артура в столкновении по меньшей мере уравнивали их шансы.

Накаляющуюся обстановку разрядил вошедший в палату невысокий седой старичок в белых халате и шапочке, на носу у него смешно болтались старые очки. Увидев его, Артур пошёл было из палаты, но у двери остановился, и ткнул пальцем в лежащего на больничной койке Джека:

— И не думайте что дело этим закончиться. Это — только начало!

И дверь с грохотом захлопнулась.

"Так, вовремя я пришёл — а то эти ребята едва друг другу морду не набили, — подумал Петров. — Драки мне в клинике ещё не хватало — и так жалею что влез в это дело. А всё из-за денег — будь они неладны!"

Он подошёл к Джеку.

— Ну как чувствуете, молодой человек? — улыбнувшись, по-английски спросил врач больного.

— Уже лучше.

— Вот и хорошо. Сами понимаете, что потерять более двух литров крови плюс пуля в лёгком — это не шутка. У вас была клиническая смерть, поэтому можете считать, что

заново родились. Так что у нас здесь, — доктор глянул на экран энцелографа, — Неплохо. Вы явно идёте на поправку.

И тут Джек заметил, что Петров сильно испуган, хотя и пытался не подавать виду.

— Вот ещё что. Я в ваши разборки не вмешиваюсь, Кристофер, но ваш охранник прав — вы вляпались по самые уши. Конечно в Москве никто не любит Миргородского, однако, — и тут врач закусил губы, словно едва не выболтал лишнего, — однако я и так по старой дружбе сделал для вас, Крис, и так много. Послезавтра вашего друга можете забирать.

— Но почему так.... — начал было Сильвер, но Петров даже не дал ему закончить фразу:

— И не спорьте — его рана в ноге заживает, с лёгким делом несколько хуже, тем не менее особых осложнений нет. Зато я от своих коллег в Москве только и слышу вопли — милиция и ФСБ из-за вашего друга постоянно обыскивают все больницы, и частные клиники, но будет плохо если эти псы перенесут свои поиски за окружную дорогу, — врач слегка опустил голову, и поверх очков так посмотрел своими близорукими глазами сначала на Джека, затем на Криса, словно видел обоих американцев лежащих в морге, после чего тихо продолжил. — Вы, мистер Сильвер, в России давно, поэтому должны знать, как это новое КГБ развязывает языки — уколут "эликсир правды" и вы сразу всё расскажете — что знаете и даже чего не знаете. Раньше, при Союзе, у нас была хоть какая-то видимость законности, а сейчас у нас беспредел — кто что хочет, то и делает, — печально закончил он.

Больше Джек ничего не слышал — внезапно на него накатила слабость — глаза самопроизвольно закрылись, и он почти мгновенно погрузился в глубокий сон. И Эрикссон снова нёсся по тёмному бесконечному туннелю...

IX.

...Исландия, 1016 год.

Вскоре после смерти отца, мать Эрика заболела и через полгода умерла. Мальчика остался сиротой, и его забрали родственники — брат матери Торир и его жена Ингибьёрг. Торир имел близ Большого Фьорда хутор, на котором и прошли детство Эрика. Поскольку брат Исгёрд был человеком небогатым, то рабов или наёмных работников он не держал, и всю работу на хуторе хозяева выполняли сами. Эрику приходилось каждый день им помогать — о детских играх и шалостях он позабыл надолго.

У Торира был старший сын, Торд (он был на пять зим старше Эрика), который был сильно похож на Артура Аскольдова, но та часть сознания Эрика, которая осознавала себя Джеком Эрикссоном почему-то этому совсем не удивлялась.

К пятнадцати зимам Эрик вырос в крепкого в костях, мускулистого и довольно рослого юношу. От отца он унаследовал широкое лицо и рыжеватый цвет волос, а необычайную физическую силу — от деда Ари — отца матери. Дед уже в возрасте почти пятьдесят зим ударом кулака убил человека, за что и был отправлен в изгнание. Он не стал дожидаться, пока ему не отомстит кто-то из родственников убитого, и

покинул Исландии; больше о нём ничего достоверно не было известно. Ходили, правда, слухи, что он примкнул к викингам, и совершал с ними набеги на Ирландию, но слухи, так слухами и остались.

Вскоре Эрик отличился, да так что его зауважали многие. Тот год в Исландии был довольно голодным, рыба ловилась плохо, и на берег почти ничего не выносило.

Одним ранним утром, когда в доме брата Исгёрд почти все ещё спали, случился переполох — в жилище ворвалась Ингибьёрг и начала истошно орать:

— Торир, Торир, Торир! Шторм прибил к нам кита.

— Где? — дремавший муж мигом вскочил с земляной лежанки.

— Почти на берегу, совсем недалеко от дома.

Эрик, Торир и его старший сын быстро выскочили из дома, и действительно — близ берега, почти рядом с их хутором, виднелась огромная тёмно-синяя масса, серебряным блеском отливавшаяся в лучах только что взошедшего солнца.

— Ты быстро зови своих братьев, — сказал Торир жене, — а мы пока начнём разделывать тушу.

Чтобы подойти к киту, трём мужчинам пришлось залезть по пояс в воду. Торир и его сын взобрались на кита, и стали топором и широкими ножами разделывать добычу, а Эрик оттаскивал отрезанные куски. Вода была холодная, руки быстро немели, то и дело приходилось растирать их.

— Кого это к нам несёт? — внезапно послышался голос Торира. — Неужели это Лейв и Торфинн со своими людьми?

— Вряд ли, — ответил Торд. — Мать не могла так быстро позвать своих братьев.

Эрик повернул голову и увидел что неподалёку от них к киту уверенно направляется лодка. В ней было шесть человек.

— Чёрт, это наш "добрый" сосед Флоси со своими работниками, — простонал Торир. — И все они вооружены.

— Кита не отдадим! — Торд был настроен воинственно, — Эрик, сюда! Быстро!

Эрик присоединился к родственникам.

— Возьми, — Торир отдал ему небольшой нож, — больше ничего нет.

— Кит наш! — заорал сын Торира на пришельцев, когда те приблизились, и стал размахивать топором.

— Нет! — возразил высокий, хорошо одетый человек, единственный среди всей шестёрки не имевший оружия, — земля здесь — ваша, зато всё что здесь приносит море — наше! У вас нет прав на плавщину!

— Кита без боя не отдадим! — упорствовал сын Торира.

— Вот и хорошо, — ответил Флоси, и подбодрил своих спутников, — хотите биться — давайте! А ну покажите им ребята!

Лодка пристала к киту, и началась схватка.

Торд с воем бросился на врагов. Один из работник Флоси пал от его топора, но сам он был оглушён дубиной, выронив секиру, покатился вниз и свалился в воду.

Эрик, увернувшись от брошенного копья, метнул нож — его оружие застряло в

плече врага, и так противников стало на одного меньше.

Торир упал, получив удар небольшим мечом, к счастью, как потом выяснилось, не смертельный, а за безоружным Эриком погнались двое работников Флоси. Но он побежал не на хутор, где помощи всё равно ждать было не от кого, а к лодке Флоси. В ней никакого оружия не оказалось, поэтому Эрик схватил весло и начал им колотить преследователей. Один из них был сразу свалился в воду, другой был так оглушён, что пришёл в себя через несколько дней.

Завладев их ножами, он бросился на Флоси и его уцелевшего работника, но те бой не приняли, и обратились в бегство. Отделавшись небольшой царапиной, победителю достались и кит и лодка нападавших.

Х.

А уже на следующий день мрачные предсказания Аскольдова стали сбываться.

Неприятности начались утром, когда шофёр-охранник Сильвера Павел Мишко, приехавший отвести босса на работу, увидел у дома американца чёрную "Волгу" последней модели, которую там до этого он никогда не видел — зрительная память у Павлика была отменная. Разглядеть сквозь затемнённые стёкла сидевших в салоне подозрительной машины было невозможно, но Мишко запомнил её номер, машинально, конечно — привычка запоминать всё вокруг не раз спасала ему жизнь во времена его бандитской молодости.

"Гранд Чароки" Сильвера уже подъезжал к "Столичной", когда в зеркале заднего обзора, Павел снова увидел тот же чёрный автомобиль.

— Шеф, за нами "хвост".

— Что? — недовольным тоном спросил Крис — реплика Мишко прервала ход его мысли.

— За нами едет машина, что стояла у вашего дома.

— Ты не ошибаешься?

— Нет, я запомнил номер — 423.

— А ну, давай с ними поиграем — попытайся оторваться.

Но всё было тщетно — несмотря на водительское мастерство Павла "Волга" следовала за ними как приклеяная.

— Не оторваться, — после нескольких бесплодных попыток признался он, — у них судя по всему спецмашина с форсированным двигателем, да и водитель хороший. Вот если бы мы были на вашем "Мустанге"...

— Ну и как всё это понимать?

— Видимо хотят запугать — вот и играют на нервах, сволочи! А может бояться, чтобы вы не удрали.

— Ладно, едем в контору. Посмотрим что произойдёт дальше.

Однако в офисе американца ожидала новая неожиданность — в кабинете его терпеливо дожидался помощник Флинт и судя по его возбуждённой физиономии, произошло что-то серьёзное.

— Привет, Фрэнк, — поздоровался Сильвер, — что случилось?

— Здравствуйте, босс! — тихо ответил помощник. — Сегодня утром мне на "мобильный" позвонил Борисов, ну вы помните, который из московской прокуратуры, и сообщил, что сегодня на вас будет "наезд".

— Это не тот, который хотел иметь дом "как в Америке", и мы два года назад строили ему виллу в Подмосковье? Его, кажется, зовут Геннадий Александрович?

— Он самый. Говорит, что прокуратура уже выдала ордер на обыск нашего офиса. Инициатива якобы исходила от налоговой милиции, но фактически за этим стоит ФСБ....

Крис вздрогнул — ему сразу вспомнился вчерашний разговор в клинике, особенно фраза Петрова, о том, как ФСБ развязывает языки.

— В ходе обыска — нам что-то подбросят, продолжал Фрэнк, — наркотики, оружие, или что-то ещё — Борисов не знает, но предупреждает...

— Да почему ты мне раньше об этом не сообщил? Что позвонить на "мобильник" не мог? — Сильвер почти кричал.

— Боялся, что подслушают.

Тупость Фрэнка бесила Криса. Конечно, Флинт был хоть и исполнительным, но глуповатым парнем, и работая в Штатах он никогда бы не добился нынешней должности. Однако здесь не Америка и даже не Европа, а страна только вставшая на путь рыночных преобразований, территория, где с давних пор почти все пьянствуют, а трудовая дисциплина является понятием относительным, из-за чего любой надёжный человек, особенно соотечественник, представляет большую ценность.

— В посольство звонил? — Крис уже почти успокоился.

— Да, там уже в курсе дел, и если информация подтвердится, то они сразу вмешаются.

— Хорошо, иди — мне нужно побыть одному.

Едва за помощником закрылась дверь, как раздалось злое гудение — это сработал сигнал тревоги, — и следом — едва слышный щелчок — на экране "домашнего кинотеатра" возникло изображение поста охраны у входа в офис.

Два здоровяка, в чётных масках в униформе спецподразделений, повалили на пол дежурившего в этот день Аскольдова, и заламывали ему за спину руки. Он попытался сопротивляться, и спецназовцы стали избивать его ногами — видимо нападавшим явно не понравилось, что Артур всё-таки успел подать сигнал тревоги. Избиение сопровождалось потоком отборным ругательств.

А на экране картинка сменилась — "кинотеатр" переключился на другую видеокамеру. По длинному коридору мчались спецназовцы с автоматами, они врвались в комнаты, и оттуда раздавались крики, с одной из женщин случилась истерика.

Сильвер щелкнул по пульту и экран "кинотеатра" потух. Не нужно быть великим умником, чтобы понять, что вскоре произойдёт. В офисе что-то обнаружат, его арестуют, вколют какую-то гадость, и он расскажет где Джек. Эрикссона найдут и также арестуют, вместе с доктором Петровым, Павлом и Артуром, и у них появятся

шанс оценить "гостеприимство" русских тюрем. Впрочем, Миргородский вряд ли простит покушение на свою персону — так что их ожидает что-то особенное... На посольство в этой ситуации рассчитывать не придётся — от них сразу же отвернуться.

Кристофер нехотя полез в нижний ящик своего стола, достал "кольт", снял пистолет с предохранителя, и взведя курок приставил его к виску. Умирать никому не хочется, но выбора вообще — то нет — или одна его жизнь, или — ещё четыре. Сильвер глубоко вздохнул и нажал на курок. Раздался выстрел.

Как показал дальнейший ход событий это было единственно правильное решение — самоубийство американца расстроило планы многим.

Но как громко не возмущались в американском посольстве, и какие разговоры не высоких тонах не велись в прокуратуре и ФСБ, всё же самые дикие вопли раздавались в кабинете всесильного олигарха Миргородского.

— Идиоты, совсем разучились работать! — потрясая кулаками, хозяин кабинета орал на невысокого мужчину неопределённого возраста — сотрудника ФСБ Дмитрия Рябых. — Киллер — не найден, его сообщник — погиб, а теперь ещё и назревает международный скандал.

— А это что, вас удивляет? — спокойно спросил контрразведчик. — После того, как в начале 90-х господа-реформаторы по вышибали из органов большинство лучших людей, и кто, как вы думаете, у нас остался, а? Все вдруг стали бизнесменами — а работать некому! Надеюсь, вы это понимаете?

— Уж я то точно понимаю! — оборвал его олигарх. — Это мы, демократы во всём виноваты — развалили Советский Союз, а при коммунистах вы были могучим КГБ, не то что сейчас ваше ФСБ.

Присутствующий на этом заседании Виктор Иванов в душе смеялся. Снова эти интеллектуалы от разведки обложались. Не так давно до него дошли слухи, что Рябых не прочь занять его, Виктора, место, и теперь нынешний прокол в работе надолго заставит Дмитрия умерить свои местнические амбиции.

Иванов в очередной раз убедился в правильности сделанного им в далёком 85-м выбора. Возиться с бумагами, и продумывать сложные ходы оперативных комбинаций он никогда не любил, ему куда больше нравились тренировки в спортзалах, тирах и на полигонах, поэтому после окончания Высшей Школы КГБ он попал в силовые структуры Комитета, о чём в последствии никогда не жалел.

— Да, мы сейчас, не то что раньше, — сказал Рябых. — Тем не менее ситуация под контролем.

— Да ну?! — недоверчиво произнёс Миргородский.

— Извините, но ваше дело под контролем Кремля. Впервые после окончания "холодной войны" мы фактически заблокировали американское посольство — на крышах ближайших домов расставлены снайперы, за каждым его сотрудником ведётся наблюдение. Мы уже задействовали наших сотрудников из других регионов. Поэтому всю Москву перевернём, но вашего киллера найдём! Сегодня вечером арестованному помощнику Сильвера дадут пентанол натрия, и он расскажет всё что знает. На всякий

случай мы ведём наблюдение и за его коллегами, включая секретаршу, бухгалтера и шофёра.

— А как вы вышли на этого Сильвера? — в Иванове проснулся профессиональный интерес.

— Джим Симпсон, как турист, приехал в страну через "Шереметьево — 2". Мы просмотрели записи всех видеокамер наблюдения аэропорта, и обнаружили, что его встречал какой-то мужчина — изображение, к сожалению, было очень нечётким. Опрос всех работников аэропорта вначале ничего не дал, в гостиницах этот американец также не останавливался, вообще тупик. Но вскоре нам повезло — парковщик, работавший в тот день, узнал и Симпсона и Сильвера. Остальное было несложно — только прокуратура слишком долго давала санкцию на обыск и арест.

— А вы выяснили, как этот Симпсон оказался на форуме? — поинтересовался олигарх?

— Приглашение — подделка, и если сейчас доллары подделывают, то вы сами понимаете.

— Хорошо, Дмитрий Васильевич, — Миргородский сменил гнев на милость, — жду вас завтра к полудню. Надеюсь вы помните, что у нас скоро открытие автосалона?

— Конечно. Всего хорошего!

А час спустя произошло знакомство Миргородского с его новым консультантом по оккультным вопросам. Олигарх с удивлением рассматривал несуразную, почти гротескную фигуру Сутужкина: большое тело и маленькая, словно оторванная у другого, слабого и щедедушного существа, почти лысая голова; небольшой, крючковатый нос и огромные, выпуклые всевидящие глаза. Длинная щель рта, с тонкими губами выдавали в нём на редкость циничного и безжалостного человека.

"Ну и урод!" — подумал олигарх, и вслух произнёс:

— Вы знаете, я вас заждался, тем не менее за ваши добрые советы — спасибо. Ваши прогнозы полностью оправдались, словно вы сами всё организовали. Но сейчас я заинтересован, чтобы подобные инциденты больше не повторялись.

Экстрасенс ухмыльнулся:

— Сейчас в нашем трудном и опасном ремесле развелось много дилетантов и самоучек — по начитаются кретины разных книжек, а потом строят из себя великих магов и волшебников. Пока их не "щёлкнешь" — ничего не понимаю.

— Много слов не по существу, — неучтиво перебил его миллиардер. Ему, деловому человеку болтуны никогда не нравились. — А конкретнее?

— А конкретнее, — злобно продолжил колдун, — я поэтому и подверг Вас этому испытанию, чтобы вы всё правильно поняли, а то Дарья Максимовна вас сильно разбаловала. Сейчас вы без меня — без пяти минут покойник, однако и я нуждаюсь в ваших деньгах, в вашем политическом влиянии и экономических ресурсах. Не скрою — у меня далеко идущие планы.

— Хорошо. Я думаю, что вы действительно заслуживаете значительного увеличения гонорара.

— Я знал, что мы с вами сработаемся, — безапелляционно заявил колдун. — Во-первых мне нужна комната в ваших апартаментах, да и кое-какие принадлежности. Во-вторых чтобы отвести от вас угрозу я буду ходить с вами повсюду, так что можете считать меня своим новым охранником. Согласны?

— Вполне. Виктор, — миллиардер обратился к начальнику охраны, — покажи господину Сутужкину его комнату. Да и вот ещё что. Алексей Натанович, через два часа у меня пресс-конференция о политической ситуации в стране, так что будьте готовы.

Джека разбудил довольно грубый толчок в плечо.

— Просыпайся!

Эрикссон открыл глаза — возле самой кровати стоял Артур, а за ним — Петров и невысокий крепкий незнакомец лет тридцати.

— Джек, у меня для вас плохое известие, — по-английски начал Аскольдов, и тут же обратился по-русски к доктору: — Его уже можно забрать?

— Да, да, конечно, — Петров не скрывал, что хотел как можно скорее избавиться от опасного пациента.

— А где Крис? — Эрикссон окончательно проснулся, поднялся с постели, и свесив ноги, сел на кровать.

— Ваш друг мёртв.

Американец вскочил с кровати:

— Как это случилось?

— Утром к нам в офис ворвался спецназ, и мистер Сильвер, чтобы не попасть в руки ФСБ, застрелился. Вы, я думаю, понимаете зачем он это сделал. К сожалению мы не могли прибыть раньше — нас всех допрашивали, кроме того установили наблюдение, а Павлу, вон, вообще, в машину поставили "клопа". Так ладно, доктор, носилки! Да, и позаботьтесь, чтобы нас видело меньшее количество людей.

— Эвакуацию проведём через "чёрный" ход, — засуетился Петров, — там грузовой лифт. Сейчас десять часов вечера, поэтому свидетелей не будет.

— Не надо носилки, — вдруг сказал Эрикссон. — Я пойду сам. А как вы меня повезёте — ведь я ещё в розыске?

— Сомневаюсь, что вас кто-то не узнает, — произнёс странную фразу спутник Артура.

Вскоре Джек уже рассматривал малогабаритную двухкомнатную квартиру, которая находилась в стандартном панельном доме ещё советской постройки — на чердаке точно такой же девятиэтажки он совсем недавно охотился на Миргородского.

— Располагайся, — сказал Артур когда они переступили порог. — Это квартира моего хорошего знакомого — он работает за границей, и приедет домой только зимой. Еда в холодильнике.

Убогость жилища поразило Эрикссона — низкие потолки, крошечные коридоры и комнаты, по уродливому торчащие водопроводные трубы и отопительные батареи, обшарпанная мебель, выцветшие обои, штукатурка местами облупилась — Джек уже

не помнил, когда в последний раз посещал подобные трущобы.

В прихожей было зеркало — и увидев себя, у него внутри всё похолодело — его действительно никто не узнал бы. Он сильно осунулся и похудел, кожа имела болезненно-жёлтый цвет, под глазами были тёмные круги, а в волосах белела проседь.

Вскоре Джек уже полулежал на диване в большей из комнат, а рядом, за большим круглым столом сидели его новые товарищи.

— Так чем вам досадил Миргородский, мистер Симпсон? — спросил Артур.

— Я — не Симпсон. Меня зовут Джек Эрикссон, ФБР, Нью-Йорк.

— Ну и ну! — воскликнул Павел. — Однако интересные у вас методы расследования.

— Я здесь как частное лицо. Дело в том, что из-за Миргородского погибла моя невеста Джина — наверно вы слышали о скандале в Нью-Йорке, — и печально добавил. — И не только она, трупов было много.

— Теперь вам придётся мстить и за мистера Сильвера.

— А из-за Миргородского погиб мой дед, — внезапно послышался голос Артура.

— Когда, Аскольд?

Артур сразу загрустил.

— Давно, ещё при Союзе. Хороший был дед, справедливый, фронтовик. Я тогда был маленький, но дал клятву отомстить негодяю. Столько времени прошло, а теперь вижу, что обещания рано или поздно нужно выполнять.

— Ну что, давайте "замочим" ублюдка? — оживился Мишко.

— А вы, Джек, после всех этих приключений, не против? — спросил Артур. — Вообще, мы работаем с Павлом вдвоём, но сейчас случай особый и нам может понадобиться ваша помощь.

— Я — "за"! И что сейчас — снова "выжженная земля"?

— А, вам Крис рассказал. Нет, на сей раз нужно всё хорошо обмозговать. Мне до сих пор не понятно, почему вам не удалось его убить. Что-то здесь нечисто.

С последним утверждением американец был согласен:

— И мне показалось, что Миргородский всё знал заранее.

— Поэтому спешить и не будем — пока я всё не выясню. Тогда всё, объявляю заседание клуба "почитателей" Миргородского закрытым. Вы, Джек, выздоравливайте. Вот вам "мобильник", — Артур протянув "сотовый" усмехнулся. — Это всякий случай. Разбегаемся.

Джек взял телефон и сразу понял иронию Аскольдова — на телефоне было написано "Эрикссон". И ему сразу вспомнился отец, небогатый фермер из штата Мичиган, который часто любил напоминать маленькому сыну: "Гордись, Джек — у нас фамилия знаменитая. Исландский викинг Эрикссон открыл Америку за пятьсот лет до Колумба, а другой Эрикссон — шведский кораблестроитель — крепко выручил президента Линкольна во время войны Севера с Югом."

"Да, сейчас меня занесло куда дальше, чем моего исландского однофамильца," — подумал Джек.

Спать после всех этих событий не хотелось, и чтобы скоротать время он включил телевизор.

XI.

Настенные часы пробили полночь. Сутужкин вскочил со стула: теперь ему нужно торопиться — дорога каждая минута, ибо сделать надо очень и очень многое.

К этой ночи он готовился основательно — комнату уже обжил, превратив её в рабочий кабинет колдуна — подходящее место для магических действий, рабочий инструмент и минимальный запас порошков и трав он привёз с собой, а остальное, изводя бесконечными просьбами Иванова, достал в городе.

Ведьмак зажёл в комнате чёрные свечи, от которых шла нестерпимая вонь, и выключил свет. Затем снял себя всю одежду, оставив только небольшой кожаный мешочек на шее — он всегда считал, что настоящее колдовство должно твориться в обнажённом виде, надел перчатки из плотной искусственной кожи, и вышел в коридор.

Там стояла клетка, в которой сидели три чёрных кота. Колдун выбрал самого большого и толстого из них, открыл клетку, и принялся его доставать. Животное, почувствовав опасность, стало вырываться, дико выть, но дом спал, и только его товарищи по несчастью были свидетелями намечающегося злодеяния. Чёрный разбойник, извиваясь, умудрился укусить Сутужкина, но вид собственной крови лишь рассмешил колдуна. Жертва была внесена в рабочий кабинет, и колдун большим ритуальным ножом с чёрной рукояткой отсёк коту голову. Когда вся кровь, вытекшая из обезглавленной тушки, была собрана в магический кубок, Сутужкин выпил её. Шёпотом он прочитал заклинание, призывая демона-покровителя появиться и помочь ему в предстоящем деле.

Следом колдовская кадьница — размалёванная колдовскими рунами большая плоская чаша с тремя маленькими ножками в виде драконов — была внесена в защитный магический круг и в ней был разведён огонь. Сутужкин швырнул в огонь порошки на основе галлюциногенных трав — комнату затянуло дымом, который он стал жадно вдыхать. Реакции не пришлось долго ждать — в комнате слышались вздохи, визг, хохот.

Пол задрожал, стены заколыхались, будто бумажные на ветру, и Сутужкин понял — пора. Он, не выходя из круга, снял с шеи кожаный мешочек и достал оттуда магический кристалл. Вокруг круга носились тени, одна из них сгустилась, и приняла вид огромного кота.

— Что тебе? — спросил колдуна демон.

— Покажи мне врагов! — приказал Сутужкин.

— Смотри! — котяра так страшно завыл, что казалось, затряслись стены.

Колдун посмотрел в кристалл, и в нём, при тусклом, из-за дыма, свете свечей, увидел серый девятиэтажный дом. На его стене Сутужкин сумел разглядеть название улицы, и номер. В кристалле картинка сменилась — теперь это подъезд дома, большим ракурсом показывалась дверь в квартиру.

Колдун запомнил и её номер, но тут его начало тошнить, голова закружилась, и он

едва не выпал из спасительного круга.

— Что тебе ещё?

— Помыслы и намерения врагов!

— Смотри!

В кристалле изображение снова сменилось, — теперь это была первая страница местной газеты и теряя сознание, Сутужкин успел прочитать заголовок:

"Взрыв в "Росскредитэксим-банке" Миргородского — начало новой криминальной войны?"

Сутужкин пришёл себя ровно в полдень. Голова так болела, словно по ней хорошенько стукнули молотком. Колдун стал вспоминать прошлую ночь. Так, в кристалле он видел какой-то девятиэтажный дом, он даже увидел его номер и название улицы, но теперь ничего не помнил, ничего. Между тем демон показал ему еще кое-что, но что? — Сутужкин пока тоже вспомнить не мог, поэтому разозлился: он всегда знал, что деньги уменьшают силу мага и вот результат. А ведь в прошлый раз, когда он действовал совершенно бесплатно, демон показал грядущие события во всех подробностях, которые Алексей смог удержать в голове.

Стоп, он видел газету, и в ней что-то было написано о "Росскредитэксим-банке". Ограбление? - вроде — бы нет, но имуществу его нанимателя явно будет нанесён вред. Идея! — он обрадовался. — Это и скажем олигарху. Надев одежду, колдун отправился к Миргородскому.

— Можно, Михаил Моисеевич? — олигарх посмотрел на дверь и от неожиданности вздрогнул — перед ним стоял Сутужкин, и вид у него был столь страшный, словно он только что вернулся с того света. Белки глаз колдуна были побиты красными жилками, грязно-жёлтая кожа, как у покойника, одежда висела мешком — провидец за одну ночь сильно похудел.

— Садись, — миллиардер уже оправился от неожиданности. — Что случилось?

— Говорить можно? — Сутужкин не знал как вести в присутствии Рябых.

— Дмитрий Васильевич мой человек из ФСБ, и у меня от него секретов нет.

"Так я и поверил!" — подумал Сутужкин, но вслух произнёс нечто иное:

— Хорошо. Тогда слушайте интересную новость: вашему имуществу в ближайшие дни, а может и часы будет нанесён вред.

— Что-то произойдёт на автосалоне? — эта "интересная" новость для олигарха явно была не из приятных.

— Нет, в вашем "Росскредитэксим — банке".

— Что именно?

— Не знаю. Но вам лучшешний раз подстраховаться.

— А откуда такая информация? — спросил службист.

Сутужкин смерил презрительным взглядом такую знакомую фигуру. Нет, с Рябых он никогда до этого дня не встречался — но за долгие годы сотрудничества с спецслужбами этот тип людей Сутужкин изучил очень хорошо. Размытые черты лица — не понятно даже сколько ему лет — сорок или пятьдесят, не запоминающаяся

внешность, стандартная, ничем не выделяющаяся одежда — вот типичный, и наиболее многочисленный вид разведчиков и контрразведчиков ещё советского образца. Именно эти люди в штатском, доносят на других, устаивают провокации, вербуют доносчиков, а самые "продвинутые" из них сидят в аналитических отделах и разрабатывают операции.

В времена своей ранней молодости именно подобный человек и завербовал Алексея. Тогда, в конце 80-х, Сутужкин, начитавшись в самиздате Тимоти Лири, считал, что настоящим магом без применения психодилических средств на основе наркотиков никак ни стать. Однако увлечение данными опытами длилось недолго — по доносу одного из друзей, милиция провела обыск в квартире Алексея, и будущему магу за хранение наркотиков грозило несколько лет тюрьмы. Но тут появился человек в штатском и предложил выбор: тюрьма или сотрудничество — то были годы Перестройки и КГБ всерьёз интересовалось экстрасенсами, летающими тарелками и другими аномальными явлениями. И Сутужкин, конечно, выбрал сотрудничество — в тюрьму ведь никому ни хочется.

"С этим Рябых церемониться не нужно, — решил колдун, — посадим его на своё место, и точка. Много я от таких как он, уродов, в своё время натерпелся."

— И в бывшем КГБ, и в нынешней Службе Безопасности Украины, мне таких дурацких вопросов никогда не задавали! — по-хамски ответил экстрасенс, и посмотрел Рябых в глаза. Тот не выдержал гипнотизирующего взгляда колдуна, и сразу опустил голову вниз.

— Да и ещё, — Сутужкин потёр лоб. — Ваш киллер находится в девятиэтажке, подробностей пока не знаю. Ладно, я пошёл, Михаил Моисеевич, мне нужно отоспаться, а вы думайте что делать.

— Всего хорошего, Алексей Натанович, отдыхайте! За нас не беспокойтесь — охрану банка мы действительно усилим, — Миргородский был по-отечески добр и приветлив.

А для Джека наступили однообразные дни. Он постепенно приходил в норму — заметно прибавил в весе, тёмные круги под глазами исчезли, кожа приобрела здоровый красноватый оттенок. Чтобы убить время Джек занялся физическими упражнениями — на балконе он нашёл большие гантели, пудовую и двухпудовую гири. После подобной разминки переходил к единоборствам — сначала выполнял формальные упражнения, затем до изнеможения бил кулаками по бетонной стене.

И ещё он смотрел телевизор — особым разнообразием передачи не отличались, в основном новости, сериалы, и викторины — копии американских, зато имелась возможность углубить знания местного языка. И когда по вечерам приходил Павел и приносил еду, Джек разговаривал с ним исключительно по-русски.

А перед сном американец почему-то каждый раз вспоминал свою семью, ферму, где прошло его детство, родной городок Толедо, в котором, если верить указателю при въезде, проживало 522 жителя, свою первую любовь — дочь местного полицейского Джессику.

Один раз в его памяти возникла последняя ночь в Заливе — утром их отправляли обратно в США.

Они пили втроём — Джек, Крис и сотрудник ЦРУ Ганс Дитке, невысокий плотный мужчина средних лет, который руководил заброской на вертолётах диверсионных групп в тыл войск Саддама.

Предки Ганса переселились в Цинцинатти из Саксонии ещё в конце девятнадцатого века, так что Дитке мог по праву считать себя что не на есть коренным американцем. Он был до тошноты пунктуальным — это Ганс унаследовал от своих немецких предков, и очень скрытным в общении — результат длительной службы в разведке. Единственное, к чему он питал слабость — это было коллекционирование — но немец коллекционировал не марки или монеты, антиквариат, машины или женщин — нет его страстью было стрелковое оружие, коллекцию которого он постоянно пополнял. Друзья шутили, что Гансу уже давно пора открывать музей.

В тот поздний вечер Дитке явно перепил, и его потянуло на откровенные разговоры.

— Парни, Советскому Союзу скоро конец, — авторитетно заявил он, и сделал ещё глоток.

Джек и Крис молча переглянулись — за всё время они немца таким никогда не видели.

— Америка осталась единственной сверхдержавой, — Ганс продолжил свои декларации, — и теперь у нас новые задачи.

— И какие — же? — спросил Сильвер.

— А что вы будете делать после войны?

— Я увольняюсь, — ответил Крис. — Займусь бизнесом.

— Понятно. Возможно это правильное решение — армия всё равно будет сокращаться, так что нечего сидеть на шее налогоплательщиков. А, ты, Джек?

— Пока ещё не решил. Вообще-то хотелось-бы получить приличное образование.

— Так вот, наша новая задача — это борьба уже не с внешними врагам — они почти все разгромлены и лежат в руинах — а с внутренними — наркоторговцами, террористами, и прочими уродами. Ты готов послужить стране, сынок?

— Так точно, сэр!

— Я так и знал, что ты настоящий патриот. Думаю, что из тебя будет неплохой работник, или я ничего не понимаю в людях. К себе в Заведение я взять тебя не могу — сейчас есть определённые трудности, зато в ФБР у меня немало знакомых, тем более сейчас у них там расширение штатов. Работая в этой конторе, ты сможешь получить и образование. Поэтому если будет желание, могу посодействовать.

— Я не против.

Так Джек оказался в ФБР. А спустя два года после этого разговора Ганс был убит колумбийскими наркоторговцами.

"Теперь и Криса не стало, " — с грустью подумал Эрикссон.

Так пролетели две недели.

Но однажды утром его ожиданию пришёл конец — без предупреждения в квартиру буквально ворвались, навьюченные рюкзаками и хозяйскими сумками Артур и Павел.

— Здоров, Джек! Завтра идём на "дело", и нам понадобится твоя помощь. Ты уже в норме? — скороговоркой проговорил Артур, и стал складывать свою поклажу в прихожей.

— Привет! У меня уже всё нормально. Теперь уже все трое сидели за большим круглым столом.

"Похоже на военный совет," — подумал Эрикссон.

— Ну и что мы будем делать, Аскольд? — судя по всему Артур не успел посвятить товарища в свои планы.

— Сейчас к Миргородскому не подобраться — его хорошо охраняют, причём не только милиция и спецслужбы. Я случайно увидел одну его пресс-конференцию, и один человек в его окружении, показался мне знакомым. На, Павлик, тебе будет любопытно это прочесть, — Аскольдов передал Мишко какую-то бумажку.

— Та..ак. Алексей Натанович Сутужкин. Целитель и экстрассенс. Ух-ты, — орден Святого Викентия. Излечиваю любые болезни, пророчества с вероятностью сто процентов. Ну и образина. Наверно, очередной шарлатан.

— Да, наш хохловский колдун, кстати из моего города, так что я его хорошо знаю. На фотографии он ещё красавчик. Относительно "излечиваю все болезни" ничего не могу сказать, но предсказатель он превосходный, недаром его постоянно использовала наша украинская контрразведка в своих целях. "Доили" его сильно и долго, а платили плохо — вот он и перебрался в Россию.

— Так это он отводил наши удары?! — недоверчиво произнёс Джек. До этого лично он с подобной мистикой не сталкивался, хотя часто слышал что и ЦРУ, и ФБР иногда использовало экстрасенсов.

— Без всякого сомнения.

— Хорошо, Артур, что у тебя за план? — Мишко сгорал от нетерпения.

— Сейчас господин олигарх усиленно готовится к выборам в Государственную Думу — сколачивает новую "демократическую" партию и создаёт всероссийский медиа-центр, что требует очень больших расходов. И хотя он — миллиардер, но денег ему всё равно не хватает. Поэтому он взял кредиты у других олигархов — под залог своей нефтяной компании, — и у своих зарубежных партнёров, сильно поднял процентную ставку в своём банке, и организовывает новый автосалон. Так вот я подумал: а если мы сорвём открытие автосалона, так напугаем банковских инвесторов, что они побегут забирать свои денежки, то товарищу олигарху явно будет не сладко. Он будет на грани банкротства, из-за чего может "сорваться", и поссориться с Кремлём. Тогда его приспешники начнут его покидать, и мы сможем до него добраться.

— Стоп! — произнёс Джек. — Но ваш колдун может предупредить своего хозяина, и нас переловят.

— Сомневаюсь, что этот Сутужкин всевидящий и всезнающий, в противном случае

мы бы не сидели сейчас не за этим столом, а за решеткой. Поэтому мы попытаемся его обмануть.

— Всё это звучит слишком фантастично, чтобы быть правдой, тем не менее это может и сработать, — сказал Павел. — Так что первое — автосалон?

— Нет, вначале визит в банк — нужно "объявить" войну, да так чтобы всем это было ясно.

На лице Мишко засияла радостная улыбка.

— Банк будем брать? — спросил он.

— Я придумал кое-что получше — риска меньше, а эффекта — больше.

— Догадываюсь: будешь химичить.

— Да, но никаких жертв не должно быть — нам столь скверная реклама ни к чему. Я вообще не понимаю, что все эти террористы добиваются? Посеять панику? Так это только в первый момент бывает какой-то эффект, а потом к этим актам все привыкают, человек и на вулкане может жить. Обратить внимание мировой общественности на какую-то проблему? Так из-за того — что гибнут мирные люди, пресса и общественное мнение сразу становится против этих, так называемых борцов за свободу, а власти получают долгожданный повод "закрутить гайки".

"С такими речами ему бы быть политиком, или философом", — возникла у Джек мысль.

— И вообще, такие методы борьбы только дискредитируют идеи, во имя которых выступают террористы. Вот ударить по кошельку врага — вот это другое дело. Так что у нас мощность взрыва будет не велика, зато — большой грохот и много дыма. Так, Павлик — за тобой к завтрашнему утру машина, а у вас, Джек, я конфискую маленькую комнату — придётся её превратить в химическую лабораторию.

XII.

...1024 год, Упсала, Швеция. Эрик в таверне дожидался своего родственника Торда. Вот и сбылась его детская мечта — он вырвался из Исландии, и собирается наняться в войско какого — небудь конунга. Богатые далёкие страны манили его, звали к себе, он жаждал подвигов, богатства и славы. Исландец медленно пил из чары пиво, и ему почему-то стало грустно.

У входа в таверну послышался шум, и в помещение ввалилась толпа наёмников. Среди них был и Торд, он увидел Эрика и пошёл к нему.

— Здоров, Эрик!

— Здравствуй брат! Присаживайся.

С Тордом был ещё один наёмник — невысокий, но очень плотный, белобрысый, видимо швед.

— А, знакомся, Эрик — это мой боевой товарищ Олаф, — новые знакомые обменялись рукопожатиями.

Та часть сознания Эрика, которая осознавала себя Джеком отметила очевидное сходство между Олафом и Павлом Мишко, а их нынешняя встреча напоминает "военный совет" в Москве, который произойдёт только тысячу лет спустя, и тысячи

миль отсюда.

Внезапно за соседним столиком раздались радостные крики, и Олаф вскочил:

— Пойду послушаю, что Торфинн рассказывает.

Когда швед ушёл, Торд тихо спросил:

— Ты знаешь кто это?

— Кто?

— Берсерк!

— Не может быть!? Их уже не осталось!

Ещё в детстве Эрик слышал из рассказов взрослых, что последнего берсеркера убил Таргбранд, креститель Исландии.

— Ладно, брат, как будет битва — увидишь, — Торд усмехнулся. — Как там у нас дома, и как отец?

— С отцом всё нормально. А Флоси невзлюбил нас, помнишь из-за кита, ведь то позор для него был великий — вшестером они не одолели нас троих, и пытался нас выжить, но сейчас сам продал свои владения и подался на север.

— Ублюдок! Из-за него меня отправили в изгнание. Ладно, рассказывай дальше, а то от купцов я что-то странное слышал. — Торд был встревожен.

— Сначала этот бонд хотел купить хутор, но твой отец отказался, и тогда он стал пакостить — то конюшня у нас загорелась, то лодке кто-то дно пробил. А потом на хутор напало девять изгнанных, я был один — твои все поехали на тинг, вижу — сам не отобьюсь, ну и прикинулся рабом. А когда они разбрелись — я их и перебил.

— Славный подвиг! — восхищённо воскликнул наёмник.

— Нет, — скромно продолжал Эрик. — Они успели добраться до пива, да переломали в доме много добра — ущерб был большой. После этого на тинге все были за твоего отца, и сказали Флоси: Убирайся, или мы все пойдём против тебя!

— Ну, а чего из дома потянуло? — Торд ехидно посмотрел на брата.

— Сватался я к Асню, дочери Оффейга, а она сказала чтобы я заработал серебра, тогда мы поженимся.

— Ха, будет она тебя ждать!

— Будет!

— Ну, сам потом увидишь.

Наёмник постучал кулаком по столу и помощник трактирщика принёс пива. Торд одним глотком осушил чашу.

— Хорошо, а как ты?

— Вначале служил у Канута, конунга данов. Платили нам мало, а воевать приходилось много. Канут тогда только стал конунгом, держава не большая — не то что у него сейчас. А тут пришла весть, что в Норвегии начались междоусобицы — конунг Олаф Святой, боясь соперников, начал гонения на знатных людей. Он ослепил ярла Рерика, а другой ярл — Эдмунд с многими войнами покинул страну и отправился в Гардарик к конунгу Ярославу. Говорили, что там страна богатая, и конунг за службу платит много. У нас служили норвежцы, и как кончился договор с Канутом, я с ними

отправился в Гардарик.

— И что?

— Страна действительно большая и богатая, городов много, и платили поначалу хорошо — каждому по пол марки серебра в месяц, а хёвдингам — двойную плату.

— Неплохо.

— Но конунг оказался жадным, стоило нам только выгнать его брата Святополка из страны, как он перестал нам платить. И тогда Святополк вернулся и привёл поляков и кочевников. Но Ярослав поскупился — нанял наших мало, думал, что ему новгородцев хватит, и Болесав, конунг ляхов его разбил. Тогда Ярослав вспомнил о нас, и Эдмунд заставил его платить нам по марке золота в месяц.

— Золота? — от удивления переспросил Эрик.

— Золота, — повторил брат, — но не многие из наших то золото получили. У речки Альта сошлись наши и кочевники, бились долго, хоть и много наших полегло, но мы победили. Святополк бежал, и тогда Эдмунд говорит Ярославу: Вот скрылся твой брат, и снова начнёт против тебя козни строить. А не разумнее убить Святополка, и тогда мир в твоём государстве наступит. А тот сквозь зубы отвечает: Никого не могу подговаривать на убийство брата! Думал наш Эдмунд, думал, да позвал Рагнара, меня, другого Торда, норвежца, Бьёрка и других. Всего нас было людей десять. Одели мы одежду купеческую, нацепили бороды из пакли, и отправились в степь Ярослава брата искать. Нашли мы его у кочевников, и отрубил Эдмунд ему голову. Как увидел Ярослав ту голову, так заплакал...

Тут вернулся Олаф.

— Что нового скажешь?

— Ярл Якун Слепой набирает войско. В Гардарик новые междоусобицы — против конунга Ярослава выступил его брат Мстислав. Платить обещают золотом, причём на два месяца вперёд.

— Что-то на того скупца не похоже. Видимо дело очень серьёзное.

— Ну что, наймёмся? — Эрик был нетерпелив.

— Посмотрим. — Торд извлёк небольшой мешочек, потряс его и высыпал его содержимое на стол. Это были небольшие деревянные дощечки, на них были вырезаны руны. Гаданию по рунам он выучился у своей бабки Турид. В её молодые годы, когда в Исландии ещё не было христианства, она была искусной колдуньей, и спустя много лет своё искусство, из-за отсутствия дочерей у своих детей, передала внуку. Торд посмотрел на магические знаки, и лицо его стало мрачным.

— Что такое? — забеспокоился Олаф.

Но Торд ничего не сказал, лишь стуком по столу позвал слугу трактирщика и тот принёс ему еще пива. Наёмник снова одним глотком осушил чашу, некоторое время молчал, а потом сказал:

— Кажется, это мой последний поход.

— Так не нанимайся, — предложил Эрик.

Торд обречено усмехнулся и сказал вису:

Смелому асу металла,
Спутницы Хель бояться не стоит.
На бурю копий,
Страж сражений должен отправиться.
Там великаншею сечи,
Дороги крови будет он делать.
И в Валльгаллу к Одину
Валькирии его отнесут.

XIII.

На следующий день трое мстителей отправились в банк Миргородского. Эрикссон вёл старенький Опель "Кадет" кофейного цвета, а сидящие на заднем сидении Аскольдов и Мишко, указывали американцу куда ехать.

— Так, Джек, теперь налево.

Машина въехала на Комсомольский проспект, где-то позади осталась станция "Парк культуры", Дом литераторов, православная церковь, и как только вдаль показалась серо-серебристая громадина "Роскредитэксимбанк" Артур сказал американцу:

— Тормози, остановимся здесь. Ближе нельзя — опасно. Мы вдвоём заходим в банк, а ты нас ждёшь. Мотор не глуши. Да, Павлик, вооружи бойца.

Мишко протянул Эрикссону пистолет Макарова:

— Возьмите.

Американец скептически покрутил пистолет в руках:

— А "Кольт" или "Магнум" вы не имеете?

— Что, не нравится?

— Он какой-то маленький, дамский.

— Ладно возьми и мой "стечкин" — он помощнее — стреляет очередями. Всё равно мы пойдём "чистыми". Так, Павлик, двинули.

Был полдень — пик банковской активности. Маскировка у Артура и Павла была самая простая — солнцезащитные очки, что в начале июня не вызывало никаких подозрений, зато хорошо скрывало лицо. Конечно, можно было воспользоваться фальшивыми усами или даже бородой, но друзья решили не рисковать.

Мишко налегке двинулся в банк первым, а следом за ним на некотором отдалении с "дипломатом с подарками" шагал Артур. Сегодня у входа в здание, словно швейцары в солидных гостиницах, стояли два охранника, которые пристально рассматривали посетителей. Во время прошлого посещения банка их не было, и Аскольдов понял, что враги уже что-то подозревают.

"Итак, моя гипотеза верна — это Сутужкин нам мешает, — подумал он. — Однако посмотрим, проглотят ли эти сторожевые псы приманку."

К его удивлению, Мишко, беспрепятственно зашел банк. Увидев, что его даже не остановили, Аскольдов также хотел пройти мимо охранников, но ему загородили дорогу:

— Покажите, что у вас в "дипломате".

— Это что, обязательно?

— С прошлой недели — да. В стране, знаете, большая преступность.

Артур театрально скорчил возмущенную физиономию и открыл "дипломат":

— Глядите!

Там лежали незаполненные бланки, газета, два толстых каталога торговых фирм, и пластиковая бутылка с "Кока-колой". Артур автоматически посмотрел на часы — 12 часов 6 минут. Итак, время пошло — теперь у него было не более семи минут.

Но охранники не ограничились осмотром — один из них достал металлоискатель и повел им вблизи Артура, однако красная лампочка не зажглась — клиент был "чист".

— Проходите!

Итак, пронесло — хорошо, что "пушку" не взял. Видимо проницательность нашего "друга" Сутужкина, тоже имеет границы. Теперь не в коем случае не стоит спешить. А где Павлик? Вижу, встал в очередь в пункт обмена валюты. Так, возьмём у этой куклы у окошечка бланков для денежного перевода в другой город, причём побольше. Спасибо, красавица! Идем к столику в центре зала. Осторожно открываем дипломат и смотрим на часы — прошло почти две минуты. Сперва завернём бутылку в газету, хорошо. Достаём бланки из дипломата — их мы оставим на столе. А в мусорную корзину каталоги — небрежно так, словно они уже не нужны, и туда — же бутылку. Сколько времени — ага, ещё минута прошла. Теперь сделаем вид, что заполняем бланк, что дала та мадам. Снова к окошечку — рассматриваем образец заполнения. Постоим. Сколько времени? Хорошо у нас ещё есть минуты три. Теперь медленно к выходу. А где Мишко? Увидел, молодец — всё внимание на себя отвлекал. Только не спеши, друг. А вот и выход — всё, фу, половина дела сделана.

Но их манёвры не остались незамеченными — Виктор из комнаты охраны наблюдал за ними. Глядя на мониторы, начальник службы безопасности мог обозревать и весь зал и отдельные его части.

В своей работе Иванов всегда больше полагался на свой опыт и профессиональное чутьё, чем на аналитические разработки яйцеголовых интеллектуалов, которых часто презирал.

Если в начале дня посетителей всегда было мало — это в основном старушки-пенсионерки, получающие свои жалкие пенсии, простые граждане, делающие коммунальные платежи или мелкие торговцы, с утра меняющие валюту, то сейчас, к полудню, основательно отоспавшись после похода по девочкам и ночных кутежей в казино, появляется состоятельная публика — главные клиенты банка, и для охраны начинается основная работа.

Поэтому на человека в чёрных очках, так похожего на мафиози из заграничного фильма, Иванов сразу обратил внимание, но тот лишь встал в очередь в пункт обмена валюты. Больше вроде бы ничего подозрительного не произошло.

Взгляд Виктора скользнул по мониторам — внешне всё нормально, однако предчувствие скрытой угрозы только нарастало. Внезапно, "мафиози" — так окрестил

его Иванов, — не спеша пошёл к выходу, так и не достояв в обменный пункт, хотя перед ним в очереди было всего два человека.

"Непонятно, почему не достоял? Пошёл в другое место менять? — подумал Виктор. — Стоп, а почему он делает вид, что не спешит? А ну быстро за ним!"

Иванов выскочил из комнаты, и тут раздался сильный хлопок. Он уже был в зале, когда прогремел новый взрыв и зал стал затягиваться густым дымом. В центре зала горел стол для посетителей.

— Пожар! — завопил кто-то, и началась паника.

Охранников, ранее стоявших у входа, нигде не было видно.

— Где эти кретины? — заорал Иванов.

— Они побежали за огнетушителями, — слышался в ответ женский голос.

— Идиоты! — и добавив бранное слово Иванов изо всех ног побежал к выходу, выхватывая на ходу пистолет. "Мафиози" вместе с другим посетителем, что был с "дипломатом", успели отойти от банка метров на пятьдесят, и уже почти затерялись среди прохожих. Они шли спокойно, словно происходящее в банке их абсолютно не касалось. Иванов догнал их, когда они почти дошли до стоявшего на обочине старого "Опеля".

Виктор вскинул пистолет, тщательно прицелился в мощный торс Мишка, но тут Эрикссон увидел преследователя.

— Вниз!!! — крикнул он по-английски, и начал открывать дверцу машины.

Артур, не оборачиваясь, мгновенно повалился на асфальт тротуара, его товарищ чуть замешкался и едва не получил пулю в спину.

Иванов мгновенно перенёс огонь по помешавшему ему американцу — в лобовом стекле "Кадета" появились два аккуратных отверстия — как раз напротив водительского места. Но уже Джек успел выскочить из машины и очередь его "стечкина" свалила Виктора.

Раздался истеричный женский крик, остальные прохожие стали разбегаться.

— Стой, ты куда! — закричал Мишко на Артура, когда тот закинув "дипломат" в салон "Кадета", бросился к распростёртому на тротуаре телу.

Считанные секунды потребовались Аскольдову, чтобы обыскать начальника службы безопасности Миргородского и вернуться в машину.

"Опель" сорвалась с места, и отъехав от банка, Павел стал выговаривать другу:

— Аскольд, ты с ума сошёл! Так всё дело "попалить" можно! Теперь у ментов теперь будут твои "пальчики".

— Не будут — я руку платком обмотал. Спасибо, Джек! Вы — отлично стреляете, особенно из незнакомого оружия. Сразу видно, что вас хорошо тренируют.

— Конечно, ваш "стечкин" — это не "смит-вессон", — крутя руль, проговорил американец, — но эта штука не плохо плюётся очередями.

— Тогда дарю, — сказал Аскольд. — Ты как — никак ты жизнь нам спас.

— Слышь, Аскольд, а как ты, там, у банка, выкрутился? Я как увидел, что тебя остановили, и думаю всё — погорели.

— Я предусмотрел обыск. Поэтому у меня в чемодане были лишь бланки, пара каталогов, и бутылка "Кока-колы".

— А что взорвалось? — удивился американец, — Я явно слышал взрыв.

— Бланки и каталоги — я их кое-чем пропитал, стоило лишь продержат на дневном свете — и через семь минут — ба-бах! Кстати, сейчас у них там всё в дыму — это уже "Кока-кола" — простейшая реакция с воздухом.

— Артур у нас голова, — уважительно произнёс Мишко.

— Ну я же по образованию химик, ладно, посмотрим, окупят ли трофеи мой риск. Так, удостоверение на имя Виктора Иванова, кредитные карточки, наличности на две сотни "баксов", "ствол" и ключики. Ты гляди, много у него ключей.

— Дайте посмотреть удостоверение, — попросил американец.

— А — мне ключи. Да и как этот гад нас "вычислил"? Вроде всё гладко получилось.

— Я же говорил: им колдун помогает — не даром дядя Миша охрану у входа в банк поставил.

Джек на мгновение перевёл взгляд с дороги на фотографию, и этого было достаточно, чтобы узнать Иванова.

— Этот тип приезжал в Нью-Йорк в прошлом месяце, когда убили мою Джину.

— Вот, как!? — заинтересовался Артур. — Может он её и убил?

— Может быть. Но тогда его фамилия была Смирнов.

— Слышь, Аскольд, а это ключи от сейфа.

— Вот и займись ими, может этот след куда-то и приведёт. Так, Джек вытри свои отпечатки — мы сейчас бросим машину. Пора переходить к следующему этапу нашей акции.

XIV.

Тем же вечером, Джек в который раз смотрел по телевизору новости — ах, как иногда приятно созерцать результаты собственного труда! Рядом за столом сидел Артур и рассматривал каталог фирмы, изготавливающей радиоуправляемые игрушки и модели; Павел отсутствовал — не откладывая дело на потом, сразу пошёл узнавать о погибшем Викторе.

На экране возникла знакомая физиономия.

— Да, да, я утверждаю, что российская демократия в данный момент в большой опасности! — с металлом в голосе произнёс Миргородский. — Сейчас, когда страну захлёстывает криминальный террор, когда не только мелкий и средний, но крупный бизнес беззащитен перед бандитами, когда мафия рвётся во власть, чем занимается наш Президент, наши "силовые" министры и правоохранительные органы? Они заняты перераспределением властных полномочий и денежных потоков в свою пользу, расшатыванием основ федерального устройства нашего государства, зажимом прав и свобод простых граждан.

— Очень интересно, — прокомментировал Эрикссон. — Как я понял, он хочет поссориться с Кремлём.

— Вы не знаете здешних реалий. Все эти обличительные речи — дешовый

предвыборный трюк. Просто товарищ олигарх, пользуясь моментом, решил поиграть в оппозицию — сейчас это снова становится модно.

Тут раздался условленный знак — с начало дважды сильно стукнули в дверь, а затем пронзительной трелью зазвенел дверной звонок.

— Пойду открою Паше, — Артур отложил каталог в сторону и пошёл в прихожую.

— Ну, что узнал? — спросил Аскольдов, когда Мишко вошёл в гостиную.

— Этот Иванов имел квартиру в доме на Кутузовском проспекте. Доме элитный, для богатых; внизу охрана, видеонаблюдение. Я сунуться не рискнул — всякие трутся поблизости, явно "пасут".

— Правильно, что не полез — там всё уже сто раз обыскали.

— И ещё у покойника есть дача в Малаховке, я узнал адрес — можно съездить, пошарить.

— Хорошо, — машинально ответил Артур; было заметно, что в мысли умчали его куда-то далеко-далеко.

— И что мы будем делать с завтрашним автосалоном, Аскольд?

— Что? — вопрос друга вернул Артур на грешную землю. — А, Паша, ты сможешь сегодня достать малогабаритный радиовзрыватель, и пару дымовых шашек — на сей раз у меня нет никакого желания химичить?

— Могу. Радиовзрыватель — если кустарщина, то долларов сто — сто пятьдесят, если же "фирма", то на много дороже. А шашки без проблем, хоть сейчас.

— Нужна "фирма". Джек мне понадобится ваша помощь. Я слышал, что ваше ФБР может установить микрофон куда угодно.

— Это есть не большое преувеличение.

— Я в электронике не специалист, а приглашать кого-то со стороны уже поздно. Вы должны в этом разбираться лучше меня.

— Да, я попытаюсь помочь вам.

— Но как ты это всё пронесёшь? — встрял в разговор Павел. — Фокус со взрывающимися урнами там не пройдёт.

— Я долго об этом думал, и вот решение, — он положил перед друзьями каталог.

Мишко разочарованно посмотрел на друга:

— Аскольд, ты что в детстве так и не наигрался?

— В моём детстве было немало драматических моментов, не скрою, однако это, обязательно работает, лишь бы аппаратура не подвела....

... В день открытия автосалона, перед зданием фирмы "Лого— авто" собралась большая толпа. Меры безопасности были приняты беспрецедентные — возле здания дежурили сотрудники милиции, на крышах ближайших домов были расставлены снайперы, в толпе шныряли сотрудники ФСБ и службы безопасности олигарха в штатском. Внезапно в небе появился маленький вертолёт. Охрана открыла по нему ураганный огонь с большим опозданием, когда он уже завис над толпой. И тут он взорвался — от пули ли, или сработал радиодетонатор, но мгновение спустя всё было в дыму. Раздались крики, началась паника, люди стали разбегаться.

Тем же вечером три мстителя прибыли в Малаховку. Дачу Виктора — роскошную трёхэтажную виллу, огороженную высоким кирпичным забором нашли быстро, однако у красных металлических ворот, словно застывший часовой, стояла чёрная "Волга".

— Чёрт! — выругался сидевший за рулём девятой модели "Лады" Мишко. — Они уже здесь.

— Кто? — поинтересовался Джек.

— Явно ФСБ — ищейки Миргородского разъезжали бы на иномарках, только эти ещё со времён КГБ обожают чёрные "Волги". Ничего не бояться, сволочи, даже номер своей "тачки" не поменяли. Именно эти гады следили за Сильвером. Вот бы сейчас их рвануть.

— И не думай, — сказал Артур, — нам сейчас новые проблемы не к чему. Лучше переждать, может они скоро уйдут.

— Ага, всё обещут и уйдут. А что нам останется?

— Хватит болтать, попытайся заехать с другой стороны.

"Лада" не спеша проехала вдоль ряда ощетинившихся "тарелками" спутниковых антенн респектабельных дачных построек, свернула в ближайший переулок и внезапно очутилась в другой стране — без предупреждения кончился асфальт, и к даче Виктора пришлось ехать по грунтовой дороге. Машину нещадно трясло на ухабах, и казалось, что подвеска вот-вот развалиться, сзади подымалось облако пыли.

"Вот тебе настоящие русские дороги, о которых я столько слышал," — подумал Джек.

Наконец их мучения кончились — показался выложенный красным кирпичом высокий забор; вдаль виднелось знакомое трёхэтажное строение.

— Медведь, глянь что у эти службисты там делают.

— Слушаюсь, командир, — шутливым тоном ответил Мишко. Он вылез из машины, сунул за пазуху пистолет и полез через забор.

Отсутствовал он недолго:

— Артур, эти уроды только что ушли, так что перелазьте. Нам кажется повезло.

— Посмотрим.

На первом этаже дома Виктора царил полный разгром — вещи были разбросаны на полу, мягкая мебель со вскрытой обивкой была частью перевёрнута, частью переломана, возле опустошённого книжного шкафа громоздилась гора книг, местами со стен свисали лохмотья сорванных обоев.

От этого зрелища, всем троим как-то стало не по себе.

— Н..да, — озабочено произнёс Артур. — ФСБ время зря не теряет.

— Пойдём отсюда? — предложил Мишко, — Что мы здесь можем найти?

Аскольдов с этим не был согласен:

— Пойдём — но только наверх. Надеюсь эти вандалы хоть что-то упустили.

На втором этаже разрушений наблюдалось куда меньше, а на третьем — был относительный порядок. В небольшой комнате, служившей, судя по всему, рабочим кабинетом, на столе у окна уцелел даже компьютер, и только у стоящего в углу сейфа,

дверца была распахнута настежь. Внутри, естественно, сейф был пуст.

— Весьма древняя и весьма ненадёжная модель, — сказал Артур. — Профессиональный взломщик откроет его булавкой.

— Уж точно, — поддакнул Мишко. — Посмотрим не от него ли те ключи.

Он полез в карман, вынул связку ключей Иванова, нашел нужный ключ и вставил его в замочную скважину сейфа. Ключ провернулся с характерным щелчком.

— Ну что, загадка разгадана?

— Пожалуй, — недовольно согласился Аскольдов. — Ты следи за дверью, я займусь компьютером, а вы, Джек осмотрите всё — может что-то и найдёте.

Эрикссон уставился на железный ящик. Весьма странно, что человек, имеющий трёхэтажную дачу с фонтаном, бассейном, системой спутникового телевидения и хорошим компьютером, держит такой ненадёжный сейф. И что он в нём мог хранить? Только то, что не представляло особой ценности. Так зачем тогда он вообще нужен? Внезапно у Джека в голове возникла догадка: возможно этот ящик служит для отвода глаз, ведь не даром ФСБ перерыло всё в доме, ища тайник.

Он подошёл в угол, и попытался сдвинуть сейф, но тот даже не шевельнулся.

— Давайте я помогу, — предложил Мишко. Обливаясь потом, они с трудом отодвинули сейф, но никакого тайника там не было.

— Ну, что ваша гипотеза не подтвердилась, мистер Эрикссон?

— Нет! — Джек был также сильно разочарован, но так быстро отступить не собирался.

Итак, тайника нет, тогда остаётся сам сейф. Может двойные стенки, или какие-то ещё какие-то фокусы.

Он обошёл вокруг ящика — ничего, постучал — звук нормальный, тоже ничего подозрительного. Заглянул внутрь — вверху маленький сейф, сейчас, разумеется, открытый, внизу пять железных полок. Если есть двойная стенка, то одна из полок будет короче остальных. Джек извлёк из кармана дешёвую китайскую рулетку и занялся измерениями. Верхнее отделение и три полки имели одинаковую глубину, и когда он присел чтобы измерить нижние полки, то увидел, что снизу к четвёртой полке была прикреплена какая-то коробка. Американец порвал липкую ленту и достал компакт-диск в футляре.

— Знаете, Джек, теперь я верю, что вы действительно из ФБР. Давайте посмотрим, что на нём записано, — и Артур всунул диск в дисковод.

Диск оказался с компроматом на Миргородского.

— Какая удача! — громко воскликнул Аскольдов. — Кажется наше дело идёт к завершению.

Но американец не разделял его энтузиазма.

— Из-за него погибла моя Джина, — печальным голосом произнёс Эрикссон. — И не только она.

— Прости.

— Всё хорошо.

— Может стоит отдать этот диск в ваше посольство?

Джек отрицательно покачал головой:

— В России я действовал по личной инициативе, поэтому рас— читывать на помощь наших бюрократов не следует, особенно сейчас, когда у нас с вами дружба.

— Понятно — виновата политика.

— Конечно. Найденный нами компромат могут просто засекретить на неопределённый срок, который неизвестно когда окончится, а вот если бы отнести этот диск в газету, или в сенатскую комиссию, то это будет другое дело.

А Мишко уже к чему-то прислушивался, вглядываясь в полуоткрытую дверь.

— У нас гости, — тихо сказал он.

Джек быстро извлёк диск из дисковода, и выключил компьютер. Все трое бросились к выходу, на ходу выхватывая пистолеты. И действительно, в глубине дома слышались шаги, которые становились всё громче.

— Обыск нужно закончить сегодня, — произнёс кто-то совсем рядом. — А вы, Андрей Григорьевич, займитесь кабинетом.

На пороге комнаты появился полноватый седой невысокий мужчина лет пятидесяти, в правой руке он нёс "дипломат". Увидев незнакомцев с пистолетами он выпучил глаза:

— А вы что тут дела..., — но въехавший ему в висок "Вальтер" Аскольдова не дал закончить фразу, а подскочивший американец, бережно опустил обмякшее тело на пол.

Артур вынул из кармана небольшое зеркальце и осторожно высунул его в коридор. Судя по отражению, там никого не было.

— Уходим по одному, — одними губами произнёс Артур.

Но удача в этот день их больше не покидала — мстителям удалось покинуть незамеченными и виллу Иванова, и дачный посёлок.

XV.

Джека разбудил ударивший в нос крепкий запах дешёвого табака. Он открыл глаза и увидел Аскольдова, курящего "Беломор". Тот сидел за столом и читал какую-то книгу. Почувствовав взгляд, Артур оторвался от чтения:

— Доброе утро мистер Джек!

— Привет. Вы, я вижу, закурили?

— Эта отравка позволяет лучше соображать. Да, я уже успел побывать в интернет-клубе, и как вы просили, переписал диск на ваш сервер. Диск больше вам не нужен?

— Нет, он ещё пригодится, — потянувшись, Эрикссон поднялся с постели и подсел к Аскольдову. — Он важен как улика — на нём должны быть отпечатки пальцев Джины и супругов Беккеров, убитых наёмниками Миргородского. А где ваш друг Павел?

— Придёт вечером, а сейчас он готовится к эвакуации.

Джек удивился:

— Я не понимаю вас.

— Нас наконец-то объявили в розыск, поэтому оставаться в Москве опасно. Павел

поедет на Украину, пересидит там некоторое время, а затем переберётся в Канаду — он давно об этом мечтал.

— А как вы?

— Я тоже не откажусь пожить в цивилизованной стране, но с начала следует закончить наше дело. Я выведу вас в Прибалтику — нужно, чтобы вы добрались до США, и показали компромат вашим газетчикам и телевизионщикам.

А в кабинете олигарха Миргородского шли совсем другие разговоры.

— Разгильдяйство, Михаил Моисеевич, и ещё раз разгильдяйство — других слов нет! — Дмитрий Рябых с трудом сдерживал эмоции. — Куда катиться наша служба я не знаю.

Миргородский молча курил сигару, пытаясь понять — искренне раздосадован ли сотрудник ФСБ, или ломает комедию.

— После смерти Сильвера его шофёр и охранник куда-то исчезли, так их даже не объявили в розыск. Потом на установление личности этих ваших банковских пиротехников ушло несколько часов (хотя была видеозапись!), и они вам успели подготовить новую пакость. И под конец — промах на даче Виктора. Конечно людей у нас не хватает, но всему должен быть предел. Ей богу у меня скоро лопнет терпение, и я куда-нибудь переберусь.

"Итак, ты хочешь занять место Виктора, — олигарх сразу понял намёк. — Извини дружок, но это тёпленькое местечко ещё заслужить нужно."

— А что они нашли у Иванова?

— Судя по всему — компьютерный компакт-диск. Похоже Виктор что-то от вас скрывал.

Как всегда без предупреждения в комнате появился Сутужкин. Вид у экстрасенса был неважный — синяя, как у утопленника кожа, мешки под глазами, к тому же колдуна сильно, как после хорошей пьянки, шатало.

"Этот Сутужкин когда-нибудь точно доколдуется," — зло подумал Рябых.

— Дядя Миша, я знаю, где ваши враги, вплоть до номера дома и квартиры, — заплетающимся языком протарахтел тот. — Они сейчас в Чертаново, улица, — и тут колдун пошатнувшись, растянулся на дорогом персидском ковре.

Миргородский, мгновенно швырнув недокуренную сигару в пепельницу, вскочил из-за стола. Его глаза возбуждённо блестели.

— Быстро Дмитрий, откачайте его — и за этими уродами. Возьмёшь их живьём — считай место Виктора у тебя в кармане!

Навьюченный двумя небольшими сумками, Павел явился лишь поздно вечером.

— А чего так поздно? — спросил Артур.

— Моя хата "сгорела" — теперь не продашь, — озлобленно проговорил Мишко. — Был у знакомой "тёлки", возвращаюсь — а там меня дожидаются. Едва не попался — спасибо соседу-алкоголику, что сына послал предупредить.

— Так переночуй здесь, а завтра мы все — в путь.

— А может двинем сейчас?

— Опасно — не дай бог нарвёмся на милицейский патруль, тогда всё пропало. А днём легче затеряться в толпе.

— Ладно, твоя правда. Вот ваши паспорта господа туристы, Максимыч под Псковом вас уже жаждался. Ты, — он передал документы Аскольдову, — Александр Симонов, а теперь ты, Джек, поскольку на нашего не слишком похож, и к тому же тебя всё равно выдаст акцент — эстонец Валдис Пярнуу, гражданин России.

Да, вы не возражаете, а то я дверь заминирую, так, на всякий случай. Так что осторожно, не забывайте, а то чтобы самим не подорваться.

...1024 год, Новгород. Варяжское войско походной колонной выступило из города. Впереди на белом коне ехал ярл Якун — высокий белоусый воин с чёрной повязкой на лице — из-за чего его прозвали Слепым. Он был в золототканом византийском плаще, и этот плащ производил неизгладимое впечатление на молодых воинов.

Эрик, Торд и Олаф шли рядом.

— А откуда у нашего ярла такой плащ? — спросил Эрик брата.

— Это подарок конунга Миклгарда за службу. Наш Якун — великий воин, а чёрную повязку он носит с тех пор, как в одной из битв стрела пронзила его глаз.

— Что ты узнал от своего новгородца? — вмешался в разговор швед.

— Добросвет сказал, что нас побьют — поэтому новгородцы не пошли воевать, а только собрали деньги, чтобы нас нанять.

— Ну мы это ещё посмотрим кто победит! — возразил из задних рядов кто-то.

— Войско у Мстислава сейчас очень сильное — в нём и тьмутараканская княжеская дружина, и конница ясов и кософов, и черниговское ополчение, — продолжал Торд. — Их может быть вдвое, или даже втрое больше чем нас. Так что битва предстоит жаркая, и думаю, что не многие из нас её переживут.

Над войском закружили вороны. Это вконец разозлило Олафа.

— А эти уже летают, словно мы уже трупы!

— Ничего, вороны — птицы полезные, они — вестники Одина! — поучительно напомнил Торд.

XVI.

Ранним утром, в московском районе Чертаново спецназ готовился к штурму неприметной квартирки в стандартном панельном девятиэтажном доме: вход в подъезд и чердак уже были заблокированы работниками милиции, в нервном ожидании приказа, группа захвата замерла на седьмом этаже у дверей квартиры. Наконец снайперы заняли позиции на крышах соседних домов, и ровно в половине пятого по рации было произнесено только одно слово: "Пора", что и привело в действие правоохранительную машину.

Но когда пять человек из группы захвата одним ударом выломали хлипкую дверь и с автоматами наперерез хотели было ворваться в квартиру, прогремел мощный взрыв — это сработала мина-растяжка, установленная Мишкой. Взрывной волной все пятеро были выброшены на лестничную площадку; бронежилеты, увы, могли только спасти им жизнь, но не защитить от контузий и ранений.

Взрыв мигом поднял мстителей с постелей.

— А, что это? — заорал полусонный Павел.

Джек оказался более проворным — выхватив из-под подушки "стечкин", он в одних трусах выскочил из квартиры. Возле лифта лежали четверо в чёрных масках и защитной униформе, ещё один из них сидел, прислонившись к стене, и ладонями закрывал уши. Вверху на лестнице показался человек в синей милицейской форме, Джек, не раздумывая, всадил в него очередь, и он, покотившись вниз, увеличил кучу лежащих у лифта тел. А из квартиры слышался какой-то шум, щёлканье, и оттуда с безумными глазами выскочил нагруженный сумками Мишко:

— Снайперы палят, гады! Подожди, сейчас Аскольд принесёт твоё барахло.

Следом показался Артур, он бросил Джеку футболку, джинсы и кроссовки:

— Быстро одевайся! Прикроешь нас — мы пойдём через чердак. А тебе, дружок, эта игрушка больше не понадобится, — Артур обратился к сидящему спецназовцу, забрав у него автомат, после чего быстро побежал вверх по лестнице. Джек и Павел разоружив остальных спецназовцев, бросились за ним. Правда, два "калаша" пришлось выбросить — от взрыва заело затвор.

Грязно-зелёная крышка чердачного люка была гостеприимно распахнута, Мишко хотел было взяться за прогнутые поручни, искривлённой временем и местными вандалами, лестницы, ведущей на чердак, но Артур его остановил:

— Стой, Медведь, дай мне пару гранат.

— Скорее! Нас догоняют, — Джек перегнувшись через перила смотрел вниз.

— А — ну, назад! — крикнул Аскольдов.

Две гранаты, полетев в люк, дважды содрогнули дом. Несколько минут спустя, все трое уже находились в другом, самом крайнем подъезде дома, вызванный лифт быстро доставил их на первый, нежилой этаж — там со стороны улицы находился продуктовый магазин. Дверь лифта распахнулась, и Джеку показалось, что они попали в склеп — пахло сыростью, под потоком одинокая, тускло светящаяся лампочка едва разгоняла полумрак, серые, местами ободранные стены были испещрены легкомысленными надписями.

Артур слегка приоткрыл входную дверь и тут же её прикрыл — выход из подъезда был заблокирован тремя милицейскими машинами, за которыми прятались вооружённые автоматами омоновцы.

— Чёрт, там засада — не прорваться!

— А ну дай мне глянуть, — Мишко стал было открывать дверь, но его движение не осталось незамеченным, и начался обстрел.

Все трое разом упали на серую плитку грязного пола. Пули роем влетали в дверь, выдирая из неё куски прессованных опилок, и разгоняя полумрак в образовавшиеся отверстия стали проникать лучи, недавно взошедшего Солнца. Обстрел внезапно закончился, и стороны осаждающих слышалось:

— Говорит полковник Рябых, — в усиленном мегфоном голосе явно улавливались ликующие нотки. Ещё бы, сейчас наступил его триумф. И это несмотря на то, что

группа захвата была уничтожена, а заслон на чердаке — прорван, враги угодили в расставленную ловушку из которой не выбраться — это он, Дмитрий, вовремя сообразил где они будут прорываться. Всё, теперь конец опостылевшей службе с невысоким довольствием и неясными перспективами на будущее — ведь дядя Миша свои обещания всегда выполняет. Поняв, что пауза несколько затянулась Рябых продолжил:

— Сдавайтесь, вы окружены! Сопротивление бесполезно!

— Павло, гранаты есть?

— Уже нету, — виновато проговорил Мишко, — осталась только одна мина-растяжка, три дымовые и штук десять динамитных шашок.

— Ну и что делать будем? — дрогнувшим голосом спросил Артур.

Эрикссон молчал стоял, а Мишко, что-то обдумывая, кусал губы. Наконец он пришёл к выводу:

— Вообще-то выход есть, и он только один. Джек прикрой нас сзади не напали, а ты, Аскольд, постреляй в них.

— Как? — Артур удивился. — К двери не подойдёшь!

— Как и они — пали через закрытую дверь, ты же видел где их машины стоят. Этой публике только дай пострелять, — мрачно усмехнулся он, и спрятавшись за угол, полез в сумку.

Джек бросился к лифту, и вовремя — сверху слышались шаги. В проёме второго этажа показался чёрный ботинок, и Эрикссон сразу пальнул по нему. Там кто-то вскрикнул, раздалась ругань, потом всё затихло — враги притаились. И тут открыл огонь Артур — улица ответила ему столь дружными залпами, что дверь вскоре не выдержала и рухнула. Аскольдов отступил к лифту.

— Готово, — запихивая последнюю шашку в карман, сказал Мишко. — Теперь можно не стрелять.

— Что вы будете делать? — спросил Эрикссон.

— С ними говорить.

— Медведь, ты что, спятил?! — в ужасе воскликнул Артур.

На лице Павла застыло выражение дикой отваги.

— Нет! Мистер Сильвер, чтобы нас не выдать, отдал свою жизнь, и мы просто обязаны сейчас прорваться, любой ценой. Мне не мешать! — с мрачной решительностью закончил он, и подхватив автомат с пустым магазином, направился к выходу.

— Эй, мы сдаёмся, сдаёмся! — заорал он.

Его услышали — стрельба стихла.

— Выходите по одному! — приказал Рябых. — Бросайте оружие!

Мишко перешагнул через поваленную дверь, подальше отшвырнул "калашников", и с поднятыми руками направился к баррикаде. Он уже подошёл к милицейским машинам, когда к нему подбежали два здоровенных спецназовца.

— Стоять! На землю, сука!

— А вы купили себе гробы, ребята? — и Мишко дёрнул за спрятанную в рукаве растяжку.

Они правильно поняли его жест — с каким-то злорадным торжеством Павел смотрел, как агрессивно-угрюмые гримасы были мгновенно смыты с их физиономий, и теперь на этих более человеческих лицах, застыло вполне естественное, растеряннобречённое выражение. Щелчка и последовавшего за этим взрыва он уже не слышал.

Джек и Артур мигом выскочили из подъезда, — всё там было в дыму, сквозь который пробивались отблески горящих машин, — и заскочили за угол здания. Там четыре оглушённых омоновца катались по земле, дальше стояла милицейская машина, внутри сидел водитель.

— Жить хочешь? — крикнул ему Артур, наведя автомат.

— Да, да, да!!! — полноватый седоволосый мужчина был смертельно напуган.

— Тогда поехали, и скорее!

XVII.

А две недели спустя Артур и Джек уже были под Псковом, и под видом туристов пробирались в Прибалтику. За этим городом на десятки километров раскинулись леса, частью лиственные, частью хвойные.

В тот день погода была прекрасная, по небу не спеша, плыли облака, пахло цветами и травами. Несмотря на июльскую жару, на широких, залитых солнцем полянах кипела жизнь — в погоне за насекомыми в воздухе носились птицы, а в высокой, тянущейся вверх траве, жужжали пчёлы, и не смолкал дружный треск кузнечиков. Зато в густых ельниках было прохладно — с верхушек деревьев солнечные лучи падали на землю небольшими пятнами и только редкий стук дятла и несмолкаемое гудение комаров нарушали лесную тишину.

— Мне эти места хорошо знакомы, — сказал Артур своему спутнику, — Мы с Павликом, царство ему небесное, в прежние времена здесь часто охотились. Знаешь, когда после города попадаешь на природу, то это отлично расслабляет нервы, особенно если подкрепляется хорошей выпивкой.

— Угу, — промычал Джек. Он из консервной банки ел на ходу землянику, которая в этом году хорошо уродила.

Наконец вся ягода была съедена, и Эрикссон включился в разговор.

— Если мы сейчас на охоте, то почему без ружей?

— Сразу видно городского жителя. Сейчас охотиться нельзя: весной и летом всё живое плодиться и размножается, поэтому охотятся осенью и зимой. А будешь с ружьём по лесу ходить, так егеря и лесники могут и за браконьеров принять. Нам для самообороны и твоего "стечкина" хватит.

— А обороняться от кого?

— Сейчас в лесу разный народ шатается. Иногда попадают и беглые преступники.

Вдали показался покрытый кустарником высокий холм, тропинка повернула к нему, и начался крутой подъём.

— Скоро конец нашему путешествию, эх, жалко Павла, — занялся самобичеванием Аскольдов, — это я во всём виноват — недооценил Сутужкина. "Вычислил" нас этот чёртов колдун.

— Всё предусмотреть нельзя. А вот то, что я сунулся в эту страну без должной подготовки — это моя ошибка, особенно, что втянул Криса в это дело. Одного знания русского языка, оказалось мало. После смерти Джинны на меня нашло такое наваждение, и мне до сих пор кажется, что я вижу дурной сон и никак не могу проснуться.

— Ты думаешь, что твоя подготовка хоть что-то дала? — возразил Артур.

— Конечно, всё было бы иначе.

— Ты так ничего и не понял. Нельзя победить систему, представителем которой является Миргородский одной акцией — раз пострелял и уехал в Америку. Это — война, а на войне всякое бывает.

Эрикссон с этим не был согласен.

— А ты воевал?

— Нет. В армии служил, но воевать не приходилось.

— А я воевал в Заливе в вертолётном полку. Тогда мы хорошо надавали Саддаму по заднице, и всё благодаря нашей хорошей технике и отличной подготовке.

— И что у вас потерь не было?

— Были. Но у иракцев во много раз больше.

— Вот видишь, хорошая подготовка гарантирует меньшие потери, но победу — вовсе не обязательно.

"Этого Артура не переспоришь, — подумал Джек. — В этой стране все заядлые спорщики."

Путники поднялись на холм, и тут тропинка раздвоилась.

— Куда идём? — спросил Аскольдов, и как в русской народной сказке добавил: — Направо пойдёшь — в Эстонии очутишься, налево пойдёшь — в Латвию попадёшь.

— А где безопаснее?

— Одинаково. Это при СССР граница была "на замке" — сторожевые вышки, собаки, многокилометровые ряды колючей проволока, сигнализация, наряды неподкупных пограничников вышагивающие вдоль контрольных полос. А сейчас нелегальные эмигранты через русскую границу толпами перебираются в Западную Европу, если же напоремся на пограничников, то думаю пачка долларов решит все проблемы. Здесь всё продается.

Джек уже убедился, что это правда. Во время поездки в Псков их несколько раз останавливала местная милиция, и каждый раз несколько зеленоватых купюр с изображением американских президентов вложенные в паспорта, переводили проверку документов в формальное русло.

— Тогда всё равно, хотя стой, — Эрикссон на мгновение задумался. — Раз я по паспорту эстонец, то лучше в Эстонию.

— Твоя правда, тем более, раз наше дело правое, то значит пойдём направо, к этим

чухонцам.

И странники начали спуск вниз. Они спустились в низину, слева от тропинки было "благоухающее" гниющими травами болото, а справа — густой кустарник из которого торчали редкие деревья.

— А я читал, что в древности тут правил викинг Рюрик, который основал российское государство.

— Да, — подтвердил Артур, — Псков вначале был форпостом Новгорода, в котором и княжил тот легендарный норвежский конунг.

Однако дальнейшего продолжения беседа на историческую тему не получила — внезапно ближайшие кусты зашевелились, и оттуда вынырнули три плечистые фигуры в зелёной камуфляжной форме и с автоматами в руках.

— Ты молчи, — прошипел Аскольдов своему товарищу, — говорить с пограничниками буду я.

— Стоять! — приказал туристам мрачноватого вида высокий, мускулистый тип с квадратной челюстью и многократно перебитым носом. — Ваши документы.

— Возьми, командир, — и Артур протянул командиру пограничного наряда паспорта.

— Так, и что у нас здесь, — покуда офицер быстро пролистывал тонкие книжечки, его два подчиненных навели на путников свои автоматы.

— И что мы делаем в непосредственной близости от государственной границы, господин Симонов и господин Пярнуу? — пограничник закончил изучение документов и сверля глазами задержанных, приступил к допросу.

— Мы — туристы, — начал было Аскольдов. — Кажется, заблудились.

— Ага, собираете грибы и ягоды, — закончил за него офицер. Его физиономия стала ещё более мрачной. — Слышь, кончай дурочку валять, нелегал, — и пограничник добавил непечатное ругательство. — Или вы шпионы?

— Не горячись, командир, вот тебе документ, который снимет все вопросы, — Артур полез в карман охотничьей куртки, извлёк пачку долларов, и бросил её мрачном типу.

Тот ловко поймал её на лету одной рукой, и стал считать. В пачке было две тысячи долларов — два младших пограничника буквально ели её глазами.

— Думаю, этого хватит.

— Нет, — угрюмость на лице офицера исчезла, и его губы растянулись в садисткой улыбке. — Вы отдадите всё, а затем выроете себе могилы.

— Зачем так, босс, — встрял в разговор низенький, похожий на подростка, худощавый солдат-первогодок. — Вон напротив болото — бултых этих гавриков вниз головой и всё! И через сто лет никто не найдёт!

— Соображаешь, салага! — похвалил его начальник наряда.

И чем более растерянным становилось выражение лица Артура, тем более нагло ухмылялись три негодяя, но они и не подозревали, что это была лишь его искусная актёрская игра, а сам он в это время напряжённо искал выход. Наконец он решился.

— У..у меня больше ничего нет, — дрогнувшим голосом проговорил Аскольдов, он нерешительно сделал шаг назад и ещё более испуганно продолжил. — Это всё он, — и указал на своего товарища, — он, он — все остальные деньги у него.

— Н..да? Сейчас проверим, — и офицер навёл автомат на американца.

В следующее мгновение он пошатнулся и захрипел — охотничий нож Аскольдова торчал в его шее, сам же Артур, в два прыжка заскочил в кусты, и сразу бросился на землю. Следом загрели выстрелы, и на него посыпались срубленные пулями ветки.

Лишившись командира, два пограничника допустили грубую ошибку, стоившую им жизни: вместо того, чтобы уничтожить стоящего перед ними американца, а затем начать охоту на Артура, они стали поливать свинцом кусты. Джек сунул руку в карман охотничьей куртки, и не вынимая пистолета пристрелил их обоих. Теперь на тропинке лежали три тела.

— Ты живой? — американец крикнул Артуру.

— Кажется, цел, — донеслось из кустов.

— Ты, я вижу хорошо метает ножи.

— Несколько лет тренировался.

Аскольдов вернулся на тропинку.

— Всё, теперь тебе нужно торопиться — этих "друзей" скоро начнут разыскивать, да и выстрелы кто-то мог услышать. Быстро беги по тропинке и никуда не сворачивай — через пять километров будет Эстония.

— А ты, как, Артур?

— Здесь надо прибраться, а затем назад, в Москву. Мне за земляка отомстить надо.

И он пожал руку американцу.

— Мы ещё увидимся.

— Надеюсь, — Джек почему-то также был в этом уверен.

XVIII.

...1024 год, Черниговское княжество. Вступив на земли се— верян, варяжское войско Ярослава Хромого направлялось к Чернигову.

Осенний день шёл к концу, когда варяги подошли к городу Листвену. Ярл Якун уже подумывал, чтобы объявить привал, но тут прискакавшие дозорные с далека заорали:

— Мстислав близко! Много конницы и пехоты!

— Перестроиться! — и заиграла серебряная труба — предводитель скандинавов долго не раздумывал.

Его войско, смыкая ряды, сразу стало перестраиваться из походного порядка в боевой. Вскоре на горизонте показалась черная полоса — дружина Мстислава Храброго приближалась.

Небо затянуло чёрными тучами, вот-вот должен был пойти дождь, но гроза внизу должна была разразиться раньше, чем наверху — сближающихся противников разделяло уже несколько сот шагов. Внезапно обе дружины остановились, и хотя войны Ярослава развернули голубое княжеское знамя с изображением архангела, предводителя небесных сил, с их стороны раздался всеобщий рёв:

— Один! Один! Один! — и скандинавы стали потрясать оружием.

Им в ответ раздалось:

— Перун! Перун! Перун! — в передней линии у Мстислава были северяне-черниговцы, которые также не забыли своих старых богов.

— Свят, свят, свят — язычники поганые и окаянные! — православный поп, стоявший возле Мстислава не выдержал такого святотатства, и стал делать Крестные Знамена.

— Молчи, батюшка, — слышался голос князя. — Вы занимайтесь своими делами небесными, а в наши дела земные не лезте!

Со стороны варягов снова раздался звук серебряной трубы. Ярл Якун махнул рукой в железной рукавице и битва началась. Лучники, стоявшие у северян впереди, стали засыпать варягов стрелами, но те не отвечали, а прикрываясь своими огромными, круглыми щитами, быстрым шагом двигались на врага. То там, то здесь из первого ряда Ярославового войска выпадали, пронзённые стрелами, отдельные воины, но на их место сразу становились их товарищи из второго, а иногда и третьего ряда, и поэтому брешей в боевом порядке варягов не было.

Внезапно, когда до черниговцев осталось шагов сто, снова слышался звук серебряной трубы. Варяги остановились, первые ряды присели, а последующие — выпустили тучи стрел. Почти все лучники северян были уничтожены, основательно досталось и стоящему за ним передовому полку черниговцев. Воспользовавшись этим, варяги ворвались в расстроенные ряды врага, и началась рукопашная схватка. Якун ехал позади строя скандинавов, и подбадривал их.

— Передовой полк черниговцев разбит! — сообщил Мстиславу прискакавший гонец.

Храбрый воспринял эту весть спокойно — он молча что-то обдумывал.

— Скорее нужно послать на помощь ясов и кософов! — подсказал князю командир хазаров Йосиф.

Мстислав выразительно глянул на него — и тот, ожидая вспышку княжеского гнева, испуганно опустил глаза вниз, но её не последовало, зато придворный поэт и певец Баян сказал:

— Не мешай князю думать!

Разбив авангард, варяги столкнулись с главными силами северян, а впереди у тех стояли богатыри — самые крепкие и рослые славянские воины, — поэтому за каждый шаг вперёд скандинавы платили большой кровью.

Один огромный черниговец потерял в бою щит, поэтому держал в обеих руках большую палицу, которую яростно крутил вокруг себя. От его ударов уже пало несколько варяжских воинов — от булавы не защищали ни щиты ни доспехи. Скандинавы, словно волки медведя, почти окружили славянского богатыря, но стрел и копий у них уже не было, что и позволяло черниговцу успешно отбиваться.

Та часть сознания Эрика, которая осознавала себя Джеком Эрикссоном, с удивлением отметила несомненное сходство этого черниговца и Виктора Иванова, но

тут северянин завалил стоящего перед Эриком воина, и тогда исландец решил с ним бороться врукопашную — швырнул на землю свои щит и секиру и кинулся к врагу. Скандинав вовремя нагнулся — смертоносное оружие пронеслось над ним — и ударил противника головой. От неожиданности черниговец потерял равновесие и упал на спину, и Эрик добил его ударом ножа в шею. Искать свою секиру у него не было времени, поэтому он схватил палицу поверженного врага и снова бросился в бой.

— Князь, не пора ли ввести в бой ясов и косогов? — тут уже забеспокоился сам Баян, — варяги одолевают северян.

— Пусть одолевают, всё равно у нас дружина втрое больше, чем у моего хромого братца. Будет хорошо, если варяги и черниговцы изнурят друг друга, а потом мы посмотрим чья возьмёт.

— Как скажешь, тебе виднее.

Прогрепевший гром перекрыл гул битвы, и вскоре полил дождь — его капли приятной прохладой освежали разгорячённые тела воинов. День окончательно угас и наступила ночь, но битва продолжалась — воины сражались при свете молний.

Наконец под утро, черниговцы были полностью уничтожены, а от варяжской дружины остались лишь жалкая горстка людей.

— Победа, Якун? — спросил ярла Ярослав.

— Похоже, — как-то неуверенно сказал норвежец.

Однако в стане Мстислава так не думали:

— Вот теперь мы и бросим все наши свежие силы, на измученного врага, — торжествующим голосом произнёс Храбрый.

— Велика твоя мудрость, князь — тихо промолвил певец.

Ясы и косоги налетели на скандинавов со страшным воем, и поняв, что дело проиграно, Ярослав первым умчался с поля битвы.

— Предатель! — яростно проскрежетал зубами ему вслед Якун. — Теперь я понял, почему ты не взял в поход ни свою киевскую дружину, ни ополчение этих новгородских плотников.

Он попытался организовать отход, но единого боевого порядка уже не было — часть варягов ещё сопротивлялось, но большинство уцелевших — в основном молодые воины, для которых это была первая битва — искали спасение в бегстве. Они увлекли за собой своего командира, и тот потерял свой знаменитый золототканый плащ. Многие беглецы полегли под стрелами и саблями азиатов.

Торд, Эрик, и Олаф были среди сопротивляющихся. Около полусотни скандинавов, прикрывшись щитами, медленно пятились назад. Они были окружены несколькими десятками всадников, которые держась на безопасном расстоянии, засыпали их стрелами.

— Быстрее отходим, — орал Торд, — главное чтобы нас не догнала пехота, а от конницы мы отобьёмся.

Увидев, что скандинавы не отстреливаются, азиаты осмелели, и с копьями наперевес бросились на них. Варяги только этого и ждали — около десятка всадников

было зарублено, а остальные поспешно отступили.

— Куда! Назад! — брат Эрика крикнул боевым товарищам, которые кинулись преследовать врага. — Отступаем дальше.

Варяги отходили по месту вчерашней битвы.

— Эй, смотрите под ноги, — не унимался Торд, — тут должны лежать луки и копья — подберём их, и будет чем отстреливаться.

И несколько скандинавов действительно довооружились. К конникам подошло подкрепление — их стало больше сотни, и они с воем снова атаковали варягов. Теперь в кочевников полетело около дюжины стрел, трое азиатов упали с коней, но остальных это не остановило, и началась рукопашная схватка. Внезапно всадники прекратив атаку, расступились, и скандинавы увидели перед собой лес копий — пехота Мстислава их всё-таки догнала.

— Бегом, на прорыв! — и варяги побежали.

Но не все — Олаф остался стоять на месте. Берсерк жевал мухомор, внезапно он исступлённо завыл, бросил щит наземь и с секирою в руках побежал, подобно дикому зверю, к приближающейся фаланге. Пехота Храброго оцетинилась копьями, но Олаф, чудом пронырнув под ними, врубился во вражеский строй. Прекратив отступление, Эрик и несколько скандинавских воинов хотели прийти ему на подмогу, но Торд их остановил:

— Назад! Ему не поможешь! Он пожертвовал собой, чтобы мы смогли отступить!

Вскоре кочевники заметили, что пехота сильно отстала, и враг может улизнуть. И они пустились в погоню за убегающими. Лошадиный топот за спиной показался Торду похоронным звоном, и чтобы подороже продать свою жизнь он скомандовал:

— Стой! Хватит бежать! Щиты в ряд! — и варяги, остановившись, выстроились в шеренгу. — Один!

— Один! Один! Один! — повторили два десятка здоровых глоток, и с яростью обречённых скандинавы напали на всадников. Торд, раненный стрелой, упал и был погребён под грудой тел. Эрик на помощь прийти не мог — на него напали два конника. Первого из них он, увернувшись от копья, стащил с лошади, другой уже натягивал тетиву лука, когда исландец, словно языческий бог Тор метнул в него булаву — палица была очень тяжёлая, поэтому попала в лошадь. Животное вместе со всадником грохнулось на землю. На помощь всадникам снова подошла вражеская пехота — вместо знамени дружинники Мстислава несли что-то, проткнутое копьями.

Исландец присмотрелся, и с ужасом понял что поднятый вверх обрубок — это тело Олафа, и тут страшный удар сзади по шлему свалил Эрика с ног...

...После битвы, Мстислав со свитой пошёл посмотреть на по— ле боя. Он был сильно пьян, постоянно отпускал шутки в сторону разгромленного брата, радостная улыбка не сходила с его лица.

— Ну как мне не радоваться! Вон лежит северянин, а вот — варяг, а моя дружина — цела, цела, цела! — горланил он.

К нему подошёл Йосиф в золототканном византийском плаще норвежского ярла.

— А вот и знаменитый плащ Якуна, возьми его князь!

— Оставь его себе, — почему-то мрачно ответил Мстислав. — Уходи.

Пожав плечами, хазар отошёл. Внезапно ближайшая гора тел зашевелилась — это Торд пришёл в себя, и начал стаскивать с себя покойников.

— А, наш заморский гость ожил! Ну сейчас я ему дам! — Но в руках у князя был лишь кувшин с вином. Он попытался вытащить меч из ножен, но ничего не получилось — руки уже не слушались его.

— Эй, Йосиф, — позвал он командира хазаров. — Добей эту варяжскую собаку! Надо отучить их приходить на святую Русь с мечом!

..В этот миг, пришедший в себя Эрикссон, увидел перед собой облачённого в старинную одежду олигарха Миргородского, который замахивался на кого-то саблей. В голове Джека зашумело, и он отключился.

..Хазар ударил Торда — так пророчество полностью сбылось.

— Будь ты проклят! — захрипел умирающий. — Мы ещё встретимся!

..Эрик пришёл в себя от сильной боли в голове. Не вставая, он снял шлем, вытер запёкшуюся кровь с лица и глянул вверх — была глубокая ночь. Воин поднялся, голова закружилась, колени предательски дрожали, и пошатнувшись, он едва не упал.

Свет звёзд придавал полю битвы, жуткий вид — горы трупов из-за блеска доспехов испускали слабое сияние, словно души погибших пришли навестить свои бывшие тела. Вдали виднелись костры и слышалась музыка — в лагере Мстислава продолжался пир победителей.

— Да...а, порубали мы с черниговцами друг друга, а теперь эти, кочевники, азиаты проклятые пируют, — вслух подумал исландец.

Эрик во чтобы-то не стало, решил найти Торда. Поиски продолжались недолго — с расколотой головой, брат лежал на лошадином трупе.

"Его нельзя так оставлять, — подумал Эрик, — нужно устроить похороны викинга."

Он взял мёртвое тело брата за руки, и шатаясь, поволок его в ближайший лес. Исландец часто останавливаясь, садился на землю и отдыхал. Один раз он споткнулся, и упал на лежащий на земле труп. Это был Олаф, и Эрик понял, что ему придётся тянуть уже двоих.

Скандинав затащил оба трупа подальше в лес, чтобы огонь случайно не увидели в лагере Мстислава, нарубил сучьев и развёл большой погребальный костёр. Тела павших положил на него сверху. Отсыревшие сучья вначале горели плохо, но потом подсохнув, дружно затрещали, и искры, кружась в немыслимом танце, понеслись ввысь. На лице Олафа застыл звериный оскал, зато Торд почему-то улыбался, словно он видит хороший сон и вот-вот проснётся. Вид этого жуткого зрелища так потряс исландца, что он не выдержал:

— Прощай, Торд! Прощай, Олаф! — заорал на весь лес Эрик. — Встретимся в Вальгалле на пиру у Одина!

И эхо трижды повторило его вопль...

— Уважаемые пассажиры! — усиленный динамиками голос разбудил Джека. — Наш самолёт прибывает в Нью-Йорк. Просьба не ходить по салону, а занять свои места. Пристегнитесь — мы заходим на посадку.

Сидевшая рядом пожилая дама как-то странно посмотрела на Эрикссона, и в этот миг он почувствовал, как, оставляя влажный след, по его щеке катится слеза. Американец утёр её рукой.

— С вам всё в порядке, мистер?

— Всё хорошо.

XIX.

Артур начал действовать, как только американец исчез из виду: сначала извлёк из шеи офицера свой нож, который тщательно вытер об одежду убитого и спрятал под ветровкой в закреплённые на левой руке ножны. Конечно нож был уликой, и уликой против него серьёзной, но Аскольдову, как память о деде, он уж очень был дорог.

Затем Артур, воспользовавшись идеей маленького пограничника, утопил трупы в болоте, и прихватив автоматы убитых — пусть преследователи думают, что убийства произошли с целью захвата оружия, — отправился в обратный путь. Он понимал, что исчезнувший наряд скоро кинутся искать, лес прочешут, и трупы, разумеется, найдут. Поэтому нужно было, запутав следы, поскорее покинуть приграничный район, а автоматы — выбросить, да так, чтобы их не нашли в ближайшие часы, не разгуливать же по лесу с таким арсеналом.

Артур свернул с тропинки, там где виднелась небольшая речка, и около получаса брёл по колено в воде — первое дело, нужно было избавиться от пущенных по его следу собак. В одном месте он оступился, и сразу оказался по шею в воде. Аскольдов, с большим трудом покинул омут, зато купание в одежде имело и положительное значение — "калашниковы" пошли на дно, и теперь он спокойно мог вернуться на уводящую от границы тропинку. Чтобы согреться, путник побежал. Так прошёл день.

На следующее его разбудил гул пролетающего вертолёта, и он спрятался в кусты. Наскоро перекусив, соратник Эрикссона продолжил путь.

Погода портилась — сначала задул северо-западный ветер, столь удивительно холодный для начала июля, что Аскольдов был вынужден извлечь из рюкзака тёплый свитер и надеть его, затем Солнце упеленали тёмные тучи, которые становились всё темнее и темнее, и понемногу стал накрапывать дождик. Услышав раскаты грома, странник прибавил шаг. К полудню всё небо почернело, небольшой дождь превратился в тропический ливень, разразилась гроза.

Артур спрятался от непогоды под стоящим на небольшой возвышенности огромным, ветвистым дубом, на вид дереву было не менее тысячи лет. Этот лесной исполин мог быть свидетелем воцарения конунга Рюрика в Новгороде и расцвета этой купеческой республики, княжеских междоусобиц и обращения местных язычников в христианство, отделения Пскова, вторжения шведских и немецких рыцарей.

Дождь не прекращался, вдалеке ослепительно-белые разряды молний всё чаще

били о землю, и незаметно для себя Аскольдов стал засыпать. Внезапно сильный удар подбросил его в воздух, в голове возник ярко-синий разряд, который угас вместе с сознанием.

Очнувшись, Артур с удивлением обнаружил, что стоит посреди какого-то странного помещения — что-то среднее между могильным склепом и пещерой. В стенной нише язычок пламени огарка свечи колыхался на сквозняке, вдоль правой и левой стен стояли по четыре больших, грубых деревянных статуй, ещё один идол, на много больший чем остальные был у дальней стены. Он понял, что попал в языческий храм.

Аскольдов осмотрелся и удивился ещё больше — его туристская спецодежда невообразимым образом исчезла, и сейчас Артур был облачён в грубую домотканую рубаху, такие же штаны, на шее висел какой-то талисман, по форме напоминающий якорь, а на ногах вместо кроссовок были кожаные сапоги.

"Это всего лишь сон, — успокаивал он себя, — непогода застала меня в лесу, я спрятался под дубом, и сейчас сплю, и это — какое-то видение, галлюцинация".

Внезапно он почувствовал мысленный зов от большого идола, тот звал, манил, влёл к себе, и тут до Аскольдова дошло, зачем он здесь, и что девять истуканов изображают девять наиболее почитаемых богов Асгарда, а наибольший из них идол — статуя Одина.

Славьтесь асы.

И асиньи славьтесь.

И Земля благодатная.

Речь и разум, руки целящие,

Даруйте нам.

Кончив цитировать "Старшую Эдду", Артур подошёл к дальней стене храма, и громко обратился к старшему из скандинавских богов:

— О, Один, бог-Всеотец и мудрейший из асов, бог павших и друг Мимира, ас воронов и владыка Хлидскьяльва, супруг Фриг и Третий, я, Артур Аскольдов ищу твоего покровительства!

Он облизал пересохшие губы и продолжил:

— Заклинаю тебя, Игг, Грим и Ганглери, Гримнир и Харбард, Бёльверк и Гаут помочь мне!

— Обещаю тебе, Хрофт, бог богов и брат Вилли, Тюр победы и недруг Волка, сын Бора и бог повешенных любую жертву!

Из единственного глаза идола вылетела небольшая молния и ударила Аскольдова в лоб. Он мгновенно отключился.

Когда Артур проснулся, уже наступил вечер. Он лежал под дубом, дождь прошёл, небо было безоблачным и изумительно чистым, на западе красное Солнце вот-вот собиралось закатиться за горизонт. Аскольдов поднялся с земли, и тут же вспомнил о своём приключении в языческом храме. Ему стало немного не по себе.

— Тьфу ты, ну и приснится же такое, — вслух произнёс он, и поучительным тоном продолжил. — Говорила же в детстве мама, чтобы не стоял в грозу под деревом, особенно под дубом, а то молния убьёт. Не послушался — и вот результат.

Почему-то заболел лоб, Аскольдов потёр его рукой, и обнаружил небольшой ожог.

— Этого ещё не хватало.

Но это было не последнее открытие — у него на шее под свитером что-то висело. Артур полез под одежду и с изумлением извлёк "якорь", тот самый, что был у него в храме.

"Выходит, то был не сон", — подумал он. Его разум, всё его нутро цивилизованного человека, протестовало против этого вывода, но факты были неопровержимыми. Внезапно до него дошло: "И какой же я идиот — это не якорь, а талисман в форме молота бога молний Тора, вон даже ручка короткая. Этот молот, кажется, называли Мьёлльнир."

Аскольдов вспомнил свою молитву Одину, и понял, какое нелёгкое испытание ему вскоре предстоит. Он срезал с дуба коры, и отравился в путь.

Когда Артур достиг развилки трёх грунтовых дорог, наступили сумерки. Он нарубил хворосту и на с большим трудом развел на распутье костёр — отсыревшие сучья долго не хотели разгораться. Затем Аскольдов обвёл костёр двумя кругами — маленьким — в три шага от огня, и большим — в шесть. К малому кругу он причертил четыре, идущие внутрь, к костру, луча в форме руны "Теваз" — руны война, нападения, победы, а к большому — наоборот, наружу, четыре линии в форме руны "Альгиз" — руны пассивной защиты, обороны, покровительства. И в борозды, проведенные ножом в земле, поместил куски дубовой коры.

Покончив с приготовлениями, Аскольдов стал между кругами, потом извлёк из рюкзака свой набор рун, вырезанный на прутьях ясеня, нужные покрасил своей кровью, завернул в фотографию Сутужкина, и бросил в костёр. Прутья затрещали в огне, и вскоре местность стало завлакивать дымом. Где-то недалеко прогремел гром такой силы, что земля содрогнулась.

Внезапно за спиной послышался рёв мотора, Артур мигом обернулся, и совсем рядом увидел две автомобильные фары, с бешеной скоростью несущиеся на него. Он попытался отскочить, но какая-то неведомая сила не дала ему сдвинуться с места. И тут четыре защитные руны на земле с треском вспыхнули ярко-синим пламенем, и "фары" исчезли. У костра раздался нечеловеческий крик боли — это тёмный силуэт, очень похожий на Сутужкина, пытался выбраться из огня. Наконец ему это удалось, но он наступил на руны воина. Та вспыхнула синим огнём — и снова послышался крик.

Но призрак не сдавался.

— Ты что, жалкий червь, — с диким рёвом обратился он к Артуру, — со мной тягаться вздумал? Раздавлю!

И тёмная фигура сгустилась, потемнела, и стала быстро увеличиваться в размерах. Аскольдова прошиб холодный пот, колени предательски задрожали, он хотел было броситься бежать, но зачарованный жутким зрелищем не мог сдвинуться с места.

Призрак вырос с небольшое дерево, нагнулся, чтобы своими огромными ручищами схватить стоящего перед ним карлика, но Аскольдов увернувшись, упал на спину. Чудовище повторило свою попытку, и тогда Артур сделал быстрое и неосознанное

движение — сорвал с шеи талисман, и запустил "якорь" в демона.

Маленький молот налету превратился в молнию, которая, вызвав снопы искр, ударила великана. Тот взвыл, покачнулся, и превратившись в чёрный дым, исчез. Земля снова вздрогнула.

— Мы ещё встретимся! — послышалось откуда-то снизу.

— А я в этом и не сомневаюсь! — развеселился Артур. — Но это будет наша последняя встреча, тролль!

Два дня спустя он уже был в Москве. Мстителю удалось выяснить, что с Сутужкиным произошёл сердечный приступ, и его поместили в одну частную клинику близ Лужников. За эту информацию Аскольдову пришлось отвалить две сотни "зелёных", однако номер палаты, информатор, увы, не знал.

Артур, вооружившись автоматом, некогда отобранным у спецназовца, отправился в больницу к зловредному колдуна.

— А вы не подскажете, где находится больной по фамилии Сутужкин, — Артур спросил в регистратуре у склочного вида дамы предпенсионного возраста. — Он поступил к вам два или три дня назад.

— А вы кто? — женщина презрительным взглядом смирла скромно одетого просителя. Потёртые джинсы, старая, слегка выцветшая турецкая рубаха — ходят же тут всякие голодранцы.

Артур широко улыбнулся.

— Я его друг, можно даже сказать, родственник.

Она полистала журнал.

— Палата 603, шестой этаж — сквозь зубы проговорила врач, и отвернулась.

— Большое вам спасибо! — и Аскольдов направился к лифту.

Палата Сутужкина была в конце коридора на третьем этаже, возле неё стояли три здоровенных лба в штатском, и придирчиво осматривали всех проходящих мимо.

Аскольдов отступил на лестничную клетку. Убедившись, что его никто не видит, извлёк из большой тряпичной сумки белый халат, и быстро надел его. Сумку он накинул на правое плечо, и нащупав рукой сквозь материю автомат, направился к палате 603.

— Эй, стоять! — приказала двухметровая детина, с горою мышц и полным отсутствием интеллекта. — Ты куда?

— Сюда! — не вынимая оружия из сумки, Аскольдов открыл огонь. Детина мигом сложился, как и его два коллеги, а Артур ворвался в палату.

У двери ещё один охранник, потянувшись за оружием, только поднимался со стула. Он был убит на месте, зато его коллега, стоявший у окна, был половчее — успел выстрелить из большого револьвера. Ворвавшийся в палату был повален выстрелом на пол, что и спасло его от следующей пули. Охранник прицелился, но Аскольдов из положения лёжа продырявил его очередью.

— Ты лежишь, — убаюкивающим голосом произнёс Сутужкин. — Ты устал, и хочешь спать. Твои веки тяжелеют, закрой глаза, глубоко вздохни, глубже, глубже,

глубже. Ты засыпаешь, засыпаешь.

Артур на секунду прикрыл глаза, а затем перевёл взгляд на кровать — колдун, казалось, ел его глазами.

— Извини, дружок, — весело произнес Мститель, — но у меня иммунитет к гипнозу.

И он с большим трудом поднялся с пола. Живот жгло, голова кружилась, поташнивало. Артур навёл "калашников" на побледневшего колдуна, но выстрелить в безоружного не мог. Тогда он вспомнил о погибшем Павле Мишко, и нажал на спусковой крючок.

Раздался щелчок — магазин был пуст.

И тут Сутужкин проявил удивительную для его состояния прыть — спрыгнул с кровати и бросился к лежащему у окна охраннику. Артур понял, что он вот-вот доберётся до револьвера, и скинув сумку, потянулся к спрятанному под рубахой ножу. Колдун уже подымал пистолет охранника, когда нож вонзился ему в солнечное сплетение.

— Отправляйся в ад, урод! — раздался торжествующий крик Артура.

Сутужкин дёрнулся, уронил револьвер, шатаясь, сделал два шага к окну, после чего растянулся на светло-коричневом линолеуме пола.

Аскольдов подошёл к нему и убедился, что тот мёртв. Внизу послышался вой сирен — к больнице подъехали две милицейские машины, из которых выскочили, пять вооружённых автоматами милиционеров.

— Вот и всё.

— Нет! — казалось, что этот властный голос шёл откуда-то сверху. — Иди на крышу.

— Точно у меня "крыша" поехала.

— Не переговаривайся, иди наверх.

— Хорошо, — не хватало мне ещё пререкаться с невидимкой.

Артур вынул из сумки автомат, перезарядил его, и качаясь направился к выходу с этажа. В коридоре его увидела медсестра, вскрикнула и бросилась в ближайшую палату. Аскольдов доплёлся до лестничной клетки, после чего, цепляясь за перила, начал медленный подъём вверх. Каждая ступенька давалась с большим трудом, ему несколько раз пришлось останавливаться на отдых.

Люк чердака был закрыт на большой замок — раненому пришлось расстрелять его из автомата. А снизу слышались крики и топот — преследовавшие его милиционеры были близко.

Аскольдов вылез на крышу, и понял что идти уже не может.

— Ползи к краю крыши, — приказал голос.

— А что мне уже терять? — и Артур пополз.

Он был у цели, когда сзади прокричали:

— Лежать на месте!

"Так я и послушался, — подумал Аскольдов. — Не сдамся — лучше сброшусь с

крыши."

Но последнее ему не пришлось делать — внезапно перед ним возникло, очень похожее на большой сгусток дыма, серое облачко, которое и поглотило его. И когда видимость улучшилась, то преследователи с изумлением обнаружили что ни на крыше, ни внизу никого нет. Артур Аскольдов бесследно исчез.

XX.

Олигарх Миргородский мысленно ругал себя последними словами — чёрт его дёрнул ослушался Дарью Максимовну. Гадалка опять оказалась права — для него наступили очень трудные времена — колесо Фортуны действительно закрутилось в обратную сторону. А во всём виновата его, Миргородского, гордыня, неумное упрямство, возомнил себя неизвестно кем и теперь за это нужно платить.

Всё Соломонова предугадала, ведьма, и даже то, что у него на руках будет два трупа — сначала Виктор, а теперь этот Сутужкин, доколдовался, "волшебник".

Но хрен с ними, этими неудачниками, рано или поздно он им всё равно найдёт замену, главное, что на финансовом фронте дела идут очень и очень скверно. Автосалон принёс сплошные убытки, банк тоже трещит по швам, особенно, как братья Фальштейны забрали свои полмиллиарда, так и гляди нефтяную компанию придётся продать.

И лишь его новое детище — либеральная партия — радуется, все опросы показывают, что её популярность стремительно растёт. Только это очень прожорливое бэби — до выборов, что состоятся в декабре, ещё нужно дожить, а у него, Миргородского, свободных средств осталось не более двухсот миллионов долларов, и это всё.

На него нахлынула волна отчаяния — даже ближайшее будущее виделось олигарху в мрачном свете.

"Вот бы сейчас устроить себе отпуск, как это делают все нормальные люди, — грезил он. — Уехать бы в Ниццу, на Лазурный берег."

Ему позвонила секретарша.

— Михаил Моисеевич, звонит Маргарита Курская с Украины. Соединить?

— Меня нет, хотя, — олигарх на мгновение задумался, — давай.

— Здравствуйте, Михаил Моисеевич! — с грустью произнесла женщина.

Магнат постарался быть максимально любезным.

— Здравствуйте, Маргарита, извините, как вас по отчеству?

— Зовите меня просто Арита.

— Хорошо, Арита, мне искренне жаль вашего брата — он так много для меня сделал. К сожалению, не спасли — с ним были убиты пятеро наших охранников.

— Давайте без сантиментов, — в голосе директора института йоги явно различалось раздражение. — Я так это не оставлю — завтра приеду к вам похороны, тогда мы кое-что обсудим. Всего хорошего!

— До свидания!

В кабинете появился Рябых.

"Снова этот честолюбивый недомерок будет пытаться влезть в кресло Виктора, —

зло подумал Миргородский. — Всё готово обрушится, а этот только то и может, что тешить свои амбиции."

— Добрый день, Михаил Моисеевич!

— Привет, — кисло произнёс магнат. — Что нового?

— Есть кое-что, — службист сел в кресло. — Вот видите, ваши охранники не берегли колдуна, а мы бы его защитили.

— Сомневаюсь — вы даже не поймали трёх мерзавцев, хотя они уже были в ваших руках.

— Ну одного-то мы поймали.

— Ага, и он едва не разнёс всех вас на куски. Ладно, убийцу Сутужкина поймали?

Рябых криво улыбнулся.

— Нет. Этот Аскольдов, видите ли, необъяснимым образом куда-то испарился. От нашей милиции других объяснений ожидать не приходится.

— Аскольдов, говоришь, — Миргородский задумался, что-то вспоминая. — Где-то я уже слышал эту фамилию...Нет, не могу вспомнить.

— Тут ещё новая информация из Нью-Йорка. Там опять финансовый скандал. Вас снова упоминают.

— Знаю — местным журналистам в сезон отпусков скучно, вот они и капаются в старом грязном белье. Ничего же нового они-то не обнаружили.

— У меня другие сведения. ФБР сейчас сильно интересуется вашими счетами в банках Кипра и Джерси.

Магнат нервно поёжился.

— И как американцы это вынюхали?!

— О, тут ничего сверхъестественного нет. Вчера вечером друг Иванова Александр Кусков — он работает в ООН — рассказал мне, что в мае Виктор попросил его переправить по дипломатической почте небольшую посылку. А три, как вы говорите, мерзавца были на даче Виктора, что-то нашли в его сейфе и зачем-то пользовались его компьютером. Вывод сделать несложно.

Миргородский, крепко сжав сигару зубами, так вжался в кресло, словно его хорошо огрели сверху чем-то тяжёлым.

Наступившее молчание нарушила секретарша.

— Михаил Моисеевич, на проводе Кремль. Соединить?

— Да, Алиса, — обречённо выдавил из себя олигарх. Он уже представлял, что ему предстоит услышать.

— Привет, дядя Миша, — услышал он знакомый голос.

— Здравствуйте, Елена Веняминовна! Как дела?

— И он ещё смеет спрашивать! Твои — скверно! — обительница Кремля сделала эффектную паузу, а потом обрушила на ошалевшего олигарха Ниагару благородного гнева, — Не ты ли, вонючий козёл, клялся, что в Нью-Йорке всё "чисто", а? Что, на нары захотел? Так мы тебя, урод, быстро посадим — тогда сразу поумнеешь!

— Я всё исправлю, — с трудом произнёс магнат. Извержение животной ярости

полностью парализовало его волю.

— А я в этом и не сомневаюсь, — гнев собеседницы стал иссякать. — Значит так. Сам нагадил — сам и убирай. Поедешь в Нью-Йорк, сейчас главная проблема — это не ищейки из ФБР, и не юстиция, а комиссия конгресса. Ты хвастался, что у тебя есть несколько знакомых сенаторов — так пусть они и замнут скандал.

"Это будет стоить миллионов семьдесят, или даже все сто, — без особой радости подумал Миргородский, — поездка вконец меня разорит."

— Да, ну мне нужна помощь.

— Посольство в Вашингтоне, и представительство при ООН будут в твоём распоряжении, можешь также взять кого угодно из ФСБ и МИДа.

— Хорошо.

— Выезжай немедленно, — на той стороне провода положили трубку.

— Дмитрий Васильевич, займитесь визами — нам с вами в самое ближайшее время предстоит рабочая командировка в США. Да и не забудьте — у нас завтра похороны.

И тут в памяти Миргородский внезапно возник тот далёкий погожий майский день, когда старик-ветеран по фамилии Аскольдов разбил его "Волгу", а внук этого старика посмел грозиться убить его, будущего могущественного олигарха и миллиардера.

— Вот ты и вырос, щенок! — магнат, сжав кулаки, затрясся от ярости.

— Что? — недоумевал Рябых.

— Ничего.

XXI.

— Ты, Эрикссон, неплохо поработал, — произнёс Старик.

Джек молчал. После всего пережитого ему просто ни верилось, что последний раз он был в кабинете шефа всего три месяца назад, — казалось, что с того времени прошла целая вечность.

— А вы напрасно показали диск журналистам, — с враждебностью в голосе в разговор включился Барри Поуп, высокий, интеллигентного вида афро-американец, на днях ставший заместителем Бермана. Поуп всегда недолюбливал Джека, раньше у них часто бывали трения по работе и даже стычки.

— Так было надо, а то политики из Вашингтона быстро прикрыли бы это дело. Из высших государственных интересов, которые, разумеется, превыше всего.

— Сейчас времена изменились, — сказал Старик — мы расследуем это дело параллельно с конгрессом. Ты слышал последнюю новость?

— Нет, а что случилось?

— Сегодня утром мистер русский миллиардер пожаловал к нам собственной персоной, и его арестовали прямо в аэропорту.

— Вот и отлично. Надеюсь, Дядю Мишу ждёт пожизненное заключение.

Берман многозначительно глянул на своего заместителя.

— Нет, — сверкнул стёклами своих маленьких изящных очков в золотой оправе Поуп. — На это и не надейся.

— Почему?

Заместитель ухмыльнулся.

— Его для приличия подержат в тюрьме, а затем вышлют из страны?

— В данном случае даже тюрьмы не будет — адвокаты миллиар— дера сейчас хлопочут, чтобы его выпустили под залог.

Джек взорвался.

— Да, но он преступник! Миргородский не только украл несколько миллиардов вместе с кремлёвскими гангстерами, но и убил много людей.

Берман печально нахмурился.

— Мне жаль твою невесту.

— И Майка Корбуччи?

— Да, и его тоже! — раздражённо ответил Старик. — Но мы ничего не можем сделать — сейчас Белый Дом нуждается в поддержке Москвы.

— Тогда если правосудие спит, его нужно разбудить!

— Что ты задумал?

— Это моё дело!

— Послушай, Джек! — Старик едва не умолял. — Отдел внутренних расследований выяснил, что твоей вины в смерти Корбуччи нет, его, как и твою Джину убил некий Иванов, который более месяца назад погиб в Москве.

— Это я его убил.

— Поэтому зачем и себе портить карьеру, и нам создавать проблемы?

— Вам этого не понять.

— А ты попытайся, — снова встрял в разговор афро-американец.

Джек с трудом сдержался, чтобы не дать Барри по физиономии.

— Хорошо, — решительно произнёс Эрикссон. — Начнём по порядку.

Первыми жертвами были Беккеры — мне этих мошенников абсолютно не жаль, но из-за них здесь, в Нью-Йорке, погибли ещё пятеро. В Москве я попытался добраться до Миргородского, но неудачно, и чтобы не выдать меня мой друг Крис Сильвер застрелился. Затем я всё-таки достал этот проклятый диск, но нас припёрли к стенке, и один мой русский помощник, как палестинский шахид, подорвал себя. Его товарищ вскоре куда-то исчез.

И вот, оказывается, что все жертвы были напрасны. Извините, но я не могу всё так оставить. Дело нужно довести до конца!

— Вот теперь я тебя понимаю, — Старик посмотрел Джеку в глаза. — Мало того, на твоём месте я делал бы тоже самое. Но со службой в ФБР, это не совместимо.

— Да, но я готов на всё, сэр.

Эрикссон положил на стол свой пистолет и прочие атрибуты своей служебной деятельности. Всё, теперь с работой в ФБР покончено, теперь он сам себе хозяин, и волен делать всё, что пожелает.

— Удачи парень! — сказал на прощание Берман. Барри Поуп зло сверкнул глазами, но промолчал.

Маргарита Курская сидела за столом и зачарованно смотрела в окно — вечерний

Нью-Йорк со своими неоновыми огнями рекламы, светящимися гирляндами магазинных вывесок, мчащимся со включенными фарами по широким улицам автомобилями, ей очень нравился. А стоящий напротив небоскрёб с освещёнными окнами офисов из-за работающих допоздна клерков, вообще почему-то напоминал ей новогоднюю ёлку.

Увы, в её родном городе всё иначе — на его многих улицах, особенно на окраине, не было ни одного действующего фонаря, а в осенне-зимний сезон к этому добавлялась новая напасть — "веерные" отключения на неопределённый срок целых улиц от электроснабжения, отчего с наступлением ночи многие районы погружались во тьму. Но эти неурядицы, к которым уже все привыкли, были сущей ерундой по сравнению новыми проблемами, внезапно свалившимися ей на голову.

Совсем недавно, после продолжительной болезни умер губернатор, бывший, по совместительству и главой городского Магистрата, а с новым, назначенным из Киева, главой области высадился "десант" столичных чёрных колдунов. Эти ребята не слишком-то считался со старожилami, и местный Магистрат, главой которого стала Маргарита, стал стремительно утрачивать влияние в городе. Некоторые "шестёрки", почувствовав новые веяния, поспешили перебежать к новоприбывшим, и на Маргариту, и особенно на её двоюродного брата стали оказывать нажим — например, ему вспомнили струю историю с наркотиками. Но Сутужкин сориентировался быстро — как только в Москве появилась многообещающая вакансия, рванул на "историческую" родину — в Россию.

Теперь-то Курской стало ясно в чём его основная ошибка, стоившая Алексею жизни — подставила его Соломонова, столичная сучка, всё она знала наперёд — почувствовав, что пахнет жареным, отошла в сторону, и вроде бы теперь не причём. Ничего, она своё получит, дрянь, гнида, оккультная шушера.

Вообще, брату всегда не везло — то чуть не загудел в тюрьму, затем несколько лет пахал "за спасибо" на КГБ, да и методы его магической деятельности тоже были не самыми лучшими. Работа с обитателями потустороннего мира, хоть и даёт зачастую поразительные результаты, но вещь это опасная, сил и здоровья выкачивает много. И вообще, подпитывать энергией всяких барабашек дело последнее, уж точно у Сутужкина была плохая карма — наверно много наделал ошибок в своих предыдущих воплощениях. Ладно, как его не жаль, Алексей — это уже отработанный материал, своё дело он сделал — мир ему пухом, пусть ему повезёт в следующей жизни.

Ход мыслей перенёс Ариту обратно в Нью-Йорк. То, что её клиента арестовали, конечно неприятно, тем более что она это предвидела, но на дядю Мишу, по словам Рябых, так сильно давили в Кремле, что отложить поездку было никак нельзя. Правда, адвокат Зальцман клялся и божился, что добьётся освобождения Миргородского под залог, и уже в течение ближайшего часа станет ясно, чего стоит его болтовня.

Из трёх врагов Миргородского, один, благодаря стараниям Алексея был уже мёртв, а другой в данный момент находился в Нью-Йорке. Именно он, этот мистер Эрикссон доставил столько неприятностей олигарху, поэтому Рябых совсем недавно отправил к

нему киллеров.

Арита положила перед собой фотографию американца — видно что тот с характером, очень неглупый, информатор в ФБР сообщил, что несколько месяцев назад погибла его невеста, вот он и решил отомстить олигарху. Она внимательно посмотрела на фотографию — судя по ауре, что-то непохоже, что он вскоре станет покойником, так что Дмитрий Васильевич послал к нему людей напрасно. Но сейчас не Эрикссон её беспокоил, а субъект номер три — убийца её брата, некий Аскольдов.

Относительно этого типа всё было очень неясно — он был одновременно и жив и мёртв. От его фотографии, как от покойника, веяло холодом, но по ауре было похоже, что он жив. Подобная двойственность в её практике ещё не встречалось — все гадания и магические проверки ничего не давали, — и Курской это очень не нравилось.

— Маргарита Абрамовна, — услышала она за спиной голос Рябых, — Зальцман сдержал своё слово — нашего босса уже отпустили. Его уже везут сюда.

— Очень хорошо. Дмитрий Васильевич, а вы достали, что я просила?

— Да, — и он положил перед ней фотографию сравнительно молодой, очень красивой женщины. — Это и есть бывшая невеста нашего "друга". Только не пойму, зачем вам это.

Арита усмехнулась загадочной улыбкой.

— Может пригодиться — в жизни всякое бывает.

— Между прочим, мне только что сообщили, что Эрикссон уволился из ФБР.

— И что вы по этому поводу думаете?

— Судя по всему, он решил развязать себе руки.

— Примем это за рабочую версию. Ладно, идите — встречайте босса, я сейчас тоже подойду.

"С этим Аскольдовым возможно только одно объяснение — он в коматозном состоянии лежит в какой-то клинике, и не исключено, что в той-де, где был брат, — пришла она к логичному выводу. — А это означает, что кто-то неизвестный ведёт против нас игру. Но, кто? Ох, как не люблю я решать эти загадки. Ничего, мы это всё равно выясним."

XXII.

Аскольдов пришёл в себя на холодном полу, покрытом позолоченной плиткой с очень замысловатым узором — в нём были знаки, очень похожие на руны, фигурки людей, животных, каких-то существ, подобные тем, что далёкие предки человека рисовали на стенах пещер, изображали сцены из мифов.

Рассмотреть всё это поподробнее он не успел — совсем рядом раздался знакомый голос:

— Привет новоприбывшим! Хватит лежать, вставай! Артур

вскочил — перед ним стоял Павлик, и с ним в странных нарядах две незнакомые, очень высокие женщины сурового вида — Мишко не доставал им даже до плеча.

— Здоров, камикадзе, — Аскольдов протянул приятелю руку, затем осмотрелся.

Что первое бросилось в глаза — рана на животе исчезла, словно её и не было, а на

шее снова висел "якорь", однако Артур уже давно разучился удивляться.

Они находились в гигантском помещении, что-то вроде громадного крытого стадиона, совсем рядом зиял такой же огромный выход — блестящие золотым блеском ворота были приоткрыты. У Аскольдова возникло такое чувство, что он здесь когда-то был.

— Где я?

Мишко усмехнулся.

— Туда, куда ты хотел попасть, товарищ рунный шаман. Христ и Мист, — обратился он к женщинам, — мы пошли. Я сам отведу его к Всеотцу.

— Хорошо, — ответили те на незнакомом языке, однако Артур почему-то всё понял, — идите.

То что Аскольдов принял за стадионные скамьи зрителей, на поверку оказались длиннющими деревянными столами, возле каждого из них стояли по две столь же длинных лавки для сидения.

Первый ряд столов по обе стороны от прохода, по которому двигались Артур с Павлом, был пуст, а во втором сидел только один человек — судя по форме и стоящей у его ноги автоматической винтовки М16 — это был американский морской пехотинец.

— Привет, Крейг! — окликнул его Медведь.

Солдат оторвался от трапезы.

— Здоров, Олаф! Что, у нас пополнение?

— Ага.

— И откуда он?

— Из России.

— Давненько оттуда никого не было.

Чем дальше друзья продвигались вглубь помещения, тем больше людей сидело за столами — в основном это были американские и британские военные, несколько человек в полицейской форме, и совсем мало штатских. По проходу сновали женщины в старомодных платьях, они подносили воинам питье и еду.

— Это англосаксонский сектор, — пояснил Павлик. — Большинство погибло в Персидском заливе, дальше идут участники войны с Вьетнамом.

— Слушай, а почему тот американец назвал тебя Олафом?

— Потому что и тебя зовут Торд.

"Удивительно, — подумал Артур, — но мне почему-то действительно кажется, что меня так некогда звали, но это было давным-давно."

— Кстати, Торд, а как ты здесь очутился? И как там поживает Эрик?

— Какой Эрик?

— Ну, Джек Эрикссон.

Артур моргнул и посмотрел на друга.

— Мы с ним расстались на границе с Эстонией. Он сейчас должен быть в Нью-Йорке. А я решил поквитаться с колдуном. Между прочим за тебя.

— И что?

— Пришлось действовать его же оружием — сначала извёл Сутужкина магией, а затем добил в больнице. И вот я здесь.

— Теперь ты понял, что это за место?

На лице Артура возникла лучезарная улыбка.

— Конечно — это Вальгалла!

Американцев времён Корейского конфликта сменили солдаты второй мировой войны — несколько рядов норвежцев, англичан, австралийцев, новозеландцев, американцев и австрийцев, солдатам же вермахта, казалось не будет конца.

— Я что-то не вижу здесь наших.

— А славян тут вообще мало — только те, кто когда-то был англосаксом, германцем или скандинавом, или смешанного происхождения — это всё-таки Асгард — главный город германо-скандинавской расы. Остальные славяне у Перуна — это наши добрые соседи, иногда мы видимся, но большинство наших соплеменников, увы, в христианском аду.

— Н..да.

— Точно, что да — отказались деды от истинной веры, а теперь внуки расплачиваются. Да, Эрик, — и он стал инструктировать друга, — когда придём к асам, главное не робей — в Вальгалле

рабов нет! Ты это понял?

— Понял. А как ваше тут житьё?

— Нормально, кормят и поят хорошо, по утрам воюем — это у нас как — бы развлечение. Большинство ждёт Последней Битвы, а некоторых отправляют обратно на Землю, в Мидгард, выполнять задания богов.

Наконец ряды столов с солдатами вермахта закончились, и начался сектор первой мировой войны. Путники прошли мимо участников франко-прусской, и наполеоновских войн, гренадером Фридриха Великого и мушкетёров Густава Адольфа, рыцарей, наемников-варягов и викингов. Последними были одетые в шкуры свирепого вида воины — сразу Артур сообразил, что это древние германцы — арийские предки нынешних немцев и скандинавов.

В центре Вальгаллы стоял большой длинный стол, пировавшие за ним были по меньшей мере вдвое выше обычных людей.

— Вот мы почти и пришли.

Один из гигантов узнал попутчика Артура.

— Ты кого привёл, Олаф, волчья твоя шкура?

— Гаута Торда, ас Хермод.

— Наслышались мы о твоих новых подвигах в Мидгарде Торд, наслышались, — и бог Асгарда дружелюбно подмигнул Артуру. — Иди, жаждался тебя Один.

Мишко подвел Артура к великану, сидящему во главе стола. Тот пил из огромного кубка, внизу у его ног лежали два волка, а на каждом из его богатырских плеч сидело по ворону.

— Здравствуй, Всеотец! — сказал Олаф, когда кончив пить, гигант поставил кубок

на стол. — Я привёл Торда.

Один повернул голову, и посмотрел своим единственным глазом на стоящих перед ним людей.

— Привет Олаф, ну, здравствуй Торд-Артур, наш герой.

— Здравствуй Один, слава тебе и всем вам асы! — громогласно обратился к присутствующим Артур.

Веселье за столом мигом стихло — пирующие с интересом рассматривали Аскольдова.

— Видали мы из Хлидскьяльва твой последний подвиг, — продолжил главный бог Асгарда, — и знаешь даже думали, что ты не одолеешь того тролля.

— Ну, без вашей помощи, я точно не одолел бы.

— Ты переоцениваешь нашу поддержку, — вмешался в разговор сидящий слева от Одина однорукий великан, Тюр. — Да, отец внушил тебе как победить тролля, но остальное ты сделал сам. Но для нас главное даже не в твоей победе, а то что ты, последовав старинному обычаю, решил отомстить за убитого земляка — хвала тебе за это.

— Я по другому не мог.

— Зато другие могут, — грозно нахмутив брови, прогрохотал рыжебородый гигант, в котором Аскольдов признал Тора. — Люди Мидгарда в нас уже давно не верят, не чтут законы и обычаи нами установленные. Потомкам Аска и Эмбля надоело быть свободными — им захотелось стать рабами нового божка, — и он гневно потряс своею рыжею головой. — Но клянусь, что эти оковы скоро падут! Скорей бы, — выдохнул Олаф. Один взял два громадных куса свинины и бросил своим волкам, приговаривая: На Гери, ешь Фреки. Звери набросились на еду.

— А для тебя, Торд, у нас есть новое задание.

— Да, Отец Ратей.

— Возьми, — и ас дал ему непонятный фрукт — по внешнему виду это было явно яблоко, однако почему-то размером со среднюю дыню.

— Что это?

— Яблоко жизни из ларца богини Идунн. Съешь его и сразу можешь отправляться в Мидгард. Там ты поможешь Эрику — ему одному ведьму Ариту не одолеть. И не смотри, что у неё человеческий облик — она необычайно сильна. Очень давно, когда она была ещё великаншей, Тор, проломив ей череп, отправил её в Хель. Однако она вскоре бежала оттуда, и в виде ведьмы воплотилась в Мидгарде. Мы, асы, такое допустить не можем.

Изумлённый Артур молчал.

— Я догадываюсь, о чём ты думаешь — что обуздать ведьму — это работа Тора, а вам это не по силам. Вообще — то да, некоторые сомнения есть. Два ворона на плечах Одина неодобрительно посмотрели на него.

— А я уверен, что вы вдвоём отлично справитесь. Надеюсь, ты же помнишь

историю мира и великанов. Вначале времён были только исполины-йотуны, одни злые, коварные и жестокие, мой сын Тор с ними постоянно воевал, другие мудрые и знающие — от этих только череп Мимира остался. Все эти гиганты были очень могущественны. Потомки йотунов — турсы, были значительно слабее, меньше у них было знаний, но и они со временем выродились в троллей и ведьм — жалкие карликов по сравнению с йотунами. Так что у вас с Эриком всё должно получиться.

— Да, Один.

— Поэтому отправляйся немедленно, Торд, — тут Один выразительно посмотрел на него. — Ты помнишь, что ты ещё не за всех отомстил?

В памяти Артура, как на экране старого чёрно-белого телевизора, возникло лицо деда.

— Да, Один, — снова повторил он.

— Тогда поторапливайся. Эрик скоро в Манхеттене начнёт штурм одного чертога — валькирии отнесут тебя прямо на его крышу. Дальше будешь действовать сам, да хранят вас норны!

— Спасибо, Всеотец!

— Пошли, Артур, — Олаф-Мишко взял его за локоть, и куда-то повёл. — Нужно тебя вооружить.

Артур стал на ходу есть плод, и когда они пришли в арсенал Вальгаллы, то "дыня" была съедена. А там у Аскольдова глаза разбежались — столько было там всякого вооружения — от примитивных дубин и каменных топоров, до базук и автоматов с лазерными прицелами, от баллист и катапульт до танков и ракетных систем залпового огня. Друзья подошли к бесконечно-длинному стеллажу со стрелковым оружием.

— Что, взял бы всё это с собой?

— Не отказался бы.

— Привет, Ганс! — к ним подошёл седоволосый невысокий мужчина лет сорока пяти, одетый в современную одежду.

— Здоров, Олаф! Что будете заказывать?

— "Калашниковы" есть? — спросил Артур.

— У нас всё есть, что когда-либо было создано в Мидгарде, — с напыщенной уверенностью продавца супермаркета ответил тот.

— Тогда "АК-47" с под ствольным гранатомётом и глушителем, пару "ингредов", дюжину осколочных гранат, — тут Аскольдов на мгновение задумался, — бронежилет, да и патронов побольше.

— Подождите немного — сейчас принесу.

Ганс отсутствовал недолго — вскоре он толкал перед собой целую тачку снаряжения.

— У нас тут широкий ассортимент, выбирай. "Калашниковы" советские, "калашниковы" китайские, тоже, кстати, неплохие, бронежилеты и гранаты на любой вкус.

Артур взял автомат, гранаты "Ф-1" советского производства, два 11-миллиметровых

американских пистолета-пулемёта, и принялся облачаться в чёрный японский бронеплащ.

— И куда ты отправляешься, сынок?

— В Нью-Йорк. Никогда в Америке не был — и теперь есть счастливая возможность попутешествовать за чужой счёт.

— Эх, Нью-Йорк, Нью-Йорк, мой второй родной город — не видать мне больше Манхеттена, и моста Джорджа Вашингтона, и не бродить по Бродвею, и не сидеть в полдень на лавочке в Таймс-сквере.

Олаф хмыкнул.

— Что-то ты, Ганс, становишься сентиментальным, — подколот он немца.

— Да, я отвлёкся, — раздражённо ответил тот и тут же обратился к Аскольдову. — И что ты там будешь делать, сынок?

— Нужно закончить одно дело — кое-кому отдать долги.

— Ты будешь действовать сам?

— Нет, вместе с одним из ваших, мистером Эрикссоном из ФБР.

— Его зовут Джек?

— Да, а вы что его знаете?

— Ну как мне его не знать — ведь это я его в своё время порекомендовал в ту контору. Ладно, парень, — и Аскольдов прочитал тоску в его глазах, — увидишь Эрикссона, передавай ему от меня привет. Скажешь, что от Ганса Дитке — он всё поймёт.

— Обязательно передам.

— Пошли скорее Торд, нас уже ждут у выхода из Вальгаллы, — Олаф быстро зашагал из арсенала.

Артур, последовав за ним, сделал несколько шагов, но почувствовав взгляд в спину не выдержал, обернулся — немец печально смотрел им вслед.

XXIII.

Миргородскому снился странный сон. Он поднимался вверх по висящей в воздухе лёгкой винтовой лестнице, и хотя хрупкие ступени опасно раскачивались под его ногами, олигарх упрямо продолжал путь наверх. Казалось, что этому подъёму не будет конца. Внезапно он остановился и посмотрел вниз — под ним был Манхеттен, и любой небоскрёб был не более спичечного коробка. Удивительно, но ни страха ни головокружения магнат не испытал, и постояв минуту, стал карабкаться дальше. Он добрался до уровня облаков и тогда лестница кончилась — Миргородский очутился на небольшой площадке. К нему спиной стояла женщина. Магнат сделал шаг — и тут она обернулась — это была Алла Беккер, но только лицо её почему-то было в крови.

— Ты? — вымолвил изумлённый олигарх. — Ну и видок у тебя!

— Тебе здесь не место! — резко сказала покойница, и столкнула его с площадки.

И он, судорожно замолотив руками воздух, полетел вниз головой. Земля стремительно приближалась, отчего сердце, казалось, готово было выскочить из груди.

— А..а! — скорее захрипел, чем закричал от страха Миргородский, и в этот миг

кошмар кончился — у его кровати с пистолетом стоял Рябых.

— Что с Вами, Михаил Моисеевич!

— А, ничего, — тот зевнул, и стал вытирать со лба холодный пот. — Приснилась какая-то гадость.

Олигарх посмотрел в окно — было раннее августовское утро. Он уже вряд ли заснёт, поэтому решил встать — хоть сегодня и воскресенье, но дел будет не впроворот.

— Дмитрий Васильевич, у вас к встрече с сенатором всё готово?

— Да. Наши специалисты вчера снова проверили офис — "клопов" нет. На всякий случай вчера на ночь усилил там охрану.

— А с полицией и ФБР проблем, надеюсь, не будет?

— С местной полицией уже договорились — они ни во что не будут вмешиваться. С ФБР всё сложнее, однако если что, чёрный Барри предупредит.

— Хорошо. А как там засада у нашего экс-фбровца?

— Эрикссон уже который день не появлялся у себя на квартире. Забился в какую-то нору, гад, и теперь попробуй его найти.

Миргородского буквально выдавил из себя измученную улыбку.

— А не устроил ли этот "друг" случайно себе отпуск где-нибудь во Флориде?

Рябых хмыкнул.

— Ничего, рано или поздно он заявится к себе домой — если нужно, то мы год будем ждать, — и тогда у него появиться "счастливая" возможность познакомиться с моими снайперами. А пока охота продолжается.

Но ни олигарх, ни контрразведчик и не подозревали, что в это же самое время "друг" охотился на них.

Эрикссон протёр глаза — после принятого вчера снотворного Джек чувствовал себя разбитым, словно всю ночь таскал мешки с цементом. За последнее время он порядком вымотался, и длительный восстановительный сон ему никак не помешал не помешал.

Покинув службу, Джек предусмотрительно решил не возвращаться домой — более чем вероятно, что его бывшие коллеги уже установили за ней наблюдение, поэтому переночевав в третьесортной гостинице в Бронксе, на следующее утро он отправился искать себе новое убежище — нужно было исчезнуть на время, чтобы обдумать ситуацию.

А Миргородский поселился в российском представительстве при ООН, о проникновение в которое Эрикссон не мог и мечтать. Американец также решил не следовать за олигархом во время перемещения того по городу — магната очень хорошо охраняли. К тому же слежку без напарника рано или поздно обнаружили, и из охотника Джек скоро бы превратился в мишень.

Выбор Эрикссона пал на офис торговой фирмы — отправляющиеся в отпуск коммерсанты были не прочь заработать за время отдыха несколько тысяч долларов, почему и согласились сдать в аренду свою контору до начала сентября.

Без всякого сомнения, можно было найти помещение и подешевле — но тут было

одно немаловажное обстоятельство — офис располагался в Манхеттене на пятьдесят четвёртом этаже одного из старейших нью-йоркских небоскрёбов, а на сорок пятом этаже дома напротив находился "Торговый дом "Нью-Йорк-Москва" — фирма, фактическим владельцем которой был Миргородский.

Эрикссон сильно надеялся, что олигарх хоть раз туда заглянет, поэтому отправился к своему знакомому торговцу оружием, что обитал на Восточной 63-й улице. Джек хотел купить гранатомёт — одна, максимум две гранаты решили бы все проблемы, — но Одноглазый Бил уверял, что сможет достать "базуку" не раньше октября, да и стоить "игрушка" будет недёшево. Обратиться к другим торговцам оружием бывший фбровец не рискнул — его могли запросто "заложить".

Конечно, можно было попытаться "достать" магната из автомата, но он отлично помнил, чем закончилась его предыдущая подобная попытка, поэтому на сей раз решил действовать наверняка.

Вначале нужно было произвести обследование всей прилегающей территории — на это у Джека ушло несколько дней. Он тщательно изучил расположение офиса фирмы Миргородского дома, все подходы к нему и выяснил, что один человек постоянно дежурил в помещении торгового дома, а в гараже и на первом этаже этого небоскрёба была круглосуточная охрана. Кроме того, фирма, расположенная на сорок шестом этаже, держала двух ночных сторожей, которые должны были по несколько раз за ночь совершать обход, но этого, как убедился Эрикссон, зачастую не делалось. На сорок третьем и сорок четвёртом этажах таких сторожей не было — тамошние компании больше полагались на системы охранной сигнализации, но они защищали только офисы, а входные двери со стороны эвакуационных лестниц, которыми почти никто не пользовался, были заперты на обычные замки.

Но и это было ещё не всё — под небоскрёбом проходило множество подземных коммуникаций, и их, после некоторой модернизации, можно было использовать для проникновения в здание.

На основании полученной информации он и разработал оригинальный план, на реализацию которого потребовалось немало времени и средств.

Работать приходилось по ночам, а днём Джек был или занят наблюдением, или, когда требовалось различное снаряжение, отправлялся к Биллу.

Подземные работы заняли три ночи, и теперь мститель беспрепятственно посещал дом напротив в любое время. Мимоходом он заминировал силовые и телефонные кабели, ещё две ночи были потрачены на монтаж и установку на крыше уже "своего" небоскрёба генератора электромагнитных помех — после чего Эрикссон в любой момент мог отрезать торговый дом Миргородского от внешнего мира на сравнительно продолжительное время.

Последним пунктом в его плане была блокировка лестниц. Всего их было четыре, и Джек долго не мог придумать, что с ними делать. Наконец его осенило — он стал монтировать мины во входные двери сорок третьего и сорок четвёртого этажа — ещё четыре дня ему пришлось побыть ночным столяром. Получив радиокomанду извне,

фугасы переключались в боевое положение, в котором находились сорок минут, (После проведения акции Эрикссон не хотел ни тратить время на разминирование, ни тем более, чтобы подрывался кто-то посторонний) и как только их ультразвуковые детекторы обнаруживали что-либо перед дверями, происходил взрыв.

К началу августа всё было готово, но Миргородский и не думал появляться. Время шло, и американцу уже стало казаться, что он ошибся в своих предположениях. Однако с середины месяца ситуация стала меняться — теперь в офисе постоянно находилось уже трое охранников, затем торговый дом дважды посещали специалисты по контршпионажу, а прошлой ночью дежурили все девять "бойцов". Было ясно, что на следующей неделе должны были пожаловать "гости".

Джек откупорил алюминиевую банку с пивом, немного отхлебнул, затем посмотрел на часы — была половина девятого. Он сделал ещё глоток, взял в другую руки бинокль, и направился к окну. А в доме напротив что-то происходило — несмотря на дневное время на всех окнах торгового дома были закрыты жалюзи. Эрикссон положил бинокль на стол, и щелчком тумблера на самодельном пульте, включил прослушивающее устройство — купленный по случаю у Била небольшой агрегат, размером со стиральную машину, который улавливал колебания стёкол в кабинете главного менеджера торгового дома, и преобразовывал их в звуковые сигналы. Качество звука было плохое, но с этим приходилось мириться.

— Слушаю вас, Арита Абрамовна, — раздался голос Миргородского.

Джек снова поднёс банку ко рту.

Тут заговорила незнакомая Джеку женщина.

— Ваш Эрикссон где-то совсем рядом — я его явно ощущаю. Уверена на все сто, что готовит нам очередную пакость.

Услышав это, американец поперхнулся, дважды кашлянул, и со злости швырнул банку. На полу появилась пивная лужица.

— Этого нам ещё не хватало, — сказал олигарх.

С последней фразой Эрикссон был полностью согласен. Эти колдуны ему уже порядком надоели — сначала был Сутужкин, а сейчас эта ведьма. Американец снова пожалел, что у него нет гранатомёта. Но другой стороны враги уже в западне, и теперь у него начинается настоящая охота.

— Отменим встречу, Михаил Моисеевич? — осторожно предложил третий собеседник.

— Ты с ума сошёл! — и тут Джек отключил "прослушку", и стал быстро одевать бронежилет. Жаль, поесть не удастся — а то "дичь" можно упустить.

В собой он возьмет два автомата с запасными обоймами, несколько гранат — сколько сможет взять, и, естественно "стечкин" — свой талисман. И ничего, что патроны к нему обошлись втрое дороже, чем к автомату, главное, что эта "игрушка" приносил удачу. Ещё нужно не забыть дистанционный пульт отключения мин.

Закончив подготовку, Эрикссон посмотрел на себя в зеркало — вроде всё нормально — он похож на ходячий арсенал. Джек подошёл к пульту, и последовательно

щёлкнул четырьмя переключателями. Так он включил фугасы и "глушилку"; через пятнадцать минут установленный на треноге автомат откроет огонь по окнам компании Миргородского, а ещё через двадцать — устройство самоуничтожения ликвидирует все следы его пребывания в этом помещении. Комерсанты-арендаторы, и владельцы здания от этого не пострадают — ведь их всех ожидает страховка.

Всё, можно идти — его путь лежит в подвал.

Охрана, поставленная у входа в офис, сообщила, что прибыл сенатор Голдерман, и с ним два телохранителя.

"Странно, — подумал Рябых, — но вахтёр внизу не сообщил об их приходе, а ведь он обязан был это сделать."

Минуту спустя Миргородский уже лбызался с лысеватым коротышкой, так похожим на скупщика краденого. Голдерман был потомком эмигрантов из России во втором поколении, поэтому неплохо знал русский язык.

— Сюрприз, сюрприз! — престарелый сенатор, в этот момент был похож на расшалившегося школьника. — Признайся, Михаил, что я здорово провёл твою охрану. Мы из Вашингтона прилетели на вертолёте — это наилучший способ избавиться от слежки. Ты деньги собрал?

— Всё как ты просил, Дик. В двух "дипломатах" наличка — десять миллионов евро, а в сумке — еще сорок — в карточках по десять штук в упаковках, на них-же финкоды. Максим, — Миргородский позвал своего помощника, — неси всё сюда.

Максим подошёл к ним, поставил "дипломаты" на пол, а сумку раскрыл, и показав её содержимое, передал охраннику сенатора — невысокому, но очень мускулистому парню дальневосточного происхождения.

Увидев такое богатство, Гордерман засиял.

— Хорошо, хорошо. Тебе придётся всё это нести, Брюс.

Тот, закрыв сумку, забросил её на плечо, затем забрал оба "дипломата", и с преданностью сторожевой собаки посмотрел на своего хозяина.

— Ты не будешь проверять? — спросил Миргородский.

— Я тебе доверяю, Михаил. Если будет что-то не в порядке, то я сообщу. И хватит тебе нервничать — всё худшее уже позади. Комиссия конгресса для тебя теперь не существует, ФБР — так там у Поупа всё под контролем, остаётся один очень упрямый окружной прокурор. Но у него есть маленькая слабость — несовершеннолетние мальчики, поэтому в нужный момент мы быстро поубавим ему прыти...

Его разглагольствования прервал внезапно наступивший полумрак — в комнате потух свет.

— Электричество вырубili! — послышалось из коридора.

"Ну вот, началось! Теперь придётся подыматься на крышу по лестнице пешком, — подумал сенатор. — И это в мои-то годы. Ладно, хватит причитать, главное — это вовремя унести ноги."

Почувствовав, что пахнет жареным, Голдерман решил окончить встречу. — Ну, нам пора. Надеюсь, ещё увидимся.

И он трусливо засеменил к выходу. Верные оруженосцы последовали за ним.

— Желаю удачно долететь, — ему в спину прошипел Миргородский. Он стал беднее почти на пятьдесят "лимонов" — и это ещё легко отделался. — Дмитрий, узнай что это было.

Рябых уже держал в руке рацию.

— Японский городской!

— Что случилось? — и у миллиардера от волнения затряслись руки.

— Кто-то глушит рацию. Не могу связаться с нашими людьми внизу. "Возможно, что они уже мертвы" — мысленно добавил службист.

— Так что ты стоишь? — истерично заорал Миргородский. — Делай что-нибудь, Дмитрий!

Рябых не долго не раздумывал.

— Шаман, звони вниз. Клык, гони сюда Бориса.

— Дмитрий Васильевич, — слышался голос Шамана, — телефон молчит, как отрезанный, а "сотовый" глушат.

Полковник ФСБ выругался.

— Нужно бежать отсюда! Скорее! — Магнат полностью потерял голову. Одно дело, когда других приговариваешь к смерти, но совсем другой оборот, если жертвой становишься сам.

— Куда бежать? Раз электричество отключили, то лифты не работают!

— А по лестнице?

— Мы на сорок пятом этаже, — напомнил контрразведчик, — а по дороге вниз может всякое случиться.

— Я пойду вниз, — проявил инициативу Максим, — и узнаю, что случилось.

— Нет! — запретил Рябых.

— Да! — приказным тоном возразил олигарх. — Иди, только возьми с собой троих наших.

— Правильно — чего нам бояться! Когда четверо ушли,

Дмитрий задумался. Всё происходящее было похоже на специально спланированную акцию — поэтому распылять силы явно не следовало. Но не он здесь "командует парадом".

Ушедшие с Максимом были из службы безопасности олигарха. Ребята они накаченные, да и покойный Иванов понатащил их кое-чему, но отсутствие боевого опыта никакими тренировками не компенсируешь.

Ещё шестеро — мафиози из Брайтон-Бич, работающие под "крышей" местного детективного агентства. Главный из них Борис Кричевский, давний приятель Иванова, должен был сейчас подойти. Как специалист он так себе — ни богу свечка, ни черту кочерга. От остальных толку вообще мало — именно трое "брайтановцев" были оставлены в гараже. Только на случай объяснения с полицией они могли пригодиться, поскольку единственные в собравшейся компании имеют законное право носить оружие.

И наконец, Клык и Шаман. На этих опытных "волкодавов" он, Рябых, может положиться в первую очередь — бывшие спецназовцы частенько бывали в разных переделках, имели за плечами войну в Чечне.

Там они неплохо приторговывали оружием и секретной информацией, но однажды их "художествами" заинтересовалась военная контрразведка. Ренегатам грозил трибунал, но вмешался Рябых, тогда ещё майор, — ему требовались высококвалифицированные специалисты для выполнения "грязной" работы, — и дело армейских "бизнесменов" замяли. Правда, армию после этого им пришлось покинуть.

Женщину, олигарха, и его помощника, в расчёт можно не принимать.

В комнату зашёл Клык, а следом за ним Борис.

— Что будем делать, Василич? — от имени присутствующих спросил Шаман.

— Займём оборону, и будем ждать.

— Чего? — резко спросил Миргородский.

— Когда к нам пожалует мистер Эрикссон.

— Так он один! — поразился Кричевский. — У нас тут куча народа, а мы с одним засранцем — американцем не управимся. Вот позорище — дожились!

Рябых понял, что сейчас начнётся бесполезная дискуссия, которую он не в силах предотвратить.

Где-то внутри раздался глухой взрыв. Здание содрогнулось, словно большой сейф сбросили с крыши.

Изменившаяся ситуация и подсказала Рябых выход:

— Максим, чьи потроха будут долго сошкрёбывать со стен и потолка, похоже был такого же мнения.

Полковник ФСБ сделал паузу. Молчание. Убедившись, что его слова вызвали необходимый эффект, Рябых продолжил.

— Значит так, — мы сейчас в западне. Рано или поздно сюда приедет полиция — или её додумается вызвать наш сенатор-вертолётчик, или АНБ засечёт "глушилку". На худой конец можно пострелять по улице — тогда "фараоны" точно приедут.

Людей мало, поэтому, Боря, гони всех своих сюда. Блокируйте коридор, и соседние комнаты. Особое внимание на вентиляцию и окна.

Всё, занять оборону! Шаман и Клык — останьтесь, вы понадобятся.

А трое американцев уже добрались до крыши. Пожилой сенатор сильно отстал от своих подчинённых — так те спешили покинуть опасный небоскрёб. Первым достиг вертолётной площадки двигавшийся налегке Джон — вооружённый "узи", горилообразный субъект.

Увидев возле вертолёта трупы пилота и охранника, он бросился было назад, но неслышная автоматная очередь настигла его. Брюс бросил "дипломаты", и потянулся за оружием, но залп из подствольного гранатомёта повалил и его, и следовавшего за ним сенатора.

Артур Аскольдов довольно хмыкнул — на этом этапе дело оказалось даже проще, чем он это себе представлял. Теперь ему предстоял спуск вниз, на сорок пятый этаж.

Только посмотрим, что в этих двух чемоданах и сумке, и пойдём.

Благополучно преодолев своё же минное заграждение, Джек остановился перед дверью "Торгового дома "Нью-Йорк-Москва". Было без двух минут девять — ровно через минуту автомат из его конторы откроет пальбу, под прикрытием которой есть реальный шанс захватить обороняющихся врасплох.

Эрикссон посмотрел на часы — осталось тридцать секунд. Всё, пора — он взял в каждую руку по "Ингрему", сделал вперёд шаг, и изо всех сил ударил по двери ногой. Дверь распахнулась — он ожидал шквал огня — но холл был пуст, даже дежурного охранника не было.

Джек побежал. Когда он достиг главного коридора, впереди что-то защёлкало, раздались крики. Американец осторожно выглянул за угол — совсем рядом было полно вооружённых людей. Его заметили — он завалил из автоматов двоих или троих, а остальные упали и стали отстреливаться. Эрикссон отскочил назад, выдернул чеку, и как можно дальше забросил гранату в коридор; за ней последовала вторая, третья, четвёртая. Переждав серию взрывов, он снова выглянул — на полу в лужах крови лежало шестеро.

Американец пошёл вперёд. До кабинета главного менеджера оставалось метра три-четыре, когда дверь открылась, и оттуда прямо под ноги Джеку плюхнулась граната. Он отскочил назад, ударом ноги распахнул ближайшую дверь — и прогремел взрыв. Как очутился в маленькой комнатке, Эрикссон не помнил — бронежилет спас его, взяв львиную долю энергии взрыва, но было больно, чертовски больно. Он выглянул в коридор — двое сразу открыли огонь, потом бросили гранату — на этот раз Джек успел спрятаться. Американец высунул автомат и открыл стрельбу наугад — в ответ прилетела новая граната, и он едва укрылся от ливня осколков. Эрикссон перезарядил автомат, извлёк свою последнюю гранату и закинул её в коридор. Взрыв ещё не прогремел, а Джек уже сбрасывал бронежилет. Боль усилилась, и чтобы не закричал он стал кусать губы. Во рту появился вкус крови, однако стало немного легче.

Нужно было выбираться отсюда и по скорее. Но как? Коридор исключался, оставалось окно — вдоль внешней стены проходил карниз, по которому можно было пройти. Джек снова высунул автомат и стал стрелять, а из другого автомата изрешетил окно. Переждав очередную гранату, он отодвинул жалюзи, и полез в окно.

Карниз оказался узкий — фут с небольшим, поэтому, чтобы не сорваться, пришлось продвигаться медленно. Сзади грохотало — сообщники Миргородского гранат не жалели. А вот и спасительное окно, причём приоткрытое, до него пару шагов, но Джек пошатнулся, и едва не сорвался. Судорожно взмахнув руками, он восстановил равновесие, но оба автомата полетели вниз. А оттуда слышался вой сирен — к зданию подъехала полицейская машина. Эрикссон сделал последние шаги, и очутился в конторе клерков — обширном помещении, заставленном столами с компьютерами и прочей оргтехникой.

Широко применявшаяся в Афганистане и Чечне тактика "зачисток" закрытых помещений подвела Шамана и Клыка — они так увлеклись поливать свинцом и

забрасывать гранатами предполагаемое убежище Эрикссона, что не вовремя не заметили американца, выскочившего из соседней комнаты, и тот без труда разрядил в них всю обойму "стечкина".

Джек подошёл к лежащим на полу телам, подобрал "калашниковы" и двинулся дальше.

Кабинет главного менеджера был пуст — Миргородский со своими уцелевшими приспешниками сбежал.

— Чёрт!

Не теряя бдительности, Эрикссон стал обыскивать другие помещения. Из комнаты слева вышла женщина. Американец остолбенел — это была его невеста, Джина Смит.

— Ты?!

— Я. Иди сюда, Джек — ласково поманила она.

Эрикссон понимал, что этого не могло быть — его невеста давно мертва, но противиться зову не смог. Он сделал шаг, другой, удар сзади повалил его, в спину упёрся "ствол", затем кто-то ловко набросил удавку на шее.

— Позови, босса, — торжественно произнёс Рябых.

— Нет! Сейчас не время ломать комедию, — Джина превратилась в незнакомую темноволосую женщину, с огромными глазами навывкате. — Кончай его, Дмитрий!

Стальная проволока впилась в шею — Джек захрипел, глаза, казалось, вылезали из орбит...

— Что за драка, и без меня!, — раздался сзади знакомый голос. Рябых вскрикнул, и падая отпустил удавку.

Маргарита Курская посмотрела на новоприбывшего — это был тот странный тип с фотографии — Артур Аскольдов, полуживой-полумёртвый убийца её брата. И как он выдержал её гипнотический взгляд, Арита поняла, что его так просто не возьмёшь. Её захлестнула ярость — Алексея всё равно будет отомщён: если не удалась нападение на плоть, то можно воздействовать на неживую материю...

Автомат в руках Аскольдова внезапно стал таким горячим, что деревянный приклад вспыхнул ярким огнём. Артур мгновенно отбросил "калашников" подальше, и вовремя — сзади рвануло. Мститель потянулся за ножом, но подарок деда тоже накалился до бела, и скрипя зубами, он разжал обожённую ладонь.

"Чёртова ведьма давит меня пирокинезом! — понял он, потирая ожог. — Задушу гадину!"

Артур сделал шаг, но упёрся в упругую, невидимую преграду. Арита повторила ментальную атаку. На этот раз Аскольдов зашатался, и вместе с туманом в голове возник страх — он явно проигрывает поединок. Стоит ведьме ещё поднажать и всё будет кончено. Ведьма! Вот ключевое слово.

"Очень давно, когда она была ещё великаншей, Тор, проломив ей череп, отправил её в Хель, — вспомнил он услышанное в Вальгалле. — Однако она вскоре бежала оттуда, и в виде ведьмы воплотилась в Мидгарде.

Не без труда Аскольдов снял с шеи талисман, и выставил

перед собой. Туман в голове немного рассеялся, сразу стало легче. Ведьма попыталась расплавить маленький молот, но тот не поддавался её колдовским чарам.

Артур замахнулся молотком, пытаясь прицелиться ведьме в голову. Увидев это, в Курской проснулся животный страх – Арита отступила на шаг, резко повернулась и бросилась бежать. Она добежала до открытой двери в конце коридора, но попав под выстрелы обезумевшего от страха олигарха, распостёрлась на полу в довольно соблазнительной позе.

Джек пришёл в себя.

— Ты откуда?

Аскольдов помедлил, а затем показал пальцем вверх.

— Оттуда! Пошли, нужно закончить дело.

Миргородский забаррикадировался в маленькой комнате. На все предложения сдаться, он отвечал яростной стрельбой.

— Ничего, я его всё равно достану, — сказал Артур, — Мне терпения не занимать.

— У нас на осаду нет на времени, — возразил Джек. — Скоро здесь будет полиция. Гранаты есть?

— Есть.

— Хорошо. Подожди, не бросай.

— Ты что задумал?

— Увидишь, — и Джек бросился в контору клерков.

Вернулся он быстро.

— Выкладывай все, — четыре гранаты легли на пол.

Эрикссон обмотал их липкой лентой, выдернул у одной кольцо, и забросил связку в последнее пристанище олигарха. Яркая вспышка, грохот, разлетающиеся осколки, пол содрогнулся.

Двое заглянули в комнату.

— Он наконец-то получил своё, — подвёл черту Аскольдов.

— Да, — Джеку сразу стало легко на душе, хотелось всеми способами выражать восторг, но он сдержался, и лишь с мрачным юмором добавил. — Тут явно потребуется серьёзный ремонт.

— Теперь куда?

— Спускаемся в подвал — там подземный ход в соседнее здание. Только бы не напороться на полицию — у меня что-то нет желания с ними беседовать.

— У меня есть лучшая идея. Ты, кажется, был в армии вертолётчиком?

— Да.

— Тут на крыше вертолёт, и кое-что ещё — оно тебя явно заинтересует.

— Тогда пошли.

XXIV.

Вертолёт сенатора приземлился на берегу океана. Летняя жара закончилась, дул лёгкий ветерок; небольшие волны лениво наплзали на берег, и выпустив в конце своего пути пену, также неспешно отступали назад. Совсем рядом редкие машины

проносились по шоссе, в конце которого начинался ряд двух-трёх этажных коттеджей, вдалеке виднелся Нью-Йорк.

Джек изучающе посмотрел на Артура — перед ним сидел совсем другой человек. Внешне, с момента их расставание, он мало изменился, но какая-то незримая перемена в нём всё-таки произошла. Наконец Эрикссон понял — глаза. Глаза много пережившего человека, более осознанные, какие бывают у стариков.

Аскольдов закончил считать деньги.

— Всего десять миллионов евро. А сколько в кредитных карточках сказать трудно. Что будем делать?

— Всё поделим поровну — что-то в последнее время я сильно истратился. И, где ты всё-таки был?

— Ты не поверишь.

— После того, как я увидел Джину, уже во всё верю.

Артур призадумался.

— Ага, теперь понятно, чем та ведьма тебя достала. Хорошо, хорошо... Можешь считать, что я побывал на том свете. Видел там нашего Павла Мишко, и некого Ганса Титке.

Эрикссон скептически сжал губы — у Артура точно "крыша" поехала. Но непонятно, как он очутился в Нью-Йорке, где достал оружие, и откуда узнал о Гансе.

— Может Дитке?

— Точно. Он передал тебе привет. Ну как ты?

— Уволился из ФБР. Теперь я свободный человек. Нам пора уходить. Пошли.

... С моря слышался плеск вёсел. Они обернулись — три драккара быстро плыли вдоль берега. Вёсла дружно опускались в воду, и в этот миг викинги затянули боевую песню.